Державинский

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г. 2023. Том 7. № 4 Выходит 4 раза в год

Сквозной номер выпуска – 28

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (с 25.12.2020 г.), по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4 (с 01.11.2022). Категория К2. Индексируется РИНЦ, CrossRef, размещен в НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Зелепукин Роман Валерьевич** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности; Управление Росреестра по Тамбовской области, руководитель; заслуженный юрист Российской Федерации

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. Юридический институт (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права (г. Москва, РФ), президент; Башкирский государственный университет (г. Уфа, РФ), профессор кафедры теории государства и права

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права
Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой
Соловьева Виктория Викторовна – д.и.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права
Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности
Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности
Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и. о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:
Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. 188 с. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). Электронная почта: lexnauka.tgu@yandex.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*
Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*
Редакторы английских текстов: *Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина*
Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*
Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209. Институт права и национальной безопасности
Телефон: +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru
Веб-сайт: http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/ (на русском языке)
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/ (на английском языке)

Распространяется бесплатно и по подписке. Индекс 80661 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Подписано в печать 08.12.2023. Дата выхода в свет
Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.
Печ. л. 23,5. Усл. печ. л. 21,9. Тираж 1000 экз. Заказ 23311. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2023
Все права защищены
© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2023
© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2023

16+

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017 2023, vol. 7, no. 4 Issued 4 times a year

Continuous issue number – 28

The journal is on the "Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science" by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (from December 25, 2020), in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4 (from November 1, 2022). Category K2.
Indexed by the RSCI, CrossRef, uploaded to eLIBRARY.RU, CyberLeninka

The establisher and publisher:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Derzhavin Tambov State University"
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: **Zelepukin Roman Valerevich** – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:
Andryiashka Maryna Vasilevna – PhD (Law), Associate Professor. Baranovichi State University (Baranavichy, the Republic of Belarus), Associate Professor of General Legal Disciplines and Public Administration Department
Afanasev Sergey Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure Department
Blinkova Elena Viktorovna – Dr. habil. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty
Voronov Alexander Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law
Eltsov Nikolay Sergeevich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute; Federal Registration Service in the Tambov region, Head of the Office; Honored Lawyer of the Russian Federation
Zolotuhin Aleksandr Dmitrievich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil and Arbitral Procedure Department of Law and National Security Institute
Ivanova Nelli Aleksandrovna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil Law Department of Law and National Security Institute
Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich – Dr. habil. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department
Klimenko Tauzhan Mikailovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department
Komarov Sergey Aleksandrovich – Dr. habil. (Law), Professor. Private Educational Institution of the Higher Training "Institute of Law" (St. Petersburg, Russian Federation), Scientific Advisor; The Interregional Association of Theorists of State and Law (Moscow, Russian Federation), President; Bashkir State University (Ufa, Russian Federation), Professor of State and Law Theory Department
Kochetkov Aleksandr Viktorovich – PhD (Law), Associate Professor. Arbitral Court of Voronezh Region (Voronezh, Russian Federation), Court President
Lagutin Igor Borisovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department
Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department; Saratov Research Centre for Organized Crime and Corruption Issues (Saratov, Russian Federation), Director
Ovsyannikov Igor Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center
Osokin Roman Borisovich – Dr. habil. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training
Panko Kirill Konstantinovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department
Polishchuk Nikolay Ivanovich – Dr. habil. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Rybakova Svetlana Viktorovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Financial, Banking and Customs Law Department Named After Professor Khimicheva Nina Ivanovna
Solovyova Viktoriya Viktorovna – Dr. habil. (History), Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation), Professor of the Theory and History of the State and Law Department
Trofimov Vasilii Vladislavovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department of Law and National Security Institute
Chunyaeva Vera Anatolevna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Law and National Security Institute
Yudin Andrew Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Acting Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:
Current Issues of the State and Law. 2023. Vol. 7, no. 4. 188 p. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4

The journal "Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИ no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3117). E-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*
Editors: *Y.A. Biryukova*, *M.I. Filatova*
English texts editors: *D.G. Samodurov, M.A. Senina*
Cover design *T.O. Prokofeva*
Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:
Office 209, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **E-mail:** lexnauka.tgu@yandex.ru
Web site: http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/ (In Russian)
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/ (In English)

Distributed free of charge and by subscription. Index 80661 in the catalogue LLC "Ural-Press"

Signed for printing 08.12.2023. Release date
Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.
Pr. sheet 23,5. Conv. pr. sheet 21,9. Copies printed 1000. Order no. 23311. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House "Derzhavinskiy"
FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University"
190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Content of the journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University", 2023.
All rights reserved
© Editorial board of the journal "Current Issues of the State and Law", 2023
© Editorial of the journal "Current Issues of the State and Law", 2023

Державинский

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г. 2023. Том 7. № 4 Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Завгородняя А.А. Справедливое соотношение частных и публичных интересов и пропорциональность 471
Землин А.И., Гоц Е.В., Матвеева М.А. Вопросы совершенствования российского законодательства о техническом регулировании в части определения недостатка высокоавтоматизированного автомобиля 484
Крамской В.В. Структура секундарного права 493
Кузнецова О.А. Использование мягкого права в сфере противодействия коррупции 504
Любчик А.А., Мавлиханова И.С. Экономическая безопасность государства: законодательные проблемы и доктринальные противоречия 515
Паршина Н.В. Правовой статус судебных учреждений в Кубанской области в пореформенный период (1869–1920 гг.): по материалам правоприменительной практики 529
Рыжкова И.Д. О некоторых технико-юридических проблемах российского Уголовного кодекса 536
Соловьёва В.В., Чуносов В.С. Проблемы формирования идентичности в эпоху глобализации: философско-правовое измерение 544
Холиков И.В., Холикова А.И. Парламентское расследование как инструмент противодействия коррупции и злоупотребления власти 551

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

Абрамова В.И., Каширская Е.М., Ментюкова М.А. Преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и меры профилактики 558
Блинкова Е.В., Ананьева Е.О. Правовой режим оборота информации 569
Василенко А.С. Институт соучастия в российском уголовном праве на современном этапе 578
Возняк А.М. Противодействие обороту порнографии в России и Китае: сравнительно-правовой анализ 586
Колосовский О.В. К вопросу о позитивном поведении в уголовном праве 594
Попова Е.А., Кузнецова И.С. Экстремизм и терроризм в сети Интернет как преступления в сфере компьютерной информации мирового масштаба 601
Труфанова А.Ю., Синяева М.И. Киберпространство как место совершения преступлений: современные тенденции, особенности, меры предупреждения 610
Хилюта В.В. Основание уголовно-правовой охраны (или к вопросу о криминализации деяния в уголовном праве) 620

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Литовской Республики 629
Левашова О.В. Применение метода криминалистической одорологии при раскрытии и расследовании преступлений: проблемы и перспективы 637

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Королёв Е.В. Актуальные проблемы отсутствия реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества как санкция за недобросовестное поведение участников торгов 645

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2023, vol. 7, no. 4 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

Anastacija A. Zavgorodniaia, Fair ratio of private and public interests and proportionality 471

Alexander I. Zemlin, Evgeniya V. Gots, Maria A. Matveeva, Issues of improving Russian legislation on technical regulation in terms of determining the shortcomings of a highly automated car 484

Vadim V. Kramskoy, Structure of secondary law 493

Olga A. Kuznetsova, The use of soft law in anti-corruption field 504

Aleksandr A. Lyubchik, Roza V. Mavlikhanova, Economic security of the state: legislative problems and doctrinal contradictions 515

Natalia V. Parshina, Legal status of judicial institutions in the Kuban region in the post-reform period (1869–1920): based on the law enforcement practice materials 529

Irina D. Ryzhkova, On some technical and legal problems of the Russian Criminal Code 536

Victoria V. Solovyova, & Vladislav S. Chunosov, Problems of identity formation in the era of globalization: philosophical and legal dimension 544

Ivan V. Kholikov, Anastasia I. Kholikova, Parliamentary investigation as a tool of counter corruption and power abuse 551

SUBSTANTIVE LAW

Vasilisa I. Abramova, Ekaterina M. Kashirskaya, Mariya A. Mentiukova, Juvenile delinquency: criminological characteristics and preventive measures 558

Elena V. Blinkova, Ekaterina O. Anan'eva, Legal regime of information turnover 569

Alexandra S. Vasilenko, Institute of complicity in Russian criminal law at the present stage 578

Andrei M. Voznyak, Counteraction to pornography traffic in Russia and China: comparative legal analysis 586

Oleg V. Kolosovsky, On the issue of positive behavior in criminal law 594

Elena A. Popova, Irina S. Kuznetsova, Extremism and terrorism on the Internet as crimes in the field of computer information on a global scale 601

Alexandra Yu. Trufanova, Mariya I. Sinyaeva, Cyberspace as a crime scene: current trends, features, prevention measures 610

Vadim V. Khilyuta, Basis of criminal legal protection (or to the issue of criminalization of a deed in criminal law) 620

PROCEDURAL LAW

Vladimir A. Gavrilenko, Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Lithuanian Republic's legislation analysis 629

Olga V. Levashova, Application of the method of forensic odorology in the detection and investigation of crimes: problems and prospects 637

REVIEW OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Evgenii V. Korolev, Current issues of the lack of a register of dishonest bidders for the privatization of state and municipal property as a sanction for dishonest behavior of bidders 645

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА
GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 34.01
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-471-483
Шифр научной специальности 5.1.1

Справедливое соотношение частных и публичных интересов и пропорциональность

© ЗАВГОРОДНЯЯ Анастасия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, 283049, г. Донецк, ул. Лебединского, 9, https://orcid.org/0000-0001-5120-7018, nastacija@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены проблемы взаимодействия, согласования и уравновешивания интересов. Несмотря на множество исследований, данная проблематика остается актуальной и имеет непосредственную связь с идеями справедливости. Цель – рассмотреть соотношение частных и публичных интересов как результат применения пропорциональности. Методологической основой стали общие и частнонаучные методы, а именно логический; использованы такие приемы, как анализ, абстрагирование, применен системно-функциональный подход. Говоря о равновесии, акцент сделан на том, что статическое равновесие интересов однозначно не может быть оптимальной формой их соотношения, поскольку в определенных изменяющихся обстоятельствах объективно необходимо его изменять, смещая акценты, устанавливать приоритет одного интереса над другим. Право не может охватить своим регулированием все отношения, поэтому урегулированию будут способствовать инструментальные принципы, в частности принцип пропорциональности, который и будет рассматривать (разрешать) противостояние частных и публичных интересов. Отмечено, что хотя принцип пропорциональности, как правило, не назван прямо в нормативных актах, а транслируется в правоинтерпретационных актах, посвященных правам человека, его применение обусловлено наличием в них общих или специальных положений, допускающих ограничение прав при соблюдении ряда определенных условий. Пропорциональность рассматривают как: соразмерность, принцип пропорционального ограничения прав и свобод; вид судебного контроля; концепцию; методику – все это еще раз говорит о многоаспектности сферы применения, а на уровне государственной (национальной) доктрины – об особенности правопонимания и правовой культуры. Существуют несколько методик определения пропорциональности, которые варьируются в зависимости от сферы применения, типов правопонимания и конкретной доктрины, доминирующей в определенном сообществе. Сделан вывод о том, что баланс или соразмерность (равновесие) в значении справедливого обеспечения и реализации частных и публичных интересов связаны с вопросом о специфике поэтапного применения инструментального принципа пропорциональности, а любое ограничение прав субъектов на законотворческом уровне должно быть подчинено алгоритму пропорциональности, при этом любой приоритет между интересами будет пропорциональным настолько, насколько он признан в конкретном обществе, а также насколько справедлив и демократичен

был дискурс. Как следствие балансом интересов будет признано то соотношение, при котором приоритет одного из них не чрезмерен и не вносит неоптимальной конфликтности в какую-либо сферу отношений, отсутствует негативная динамика в социально-правовой, политико-правовой среде.

Ключевые слова

право, интересы, баланс интересов, соотношение интересов, баланс частных и публичных интересов, пропорциональность, принцип пропорциональности, соразмерность

Для цитирования

Завгородняя А.А. Справедливое соотношение частных и публичных интересов и пропорциональность // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 471-483. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-471-483

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-471-483

Fair ratio of private and public interests and proportionality

© Anastacija A. ZAVGORODNIAIA,
PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Civil Law Disciplines Department, Donbass State University of Justice, 9 Lebedinsky St., Donetsk, 283049, Donetsk People's Republic, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0001-5120-7018, nastacija@mail.ru

Abstract

The issues of interaction, coordination and balancing of interests are considered. Despite many studies, this issue remains relevant and has a direct connection with the ideas of justice. The purpose of work is to consider the ratio of private and public interests as a result of the application of proportionality. The methodological basis of the study is: general and specific scientific methods, namely logical; techniques such as analysis, abstraction are used, and a system-functional approach is applied. Speaking about balance, the emphasis is on the fact that a static balance of interests clearly cannot be the optimal form of their ratio, since in certain changing circumstances it is objectively necessary to change it, shifting the emphasis, establishing the priority of one interest over another. The law cannot cover all relations with its regulation, therefore instrumental principles will contribute to the settlement, in particular the principle of proportionality, which will consider (resolve) the confrontation between private and public interests. It is noted that although the principle of proportionality, as a rule, is not directly named in normative acts, but is translated in legal interpretative acts devoted to human rights, its application is determined by the presence in them of general or special provisions that allow for the limitation of rights subject to a number of certain conditions. Proportionality is considered as: adequacy, the principle of proportional limitation of rights and freedoms; type of judicial control; concept; methodology – all this once again speaks of the multidimensionality of the scope of application, and at the level of state (national) doctrine – of the peculiarities of legal understanding and legal culture. There are several methods for determining proportionality, which vary depending on the scope of application, types of legal understanding and the specific doctrine dominant in a particular community. It is concluded that balance or proportionality (equilibrium) in the meaning of fair provision and implementation of private and public interests is associated with the issue of the specifics of the stage-by-stage application of the instrumental principle of proportionality, and any restriction of the rights of subjects at the legislative-creative level must be subject to the algorithm of proportionality , while any priority between interests will be proportional to the extent that it is recognized in a particular society, as well as how fair and democratic the discourse was. As a result, the balance of interests will be recognized as that ratio in which the priority of one of them is not excessive and does not introduce suboptimal conflict in any area of relations, there is no negative dynamics in the socio-legal, political and legal environment.

Keywords

law, interests, balance of interests, ratio of interests, balance of private and public interests, proportionality, principle of proportionality, adequacy

For citation

Zavgorodniaia, A.A. (2023). Fair ratio of private and public interests and proportionality. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 471-483 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-471-483

Введение. Постановка проблемы

Становление и развитие общества и права обусловлены нахождением способов реализации интересов во взаимодействии между отельными индивидами, индивидом и обществом, а также государством. Оптимально неконфликтное, динамически уравновешенное и предсказуемое взаимодействие индивидов и социальных групп в правоведении было и остается актуальным предметом исследований и, как правило, связано с идеями справедливости. Учения о «справедливой» реализации интересов определялись различными идеями, доктринами и формулами. Множество идеологий и теорий (философских, социальных, экономических, политический и правовых) предлагали различные механизмы реализации общего блага в оптимальном соотношении со свободами и правами человека. Впоследствии стало принятым обосновывать справедливый, разумный баланс в соотношении частных и публичных (общественных) интересов. С учетом того, что право основано на взаимодействии субъектов, реализующих свои интересы, для благополучного развития общества должно обеспечиваться согласование этих интересов, а первостепенно – их выявление при непосредственном участии заинтересованных лиц и обеспечение защиты [1, с. 228]. Указанные положения актуализируют изучение закономерностей признания и соответственно легитимности правовых предписаний и справедливости в рамках *интерсубъективного подхода*, а также инструментальный подход, который обеспечит возможности баланса интересов и справедливость посредством права.

Результаты исследования

1. Пропорциональность и поиск баланса интересов. Как справедливо указал В.В. Лазарев, «никакая характеристика в праве невозможна без того, чтобы не определиться, о каком праве пойдет речь и каком его понимании» [2, с. 207]. *В данном исследовании правовые явления не будут рассматриваться в рамках юридической догматики, юриспруденции понятий, правовой аксиологии.* Исходя из свойства релятивности современного познания, особенно правовых явлений как социокультурных, возможно лишь их описание и конструирование, среди которых предметом данного исследования были избраны такие явления, как формальная, содержательная и процедурная справедливость в установлении соотношения частных и публичных интересов, которые в праве отражаются через формальное равенство и пропорциональность, а также поиск баланса интересов. Уравновешивание абстрактных категорий является сложнейшей задачей в теории и на практике, однако, как справедливо утверждает Р. Алекси, оно положено в основу права, является частью его природы, а также имеет значение для его создания и применения [3, с. 152]. В согласовании и уравновешивании интересов в социуме посредством права имеют значение дискурс и правовая аргументация, особенно в случаях ограничения прав и ущемления актуальных легитимных интересов высокой значимости. Избрание критериев иерархии конституционных целей (часто в доктрине права с позиции аксиологического подхода используют феномен ценностей), обоснованность установления приоритета определенных интересов зависит от типа правопонимания и господствующей идеологии, а также качества политико-правового дискурса с точки зрения вовлечения различных социально-значимых интересов.

Проблеме интересов в праве, методологии их исследования, соразмерности, способам ее оценки посвящено множество исследований, среди которых отметим отечественных исследователей В.А. Гаджиева, А.В. Должикова, В.В. Лазарева, Г.В. Мальцева, Д.А. Пашенцева, В.В. Субочева, Я.В. Тимошина, Т.Я. Хабриеву. Также стоит выделить и зарубежных авторов, среди которых Р. Алекси, Р. Дворкин, Марк ван Хук, А. Фосскуле, Ю. Хабермас и иные. Указанные исследователи внесли ценнейший вклад в развитие интересов, учение о пропорциональности в праве. Однако в части нерешенной проблемы оптимального соотношения интересов в социальном и правовом пространстве авторами выдвигается гипотеза о том, что в случае конкуренции интересов в системе человек–общество–государство *балансом является признанный приоритет одного из интересов*. Практическое значение указанного положения состоит в применении определенной модели установления со-

отношения интересов с учетом социокультурных особенностей данного общества. В системе соответствующих механизмов важное место занимает общеправовой принцип пропорциональности, применение которого, тем не менее, не позволяет точно оценить соотношение интересов.

Отметим, что подробное историко-правовое и сравнительно-правовое исследование согласования интересов в этой работе не имеет методологического значения, однако при определении правовых технологий установления баланса интересов важен учет социокультурных особенностей, правосознания определенного общества и тип правопонимания. В частности, при государственном патернализме соотношение интересов граждан формируется в рамках потестарной парадигмы права, где «согласование» интересов происходит без надлежащего дискурса. Балансом же признается определенное устойчивое соотношение в системе индивид–общество–государство.

В отношении дискурса в этой системе отношений, его качества и вообще его наличия отметим, что с позиции правового регулирования как одного из инструментов социального управления важную роль имеет система социального контроля. Его модели, как справедливо отмечает Н.Н. Черногор, могут быть различными (но любая из них – приемлемой), они обусловливаются историческими предпосылками, менталитетом, мировоззренческими, идеологическими детерминантами. Одним из важных условий их функционирования является сбалансированное внедрение «в механизм управления обществом и государством, обеспечивая сотрудничество, а не противостояние государства и общества», недопустимость того, чтоб он был «средством реализации интересов отдельных лиц или социальных групп вопреки общественным интересам, выраженным через государство и охраняемым им» [4, с. 170]. Однако модель правопорядка в результате борьбы между социальными группами определяется тем, что доминирующая группа получает возможность объявлять те или иные действия и интересы юридически значимыми [5]. Соответствующие закономерности формирования правопорядка всегда будут предопределять недискурсивное соотношение интересов, реализация которых определяет и правообразующую волю. В частности, как отмечает А.В. Должиков, российской модели соразмерности свойственен особый приоритет традиционных ценностей общего блага, который неминуемо способствует принятию несбалансированных нормативных решений и, как следствие, нарушению прав [6].

Регулирование частных отношений закономерно связано с диспозитивными приемами, отсюда их дискурсивность и их соотношение (уравнивающая либо распределительная справедливость) – это осознанный выбор участников данных правоотношений в соответствии с их ожиданиями. Поэтому в соотношении между частными интересами нормативный подход в регулировании должен иметь акцент воспитательной и охранительной функции (как это справедливо в гражданском праве, например, имеет место с установлением оснований признания сделок недействительными). Также правовая охрана частных интересов обусловлена сохранением сбалансированности прав и обязанностей, интересов слабой стороны отношений. В этих положениях находит отражение *справедливое соотношение интересов как формальное равенство.*

В правовом взаимодействии, при котором интересы частного и публичного характера, а также различные публичные интересы конкурируют, противостоят, а нормы предписываются и могут быть установлены с различными мотивами, деонтологически-нормативному и предписывающему подходу должен также предшествовать коммуникативно-дискурсивный и конвенциональный подход, а юридическая аргументация должна исходить из этих комплементарных основ. Одной из главных особенностей публичного права продолжительное время являлась императивность, понимание сущности которой исключало варианты дискурсивности. Однако это явление стало следствием представления о том, что формулирование и представительство публичного интереса (интереса общества, которым обеспечивается баланс разных групп интересов) предоставлено узкому кругу лиц, который и принимает решения в рамках процедуры. Демократическое государство характеризу-

ется процессом принятия политических решений, предполагающим обсуждения, дискуссию, результаты которых должны максимально учитывать все социальные интересы, не игнорируя никакие из них [1, с. 228].

Поскольку право (и законодательство как одна из форм его существования) является открытой, динамичной, развивающейся системой, то ему присуща неуравновешенность. Кроме того, в условиях гипердинамического развития информационного пространства и технологий правовое регулирование должно быть оптимально гибким с учетом правовой определенности. Статическое соотношение интересов однозначно не может быть оптимальной формой, поскольку в определенных изменяющихся обстоятельствах объективно необходимо его изменять, смещая акценты, устанавливать приоритет одного интереса над другим. Но право апостериори не может охватить регулированием все отношения (по количественным, качественным и экономическим причинам), поэтому на помощь приходят инструментальные принципы, в частности, принцип пропорциональности, реализация которого и должна разрешать конкуренцию, противостояние интересов.

Поиск способов установления соотношения интересов в обществе стал следствием невозможности осуществления возможностей без ограничений при отсутствии равных возможностей реализации. Ограничения в праве столь же естественны, сколь естественно само право [2, с. 207]. Кроме того, интерсубъективность права и имманентная его нормативность как раз и обусловлены тем, что субъект осознает и свободно выбирает действия в отношениях в рамках ограничений с учетом признания других свободных субъектов, признанием взаимных прав и обязанностей.

Конституцией РФ допускается ограничение прав человека и гражданина законом, в частности, в целях защиты прав и законных интересов других лиц, для реализации публичных интересов. Однако непосредственно публичные интересы в признании и защите фундаментальных прав человека являются основой Конституции. Одновременно ее положения отражают разные публичные интересы как обоснования приемлемости ограничения прав человека, с которыми и устанавливается определенное соотношение интересов частных. Способы и результаты установления их соотношения в законодательстве и правоприменительной практике существенно зависят от понимания сути публичных интересов, соответственно степени их дискурсивности в политико-правовой действительности, а также необходимости и пригодности избранных мер для реализации публичных интересов.

2. Пропорциональность (соразмерность) в доктрине права. Пропорциональность (может быть и процедурой, и фиксированно презюмируемым состоянием интересов, что зависит от подхода) занимает одно из ведущих мест в доктрине правового государства, играет роль одного из способов достижения справедливости в демократическом (по сути, дискурсивном) обществе, став его достоянием. В философии права получили поддержку подходы к справедливости как идеи разумного мирового порядка, отмечается приверженность принципу взаимности [7, с. 93, 100-104]. Учитывая концепции справедливости, кроме процедуры установления соразмерности сложно найти понятную и адекватную проблемам современного общества формулу. Идея соразмерности, которая прослеживается в истории развития идей права и справедливости, свидетельствует о ее наибольшей пригодности и понятности, несмотря на то, что она применяется оценочно, критикуется, зависит от уровня правосознания и правовой культуры субъекта, применяющего право [7, с. 123].

С учетом этих положений обратимся к пониманию сущности пропорциональности в доктрине права, которое не однозначно. Различные исследователи, имея различные подходы, ее определяют: чаще как *общепризнанный принцип* права, принцип международного права [8, с. 4-10]; *как инструмент защиты прав и свобод человека от чрезмерного властного вмешательства*, призванный сбалансировать публичные и частные интересы; *как метод поиска «золотой середины»* в решении проблем необходимости правоограничения [9, с. 66-67]; *как легальную конструкцию, инструмент* [10, с. 174]; *как методику или инструмент (средство) взвешивания интересов* [11, p. 85]. С учетом

роли пропорциональности в научной литературе встречается другое его наименование – *соразмерность*, или, более конкретно, – принцип пропорционального ограничения прав и свобод [12, с. 76-77]. Пропорциональностью также называют многоэлементный вид судебного контроля [13, p. 3098], концепцию, не содержащую присущих ей стандартов, а относящуюся к должному балансу между всеми факторами [14], нормативную методику, позволяющую интерпретировать содержание других принципов и норм права [15, с. 21]. Подобная многозначность обусловлена сферой правовой действительности, в которой пропорциональность объективируется. А поскольку юридическая догматика, юридический позитивизм не смогли решить ценностные вопросы в праве, то каждый из этих подходов к пониманию сущности пропорциональности имеет право на существование ввиду многогранности справедливости. Так или иначе, все зависит от исследуемого аспекта и гносеологического подхода. Кроме этого, версии реализации принципа пропорциональности через применения теста (как инструмента контроля, методики интерпретации) зависят от сферы применения и, вновь-таки, типов правопонимания и конкретной доктрины, доминирующей в определенном профессиональном сообществе. Автор присоединяется к наиболее распространенному подходу к пониманию *пропорциональности как принципа права с тем уточнением, что он является инструментальным* [16].

Поддержим позицию, в соответствии с которой принципом пропорциональности определяется не конкретное правило поведения, не осуществление усмотрения, не «оптимальное» их сочетание [15, с. 66]. Такая интерпретация позволяет некоторым авторам признавать за пропорциональностью сущность «принципа второго порядка», не имеющего собственного содержания, правил поведения, но предназначенного сбалансировать принципы первого порядка [11, p. 76; 17, p. 585].

Пропорциональность как правило процедурной справедливости получила свое развитие в рамках разных концепций, соотносимых с чистым, совершенным и несовершенным ее типами. В частности, один из них – балансировка интересов личности и государства в учениях, определяющих назначение права в согласовании и гармонизации интересов отдельных лиц, социальных групп. «Невозможно обеспечить эффективность правовой системы без реализации в ней концепции пропорциональности, функционально предназначенной для согласования вступающих в конфликт между собой элементов права и охраняемых последним ценностей» [18, с. 58]. Основное *значение принципа пропорциональности*, в частности, в доктрине верховенства права состоит *в определении пределов дискреционных полномочий государства.* Верховенство права, не отменяя широкой дискреции при осуществлении властных полномочий, предполагает наличие критериев (границ оценочного значения) и средств, способных обеспечить эффективный контроль над их реализацией в государстве с позиции обеспечения формального равенства, содержательной и процедурной справедливости. По мнению А. Дайси, правовая определенность непременно приводит к произвольному использованию дискреционных полномочий власти[1], что не соответствует ожиданиям социума в контексте справедливости. Р. Алекси, признавая равновесие интересов как основу права, отмечает возможность гармоничного функционирования правовой системы при условии правильного соотношения и применения принципов правовой определенности и справедливости [3, с. 151-152]. Это соотношение между социальными легитимными интересами, правовыми ожиданиями и правовыми возможностями.

Методы установления баланса (оптимального соотношения) интересов важны на всех уровнях правовой действительности, особенно на тех, где может быть проявлено неограниченное усмотрение (произвол). И если правоограничения в соответствии с принципами конституционализма допускаются только «законом», то должна обеспечиваться соответствующая аргументация ограничений и на законотворческом уровне. В.И. Червонюк и И.В. Гойман-Калинский указывают на обеспечение важного аспекта

[1] Верховенство права *(*доклад, одобренный Венецианской Комиссией на 86 пленарном заседании 25–26 марта 2011 г.).

законодательных технологий, которые должны обусловливаться согласованием интересов, при котором наряду с другими факторами необходимо измерение влияния интересов для придания им равновесия [19, с. 34-35]. И.В. Калинский и В.И. Червонюк очень точно описывают указанные факторы в рамках институционализации баланса интересов [20, с. 43]. Критерием согласования интересов, по мнению Г.И. Иванец, является их «иерархия», поскольку какой-то из интересов будет иметь приоритет перед другими [21, с. 25]. Отметим, что такой критерий не является точным, поскольку возможен приоритет и равных по «весу», значению интересов, в зависимости от ситуации, как это возможно в отношении справедливости и правовой определенности. Нельзя утверждать, что при установлении приоритета пропорционально (в том числе дискурсивно) определенный интерес становится выше в «иерархии» интересов и ценностей. Он является приоритетным в социально-правовой динамике, контекстуально, иначе нормативное выражение интересов будет несогласованным. Все же это закономерное положение позволяет исследователям утверждать, что *баланс* интересов является *узаконенным* справедливым (с учетом приоритетов) соотношением конституционно-гарантированных прав и обязанностей сторон [22].

Как указывает А.А. Бажанов, обязанностью законодателя является осуществление «взвешивания» конкурирующих интересов в рамках демократической процедуры [23, с. 13]. В то же время согласимся, что принцип разделения властей проявляется и в том, что суд, применяя пропорциональность, осуществляет контроль над соблюдением соразмерности вмешательства в права человека при правовом регулировании. Соответствующий подход важен в связи с тем, что принципы и права человека в рамках позитивистского подхода интерпретируются как производные от закона, а также отсутствуют четкие критерии ограничения усмотрения законодательного органа власти при их закреплении [24, с. 148].

В отношении усмотрения субъекта правоприменительной деятельности следует отметить, что оно является возможностью выбора определенных вариантов правомерного поведения относительно решения правовой коллизии, а также реализации этого выбора, которому предшествует выбор нормы права, на основании которой эта коллизия будет разрешена. Ее выбор и интерпретация при обосновании и принятии правоприменительного акта также зависит от типа правопонимания, которое имеет доминирующий характер для определенной социальной группы или в целом для социума [25, с. 17].

Интерпретация играет важнейшую роль в обеспечении фундаментальных прав и принципов правового государства. И хотя принцип пропорциональности, как правило, не назван прямо в нормативных актах, а транслируется в правоинтерпретационных актах, посвященных правам человека, его применение обусловлено наличием в них общих или специальных положений, допускающих ограничение прав при соблюдении ряда условий: правомерная цель; пригодность ограничительных мер; необходимость ограничения; пропорциональность в узком смысле (ст. 12 (ч. 3), 18 (ч. 3), 19 (ч. 3), 21, 22 (ч. 2) Международного пакта о гражданских и политических правах)[2].

Однако если на уровне правоприменения вопрос ограничения (по сути, пределов и объема), в частности, субъективного права, очевидно, решается, начиная с этапов установления наличия ограничения и установления их законом, то *нормотворческая* процедура должна предполагать справедливое установление соответствующих пределов и объема по тому же алгоритму пропорциональности правоограничений. В этом случае достижение публичного блага еще и как цель рациональная, имеет больший вес, поскольку содержание публичного интереса определяет цель любого лица в обеспечении основных социальных благ, независимо от отношения лица к ним. И если в правовом сознании и идеологии представителей одного общества публичность приравнивается к государственному интересу, то в других от-

[2] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1978. Вып. XXXII.

носится, прежде всего, к сфере гражданского общества, что предполагает публичный дискурс институтов гражданского общества и публичной власти.

3. Соотношение публичного и частного интереса. Российское правоведение имеет широкие и узкие подходы к определению *содержания публичного интереса*. В соответствии *с узким пониманием публичные интересы отождествляются с интересами публично-правовых образований с параллельным использованием термина «общественные»*. Поддерживая позицию А.Б. Зеленцова, М.В. Немытиной, отметим, что основу осмысления в правоведении публичных интересов на современном этапе должны составлять методологические установки в контексте их социальной детерминированности [26, с. 427]. «Публичность» отражает взаимодействие индивидов, социальных групп между собой и с государством, целью которого есть общее благо, а публичными интересами являются признанные и обеспечиваемые (гарантируемые и защищаемые) государством и правом социальные интересы, реализация которых в этих условиях гарантирует их существование и развитие [27, с. 135; 28, с. 3-4]. Тем не менее, именно общим благом можно и порой целесообразно оправдать приоритет публичных интересов для умаления формальных возможностей на законодательном уровне при том же соблюдении формального равенства (этот принцип действует для равных, что нельзя сказать об отношениях государства и индивида), о чем в истории государства и права есть немало свидетельств. Однако, если на целесообразности, целерациональности сосредоточиться и остановиться, особенно если цель задана не дискурсивно, а прескриптивно, насколько можно обоснованно утверждать о необходимом приоритете общего блага над другим общим благом либо интересами частными и приемлемости средств?

В контексте пропорциональности и законодательного усмотрения еще раз необходимо упомянуть *о правовой определенности* и *справедливости*. Указанные «принципы», отражая различные аспекты права, в правовой реальности часто конкурируют и конфликтуют, однако ни одному не может быть отдано полное или значительное преимущество. При нормотворчестве либо правоприменении они могут быть в определенной ситуации отражением интересов различных конкурирующих или даже конфликтующих интересов. Поэтому правовая определенность и справедливость должны быть подвергнуты анализу с позиции интересов, которые они отражают контекстуально, с целью обоснования приоритета одного из них. Их одинаковый «вес» позволяет признать приоритет за тем из них, который стоит на стороне публичного, но с наименьшим ущербом для прав или интересов частных. И действительно, формальная определенность и предсказуемость нормативных (законодательных) положений нередко берет вверх над справедливостью, когда приходится принимать и признавать ее компромиссный вариант, но с тем условием, чтобы сама правовая возможность лишь умалялась, однако продолжала существовать.

При ограничении права, для недопущения посягательства на его суть, если ограничение признано допустимым, по алгоритму соблюдения баланса лицу должны гарантироваться иные правовые возможности, «компенсирующие» правоограничение или гарантирующие обжалование соответствующего правоприменительного решения, при принятии которого правоограничение осуществлено. То же правило действует и в отношении тех юридический ситуаций, когда лицо «соглашается» на определенные ограничения уже предусмотренных законодательством прав через определенный правовой статус. Эти ограничения, как правило, «компенсированы» иными возможностями и преимуществами (льготами) для лиц, имеющих определенный правовой статус (например, военнослужащих). В подобной ситуации соответствующие права других субъектов ограничены, но правовые стимулы, являющиеся компенсационными в рамках одного правового статуса, имеют обоснованный приоритет.

Пропорциональность не в материальном (как содержательная справедливость), а в процедурном аспекте справедливости больше интегрирована в российскую правовую систему через правосудие. Системы судоустройства и судопроизводства призваны обеспечить средства для становления в стране эффективной судебной власти и эффективного

правоприменения. В этой сфере в ситуации конкуренции, конфликта интересов, обусловливающих охранительные правоотношения, поиск баланса интересов как содержательной справедливости особо актуален. Паритет интересов возможен в конфликтной юридической ситуации между равными субъектами. Однако равного соотношения апостериори достичь сложно в различных сферах совместной реализации частных и публичных интересов как в любом виде судопроизводства. При осуществлении судопроизводства соответствующая конкуренция или конфликт возникает там, где возникает очевидное расхождение между публичными интересами (в осуществлении правосудия), интересами ведомственными в лице судебной власти, которая должна эффективно институционально и процессуально обеспечить судопроизводство как вид деятельности, а также материально-правовыми и процессуальными интересами участников дела, которые являются противостоящими.

Соотношение частных и публичных интересов в судопроизводстве отражает сущность процессуальной формы, предназначенной не только для рассмотрения и разрешения дел, но и способной предупреждать, урегулировать или разрешать конфликт интересов, стабильно и эффективно функционировать в условиях конкуренции интересов между индивидами и их группами, а также других интересов в системе индивид–общество–государство. В судопроизводстве применение судебной дискреции для согласования интересов происходит в условии конкуренции двух и более интересов, объектом которых является важное благо – справедливый суд.

Сложность балансировки в юридической ситуации множественности интересов обусловливает наличие многомерности процедурной справедливости: процедура принятия содержательно справедливого процессуального законодательства, самоконтроль и контроль усмотрения правоприменителя в отношении избрания процессуальных средств и разрешения дела по сути. Дискурсивно-рациональный поиск соразмерного соотношения материально-правовых и процессуальных интересов участников, интересов правосудия является важной задачей научного, нормотворческого и практического значения, решение которой позволит обеспечить функционирование адекватной общим потребностям системы судопроизводства. Структура и применение алгоритма пропорциональности в судопроизводстве теоретически не имеет существенных отличий относительно прочих сфер ее применения [29, p. 20]. Определяющим является то, чтоб *алгоритм установления пропорциональности как процедурной справедливости* предсказуемо и четко соблюдался и был нормативно установлен с целью недопущения необоснованного усмотрения правоприменителя.

Алгоритмы установления допустимости правоограничений и соблюдения пропорциональности могут быть различные: достаточность балансировки как пропорциональности в узком смысле; наличие «категоризации» как принцип их приоритета, который, по сути, закреплен в статье 2 Конституции РФ (человек, его права и свободы являются высшей ценностью), а государство признает их, соблюдает и защищает в качестве обязанности. По сути, речь идет о комплементарности категоризации и балансировки в алгоритме проведения теста на пропорциональность. Поскольку конституционно соответствующий приоритет прав и свобод человека презюмируется, то их умаление в целях приоритета иного интереса, особенно публичного, должно иметь под собой серьезную дискурсивную основу. В то же время, в отношении социальных прав (статья 7 Конституции РФ), а также обеспечения обороны страны и безопасности государства существует приоритет интересов публичных, проводимый в политических и правовых решениях. Эти положения подтверждаются исследователями [20], практикой обоснования допустимости правоограничений Конституционным судом РФ, который, анализируя законодательство, указывает на необходимость обеспечения дополнительных правовых возможностей (гарантий) для лиц, права которых при подтверждении их важного веса ограничиваются в связи с приоритетом, в частности, публичных интересов по обеспечению обороны страны и безопасности государства[3].

[3] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.12.2021 № 52-П «По делу о про-

Заключение

Итак, пропорциональностью определяются основы формирования и усовершенствования различных правовых систем, связанные с поиском правовых средств справедливого (дискурсивно-конвенционального) соотношения между легитимными и правовыми интересами различных субъектов права, в том числе когда имеет место конкуренция соответствующих интересов либо их конфликт и на правотворческом, и на правоприменительном уровнях. Баланс, или соразмерность (равновесие) в значении справедливого обеспечения и реализации частных и публичных интересов связан с вопросом о специфике применения инструментального принципа пропорциональности. В силу принципа формального равенства (уравнивающей, формальной справедливости) уменьшение объемов формальных возможностей *равных субъектов* и ограничение их прав на законотворческом уровне подчинено алгоритму пропорциональности. Любой приоритет между указанными интересами будет пропорциональным настолько, насколько он признан в конкретном обществе (принимается, становится традиционным, но не всегда справедлив) или проведено согласование. Соответственно, *балансом интересов будет признано то соотношение, при котором приоритет одного из них не чрезмерен и не вносит неоптимальной конфликтности в какую-либо сферу отношений, отсутствует негативная динамика в социально-правовой, политико-правовой среде.*

Стоит также отметить, что в целом применительно к правовым системам государств, функционирующих на патерналистских основах, с учетом социокультурных, доктринальных, идеологических особенностей, *приоритет общего блага* презюмируется и признается балансом в силу особенностей государственности. В то же время ограничение прав и свобод человека и гражданина в целях реализации иного частного или публичного интереса должно быть либо согласовано в рамках законотворческого и политико-правового дискурса, либо, основываясь на общих принципах правоограничений, гарантировать лицу дополнительные возможности. При этом даже наличие социально-правового дискурса с целью соблюдения содержательной справедливости и согласования между частными или публичными интересами в случае их *конкуренции* не исключает, что в результате будет принят приоритет одного из них. *При конфликте интересов* в контексте конкретных правоотношений ограничение права также предполагает, что в связи с необходимостью, пригодностью и пропорциональностью в узком смысле *признание справедливым определенного приоритета закономерно.* В этом проявляется сущность распределительной справедливости при конкуренции и конфликте интересов.

верке конституционности пункта 11 статьи 151 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с запросом 1-го Восточного окружного военного суда».

Список источников

1. *Белов С.А.* Способен ли рациональный дискурс обосновать ценностный выбор в праве? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 224-236. https://elibrary.ru/tjxiqj
2. *Лазарев В.В.* Функциональная характеристика принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 207-212. https://elibrary.ru/auqbnu
3. *Алекси Р.* Дуальная природа права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2 (289). С. 138-152. https://elibrary.ru/mwkkjv
4. *Черногор Н.Н.* Социальный контроль в фокусе правовой доктрины и практики противодействия коррупции // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2017. № 4. С. 169-182. https://doi.org/10.18384/2310-6794-2017-4-169-182, https://elibrary.ru/ynsfuq
5. *Пашенцев Д.А., Черногор Н.Н.* Правопорядок в контексте современной постклассической методологии // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 21-25. https://elibrary.ru/ykvbkd
6. *Должиков А.В.* Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2022. 579 с. https://elibrary.ru/vkexdd

7. *Ципеліус Р.* Юридична методологія / переклад, адаптація, приклади з права України і список термінів Р. Корнута. Київ: Видавництво «Реферат», 2004. 176 с.
8. *Варламова Н.В.* Принцип пропорциональности как основа осуществления публично-властных полномочий // Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева. М.: Статут, 2014. С. 4-30.
9. *Євтошук Ю.О.* Принцип пропорційності як необхідна складова верховенства права: дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2015. 214 с.
10. *Барак А.* Судейское усмотрение / пер. с англ.; науч. ред. В.А. Кикоть, Б.А. Страшун; вступ. статья М.В. Баглая. М.: Изд-во НОРМА, 1999. 364 с.
11. *Stone Sweet A., Mathews J.* Proportionality balancing and global constitutionalism // Columbia Journal of Transnational Law. 2008. Vol. 47. P. 73-165.
12. *Андреева О.И.* Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 138 с.
13. *Jackson V.C.* Constitutional law in an age of proportionality // The Yale Law School. 2015. Vol. 124. № 8. P. 3094-3196.
14. *Nolte G.* Thin or Thick? The principle of proportionality and international humanitarian law // Law & Ethics of Human Rights. 2010. Vol. 4. № 2. P. 243-255. https://doi.org/10.2202/1938-2545.1050
15. *Вайпан Г.В.* Принцип пропорциональности в современном международном праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 238 с. https://elibrary.ru/pebppa
16. *Ван Хук М.* Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.
17. *Bomhoff J.* Balancing, the global and the local: judicial balancing as a problematic topic in comparative (constitutional) law // Hastings International and Comparative Law Review. 2008. Vol. 31. № 2. P. 555-586.
18. *Михайлов А.А.* Принцип пропорциональности: сущность, практика применения Европейским судом по правам человека, Конституционным судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 56-69. https://doi.org/10.17223/23088451/7/9, https://elibrary.ru/wngftj
19. *Червонюк В.И., Гойман-Калинский И.В.* Согласование интересов как вид современных законодательных технологий // Государство и право. 2004. № 8. С. 30-38. https://elibrary.ru/oqdjvv
20. *Калинский И.В., Червонюк В.И.* Баланс интересов как идея права, общеправовой концепт (правовая ценность), юридическая конструкция и технологии обеспечения // Криминологический журнал. 2021. № 3. С. 37-43. https://doi.org/10.24412/2687-0185-2021-3-37-43, https://elibrary.ru/gcgkpx
21. *Иванец Г.И.* Право как нормативное выражение согласованных интересов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 29 с. https://elibrary.ru/tdfdcs
22. *Мальцев В.А.* Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18. С. 5-10. https://elibrary.ru/jxyqdt
23. *Бажанов А.А.* Соразмерность как принцип права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 30 с.
24. *Бажанов А.А.* Проблемы реализации принципа соразмерности в судебной практике // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 6. С. 147-151. https://elibrary.ru/yvauct
25. *Геселев О.В.* Праворозуміння та розсуд у правозастосовній діяльності: теоретико-правове дослідження: дис. … канд. юрид. наук. Киев, 2021. 200 с.
26. *Зеленцов А.Б., Немытина М.В.* Публичные интересы и производные от них юридические конструкции // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 425-462. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-4-425-462, https://elibrary.ru/ecirbc
27. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. М.: БЕК, 1995. 496 с.
28. *Васильева М.И.* Публичные интересы в экологическом праве: теория и практика правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 44 с.
29. *Emiliou N.* The principle of proportionality in European Law. A comparative study. L.: Kluwer Law International, 1996. 280 p. https://doi.org/10.1017/S0020589300060346

References

1. Belov S.A. (2014). Can rational discourse justify values choice in law? *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, no. 5 (316), pp. 224-236. (In Russ.) https://elibrary.ru/tjxiqj

2. Lazarev V.V. (2020). Funktsional'naya kharakteristika printsipov prava [Functional characteristics of the principles of law]. *Yuridicheskaya tekhnika = Juristical Technique*, no. 14, pp. 207-212. (In Russ.) https://elibrary.ru/auqbnu
3. Aleksi R. (2010). The dual nature of law. *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, no. 2 (289), pp. 138-152. (In Russ.) https://elibrary.ru/mwkkjv
4. Chernogor N.N. (2017). Public control in the focus of legal doctrine and practices of combating corruption. *Vestnik MGOU. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, no. 4, pp. 169-182. (In Russ.) https://doi.org/10.18384/2310-6794-2017-4-169-182, https://elibrary.ru/ynsfuq
5. Pashentsev D.A., Chernogor N.N. (2017). Pravoporyadok v kontekste sovremennoi postklassicheskoi metodologii [Legal order in the context of modern postclassical methodology]. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, no. 1, pp. 21-25. (In Russ.) https://elibrary.ru/ykvbkd
6. Dolzhikov A.V. (2022). *Sorazmernost' kak obshchepravovoi printsip v konstitutsionnom pravosudii Rossii (na primere osnovnykh sotsial'nykh prav): dis. ... d-ra yurid. nauk* [Proportionality as a General Legal Principle in Russian Constitutional Justice (on the Example of Fundamental Social Rights). Dr. habil. (Law) diss.]. St. Petersburg, 579 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/vkexdd
7. Tsippelius R. (2004). *Yuridichna metodologiya*. Kyiv, "Referat" Publ., 176 p. (In Ukr.)
8. Varlamova N.V. (2014). Printsip proportsional'nosti kak osnova osushchestvleniya publichno-vlastnykh polnomochii [The principle of proportionality as the basis for the exercise of public authority]. *Aequum ius. Ot druzei i kolleg k 50-letiyu professora D.V. Dozhdeva* [Aequum ius. From Friends and Colleagues on the 50th Anniversary of Professor D.V. Dozhdeva]. Moscow, Statut Publ., pp. 4-30. (In Russ.)
9. Evtoshuk Yu.O. (2015). *Printsip proportsiinosti yak neobkhidna skladova verkhovenstva prava. Dr. habil. (Law) diss*. Kyiv, 214 p. (In Ukr.)
10. Barak A. (1999). *Sudeiskoe usmotrenie* [Judicial Discretion]. Moscow, NORMA Publ., 364 p. (In Russ.)
11. Stone Sweet A., Mathews J. (2008). Proportionality balancing and global constitutionalism. *Columbia Journal of Transnational Law*, vol. 47, pp. 73-165.
12. Andreeva O.I. (2004). *Sootnoshenie prav i obyazannostei gosudarstva i lichnosti v pravovom gosudarstve i spetsifika ego proyavleniya v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva (teoreticheskii aspekt)* [The Relationship Between the Rights and Obligations of the State and the Individual in a Rule of Law State and the Specifics of Its Manifestation in the Field of Criminal Proceedings (Theoretical Aspect)]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 138 p. (In Russ.)
13. Jackson V.C. (2015). Constitutional law in an age of proportionality. *The Yale Law School*, vol. 124, no. 8, pp. 3094-3196.
14. Nolte G. (2010). Thin or Thick? The principle of proportionality and international humanitarian law. *Law & Ethics of Human Rights*, vol. 4, no. 2, pp. 243-255. https://doi.org/10.2202/1938-2545.1050
15. Vaipan G.V. (2017). *Printsip proportsional'nosti v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [The Principle of Proportionality in Modern International Law. PhD (Law) diss.]. Moscow, 238 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/pebppa
16. Van Khuk M. (2012). *Law as Communication*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., LLC "University Publishing Consortium", 288 p. (In Russ.)
17. 17. Bomhoff J. (2008). Balancing, the global and the local: judicial balancing as a problematic topic in comparative (constitutional) law. *Hastings International and Comparative Law Review*, vol. 31, no. 2, pp. 555-586.
18. Mikhailov A.A. (2016). The principle of proportionality: essence, practices of the European court of human rights, constitutional court of the Russian Federation and importance for improvement of the system of proof in the modern criminal process in Russia. *Ugolovnaya yustitsiya = Criminal Justice*, no. 1 (7), pp. 56-69. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/23088451/7/9, https://elibrary.ru/wngftj
19. Chervonyuk V.I., Goiman-Kalinskii I.V. (2004). Concordance of interests as an instrument of modern law-making technologies. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 8, pp. 30-38. (In Russ.) https://elibrary.ru/oqdjvv
20. Kalinskii I.V., Chervonyuk V.I. (2021). Balance of interests as an idea of law, general legal concept (legal value), legal construction and security technologies. *Kriminologicheskii zhurnal = Criminological Journal*, no. 3, pp. 37-43. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2687-0185-2021-3-37-43, https://elibrary.ru/gcgkpx
21. Ivanets G.I. (2001). *Pravo kak normativnoe vyrazhenie soglasovannykh interesov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Law as a Normative Expression of Agreed Interests. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 29 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/tdfdcs

22. Mal'tsev V.A. (2007). Balans interesov v sfere obespecheniya bezopasnosti: ponyatie i mekhanizm gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya [Balance of interests in the field of security: concept and mechanism of state legal regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, no. 18, pp. 5-10. (In Russ.) https://elibrary.ru/jxyqdt
23. Bazhanov A.A. (2019). *Sorazmernost' kak printsip prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Proportionality as a Principle of Law. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 30 p. (In Russ.)
24. Bazhanov A.A. (2018). Problems of the implementation of the principle of proportionality in judicial practice. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, vol. 13, no. 6, pp. 147-151. (In Russ.) https://elibrary.ru/yvauct
25. Geselev O.V. (2021). *Pravorozuminnya ta rozsud u pravozastosovnii diyal'nosti: teoretiko-pravove doslidzhennya. PhD (Law) diss*. Kyiv, 200 p. (In Ukr.)
26. Zelentsov A.B., Nemytina M.V. (2018). Public interests and legal constructions derived from them. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, vol. 22, no. 4, pp. 425-462. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-4-425-462, https://elibrary.ru/ecirbc
27. Tikhomirov Yu.A. (1995). *Publichnoe pravo* [Public Law]. Moscow, BEK Publ., 496 p. (In Russ.)
28. Vasil'eva M.I. (2003). *Publichnye interesy v ekologicheskom prave: teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Public Interests in Environmental Law: Theory and Practice of Legal Regulation. Dr. habil. (Law) diss. abstr.]. Moscow, 44 p. (In Russ.)
29. Emiliou N. (1996). *The Principle of Proportionality in European Law. A Comparative Study*. London, Kluwer Law International Publ., 280 p. https://doi.org/10.1017/S0020589300060346

Поступила в редакцию / Received 26.07.2023
Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 346.7
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-484-492
Шифр научной специальности 5.1.1

Вопросы совершенствования российского законодательства о техническом регулировании в части определения недостатка высокоавтоматизированного автомобиля

© ЗЕМЛИН Александр Игоревич,
доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель – эксперт Научно-исследовательского центра экспертиз на транспорте Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет транспорта», научный руководитель направления «Транспортная безопасность» Научно-экспертного совета Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», Российская Федерация, 127994, г. Москва, ГСП-4, ул. Образцова, 9, стр. 9, https://orcid.org/0000-0001-8988-8517, ScopusID: 57208147055, ResearcherID: T-1126-2018, zemlin.aldr@yandex.ru
© ГОЦ Евгения Валентиновна,
старший преподаватель кафедры «Транспортное право» Юридического института, ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», Российская Федерация, 127994, г. Москва, ГСП-4, ул. Образцова, 9, стр. 9, https://orcid.org/0000-0001-7623-6798, evgeniya.goc@mail.ru
© МАТВЕЕВА Мария Андреевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Транспортное право» Юридического института, ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», Российская Федерация, 127994, г. Москва, ГСП-4, ул. Образцова, 9, стр. 9, https://orcid.org/0000-0002-3297-4833, ScopusID: 57211385696, ResearcherID: S-2705-2018, matveeva1987@mail.ru

Аннотация

Статья доводит до сведения научной общественности некоторые результаты исследования актуальных проблем правового регулирования отношений, возникающих в связи с эксплуатацией высокоавтоматизированных транспортных средств, озвученные авторами в рамках пленарного доклада и выступлений на VII Международной научно-практической конференции «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако» (г. Тамбов, 19–20 мая 2023 г.). Бурное развитие индустрии высокоавтоматизированных автомобилей порождает целый спектр проблемных вопросов, совокупность которых может быть охарактеризована как вызов для российского деликтного права. Особое место среди такого рода вопросов занимает проблема ответственности изготовителей высокоавтоматизированных автомобилей за причинение вреда автомобилями, оснащенными системами автоматического вождения. Анализ научных источников показывает, что указанные вопросы не получили необходимого и достаточного для разрешения проблемных ситуаций, возникающих в процессе эксплуатации высокоавтоматизированных автомобилей, освещения в российской литературе. В связи с осознанием авторами указанной проблемы, заключающейся в противоречии между потребностями практики правоприменения и отсутствием основанной на научной проработке проблемы непротиворечивой и беспробельной системы правового регулирования, в данной статье предпринята попытка дать анализ одной из ключевых проблем, имеющих значение при рассмотрении дел о привлечении изготовителей к безвиновной ответственности за причинение вреда высокоав-

томатизированным автомобилем, а именно, проблемы определения недостатка автомобиля. Используя традиционный набор методов правового исследования (формально-догматический, системный и сравнительно-правовой), проанализированы существующие подходы к определению недостатка автомобиля как товара. По результатам анализа обоснован вывод о том, что присутствующий на данный момент пробел в законодательстве о техническом регулировании порождает существенные трудности при практическом разрешении вопроса о наличии или отсутствии недостатка высокоавтоматизированного автомобиля. В целях решения данной проблемы сформулирован качественный критерий для выявления недостатка высокоавтоматизированного автомобиля, который может быть легализован в законодательстве о техническом регулировании и использован в судебной практике.

Ключевые слова

транспортное право, высокоавтоматизированные автомобили, беспилотные автомобили, ответственность за причиненный недостатками товара вред, недостаток товара, техническое регулирование

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-20334 «Правовые средства обеспечения безопасности использования беспилотных автомобилей в мегаполисе», https://rscf.ru/project/22-28-20334/.

Для цитирования

Землин А.И., Гоц Е.В., Матвеева М.А. Вопросы совершенствования российского законодательства о техническом регулировании в части определения недостатка высокоавтоматизированного автомобиля // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 484-492. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-484-492

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-484-492

Issues of improving Russian legislation on technical regulation in terms of determining the shortcomings of a highly automated car

© Alexander I. ZEMLIN,
Dr. habil. (Law), PhD (Philosophy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director – Expert of the Research Center for Expertise in Transport of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Russian University of Transport”, scientific director of the “Transport Security” direction of the Scientific Expert Council of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Russian University of Transport, 9 bldg, 9 Obraztsova St., Moscow, GSP-4, 127994, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0001-8988-8517, ScopusID: 57208147055, ResearcherID: T-1126-2018, zemlin.aldr@yandex.ru
© Evgeniya V. GOTS,
Senior Lecturer, of Transport Law Department of Law Institute, Russian University of Transport, 9 bldg, 9 Obraztsova St., Moscow, GSP-4, 127994, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0001-7623-6798, evgeniya.goc@mail.ru
© Maria A. MATVEEVA,
PhD (Law), Associate Professor of Transport Law Department of Law Institute, Russian University of Transport, 9 bldg, 9 Obraztsova St., Moscow, GSP-4, 127994, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-3297-4833, ScopusID: 57211385696, ResearcherID: S-2705-2018, matveeva1987@mail.ru

Abstract

The article brings to the attention of the scientific community some results of a study of current problems of legal regulation of relations arising in connection with the operation of highly automated vehicles, voiced by the authors as part of a plenary report and speeches at the VII International Scientific and Practical Conference “Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako” (Tambov, 19th–20th of May, 2023). The rapid development of the highly automated car industry gives rise to a whole range of problematic issues, the totality of which can be characterized as a challenge for Russian tort law. A special place among such issues is occupied by the problem of liability of manufacturers of highly automated cars for damage caused by cars equipped with automatic driving systems. An analysis of scientific sources shows that these issues have not received the necessary and sufficient coverage in Russian literature to resolve problematic situations that arise during the operation of

highly automated vehicles. Due to the authors' awareness of this problem, which consists in the contradiction between the needs of law enforcement practice and the lack of a consistent and problem-free system of legal regulation based on scientific study, this article attempts to provide an analysis of one of the key problems that are important when considering cases of attracting manufacturers to no-fault liability for causing harm by a highly automated car, namely the problem of determining the defect of the car. Using a traditional set of legal research methods (formal-dogmatic, systemic and comparative legal), existing approaches to determining the disadvantage of a car as a product are analyzed. Based on the results of the analysis, the conclusion is substantiated that the current gap in the legislation on technical regulation gives rise to significant difficulties in practically resolving the issue of the presence or absence of a deficiency in a highly automated vehicle. In order to solve this problem, a qualitative criterion has been formulated to identify the shortcomings of a highly automated car, which can be legalized in the legislation on technical regulation and used in judicial practice.

Keywords

transport law, highly automated cars, unmanned vehicles, liability for harm caused by product defects, product shortages, technical regulation

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 22-28-20334 "Legal means of ensuring the safety of the use of unmanned vehicles in a megacity", https://rscf.ru/project/22-28-20334/.

For citation

Zemlin, A.I., Gots, E.V., & Matveeva, M.A. (2023). Issues of improving Russian legislation on technical regulation in terms of determining the shortcomings of a highly automated car. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 484-492 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-484-492

Введение

Создание правовых условий для тестовой и штатной эксплуатации различных видов высокоавтоматизированного транспорта является одним из приоритетных направлений совершенствования российского транспортного законодательства и вполне логично проистекает из общих задач, поставленных перед транспортным комплексом в современных условиях. Особенно остро вопрос применения высокоавтоматизированного транспорта встал в связи с нарастающими рисками и угрозами транспортной безопасности, вызванными человеческим фактором [1–5], необходимостью противодействия завозу и распространению инфекционных заболеваний [6; 7] и т. п. В настоящий момент в России ведется активная работа по разработке нормативно-правовых актов, устанавливающих правила функционирования высокоавтоматизированных транспортных средств [8–11], и в том числе автомобилей.

На данный момент можно выделить две группы барьеров, препятствующих внедрению технологий беспилотного вождения. К первой группе относятся пробелы в административном регулировании, среди которых выделяются отсутствие специальных требований безопасности и соответствующих методов оценки соответствия высокоавтоматизированных автомобилей, требований к «умной» инфраструктуре и сетевому взаимодействию автомобилей[1]. Ко второй группе относятся проблемы гражданско-правового характера, в первую очередь, связанные с правовой неопределенностью в отношении ответственности за причинение вреда высокоавтоматизированными автомобилями.

Настоящее исследование посвящено проблеме, лежащей на стыке указанных групп, – проблеме определения недостатка высокоавтоматизированного автомобиля. Вопрос о наличии недостатка высокоавтоматизированного автомобиля имеет ключевое значение для установления деликтной безвиновной ответственности изготовителя высокоавтоматизированного автомобиля. Между тем, с учетом подходов, принятых в российской судебной практике и доктрине, ответ на вопрос

[1] Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Автонет»: Распоряжение Правительства РФ от 29.03.2018 № 535-р (ред. от 21.09.2023). Доступ из СПС КонсультантПлюс.

о том, имеет ли высокоавтоматизированный автомобиль недостатки, глубоко укоренен в требованиях законодательства о техническом регулировании.

Проблемы деликтной ответственности только начинают обсуждаться в российской научной литературе применительно к высокоавтоматизированным автомобилям. В ряде работ рассматриваются вопросы ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированным автомобилем как источником повышенной опасности. В частности, в литературе были поставлены вопросы о возможной квалификации производителя высокоавтоматизированного автомобиля в качестве владельца источника повышенной опасности [12], возможности выделения программного обеспечения высокоавтоматизированного автомобиля в качестве самостоятельного источника повышенной опасности [13], возможности квалификации решений, принимаемых алгоритмами искусственного интеллекта в качестве действия непреодолимой силы [14].

В то же время ключевая для данной темы проблематика ответственности производителя на настоящий момент остается существенно недоисследованной. В работах А.И. Чучаева и С.В. Маликова [15], А.Ю. Чурилова [16] содержится лишь верхнеуровневый обзор возможных механизмов распределения ответственности между владельцем высокоавтоматизированного автомобиля как источника повышенной опасности и производителем такого автомобиля. В статье Д.В. Федорова [17] обосновывается идея о возложении на производителей безвиновной ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированными автомобилями, по правилам статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ»).

Можно заключить, что в работах отечественных исследователей не нашли подробного анализа вопросы применения ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков высокоавтоматизированного авомобиля (статья 1095 ГК РФ), в частности и центральный вопрос о наличии недостатка автомобиля. Вместе с тем ответственность производителей широко обсуждается в данном контексте в зарубежной литературе, в особенности в связи с безвиновной ответственностью за вред, причиненный недостатками высокоавтоматизированного автомобиля [18] и различными механизмами страхования [19].

Цель настоящего исследования – описать проблемы, с которыми может столкнуться российская правоприменительная практика при разрешении вопроса о наличии или отсутствии недостатка высокоавтоматизированного автомобиля, а также предложить возможные способы их решения. Основными методами, используемыми в исследовании, являются формально-догматический, системный и сравнительно-правовой методы, характерные в целом для научной школы транспортного права [20; 21]. Формально-догматический и системный методы применяются для уяснения правового смысла норм действующего законодательства в сфере деликтной ответственности и технического регулирования в их системной взаимосвязи, с учетом специфики беспилотных автомобилей. Сравнительно-правовой метод позволяет сопоставить текущее регулирование безвиновной ответственности производителей в российском и иных правопорядках, выявить общие закономерности и различия в подходах в отношении проблемы определения недостатка высокоавтоматизированного автомобиля.

Результаты исследования

В соответствии с абзацем 1 статьи 1095 ГК РФ[2] продавец или изготовитель товара должен возместить вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков такого товара, независимо от его вины и от того, состоял ли потерпевший с ним в договорных отношениях. Аналогичные положения предусмотрены в пункте 1 и абзаце 4 пункта 3 статьи 14 ФЗ «О защите прав потребителей»[3].

Как можно видеть, ответственность, установленная статьей 1095 ГК РФ, является

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

[3] О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I (ред. от 04.08.2023) // Российская газета. 1992. 7 февр.

безвиновной. В этой связи в качестве условий ее применения можно выделить совокупность следующих фактических и юридических обстоятельств:

1) факт причинения вреда;

2) противоправное поведение изготовителя; и

3) причинно-следственная связь между причинением вреда и недостатками товара.

Вопрос о наличии или отсутствии недостатка автомобиля, находящийся в центре нашего исследования, должен разрешаться в рамках анализа противоправности поведения изготовителя. Так, применительно к безвиновной ответственности за причинение вреда вследствие недостатков товара противоправность в российском деликтном праве понимается субъективно. В рамках субъективного понимания противоправным признается такое поведение, которое нарушает требования законодательства [22]. В соответствии с пунктом 2 статьи 7 ФЗ «О защите прав потребителей» изготовитель обязан обеспечивать безопасность товара в течение установленного срока службы или срока годности товара. В свете этого поведение производителя может оцениваться как противоправное в случае, если таким производителем был изготовлен и впоследствии предложен потребителям небезопасный товар, поскольку производство такого товара нарушает приведенные требования потребительского законодательства[4].

Под «безопасностью товара» ФЗ «О защите прав потребителей» понимает его безопасность для потребителя и окружающей среды в «обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации»[5]. На основании приведенного определения можно заключить, что небезопасным будет являться такой товар, который вследствие наличия недостатков не удовлетворяет указанному требованию.

Недостатки традиционно принято делить на конструктивные, производственные и информационные. При этом следует отметить, что в российском деликтном праве пока не сформировался дифференцированный подход к определению недостатков в зависимости от их вида, в отличие от правопорядков с более развитым институтом ответственности за причинение вреда вследствие недостатков товара (описание подхода к дифференциации в США см. [23, p. 239-243]; в Англии и Германии – [24, p. 107-108, 138-139]).

В рамках российского подхода, воплощенного в ФЗ «О защите прав потребителей», недостаток товара определяется через его несоответствие обязательным требованиям законодательства. Таким образом, в текущих условиях ключевую роль при определении недостатка товара играют нормы технических регламентов, закрепляющие требования к безопасности товара.

Требования к безопасности колесных транспортных средств закреплены в Техническом регламенте Таможенного союза (ТР ТС 018/2011), принятом Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 (далее – «Регламент»)[6]. На данный момент Регламент не содержит специфических требований к безопасности высокоавтоматизированных и полностью автоматизированных автомобилей. Поэтому до их введения такие транспортные средства считаются инновационными, и требования к ним устанавливаются в порядке, предусмотренном пунктом 16 Регламента, то есть решением уполномоченного органа по техническому регулированию государства – члена Евразийского экономического союза, в котором проводится оценка соответствия.

С учетом того, что в России отсутствуют специальные требования к безопасности высокоавтоматизированных автомобилей, а также принимая во внимание объективную сложность установления исчерпывающего перечня требований к безопасности систем автоматического вождения, представляется возможным предложить дополнительный критерий для выявления недостатка высокоавтоматизированного автомобиля. Наличие данного критерия поможет суду установить наличие или отсутствие недостатка и при

[4] О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I (ред. от 04.08.2023) // Российская газета. 1992. 7 февр.

[5] Там же.

[6] О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств»: Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 877 (ред. от 27.09.2023) // Евразийская экономическая комиссия: URL: https://eec.eaeunion.org/ (дата обращения: 28.09.2023).

наличии пробелов или неясностей в техническом регулировании.

Нормативное обоснование для введения указанного критерия можно найти в ФЗ «О защите прав потребителей». Так, в определении «недостатка товара» используется термин «обычно предъявляемые требования»[7]. В судебной практике может быть введен определенный стандарт таких требований применительно к высокоавтоматизированным автомобилям.

К примеру, в качестве такого стандарта может выступать концепция «идеального водителя» (Idealfahrer), разработанная в немецком праве [25, с. 343] (ее применение к ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированным автомобилем, см.: [26, с. 567]). В рамках данного стандарта предполагается, что производитель высокоавтоматизированного автомобиля не подлежит привлечению к безвиновной ответственности, если он сможет доказать, что (1) высокоавтоматизированный автомобиль соответствовал обязательным требованиям к безопасности и при этом (2) система автоматического вождения предприняла все возможные меры для предотвращения причинения вреда, какие в приведенных обстоятельствах мог бы принять идеальный водитель – человек.

В качестве политико-правового обоснования для применения данного стандарта можно предложить следующую логику. Исходя из текущей практики эксплуатации высокоавтоматизированных автомобилей, можно заключить, что потребители склонны переоценивать возможности системы автоматического управления и ожидают от нее безупречного поведения на дороге. Указанные потребительские ожидания могут найти закрепление в стандарте «идеального водителя».

С другой стороны, введение такого стандарта позволит четче обозначить пределы ответственности производителей высокоавтоматизированных автомобилей и сформировать их ожидания касательно условий наступления такой ответственности. Все это, в конечном счете, должно способствовать увеличению уровня правовой определенности в сфере гражданско-правовой ответственности.

Заключение

По итогам системно-правового анализа, осуществленного в рамках решения задач, поставленных при написании данной статьи, выявлены отдельные проблемы, возникающие при определении недостатка высокоавтоматизированного автомобиля, связанные с отсутствием легализованных в рамках специального технического регулирования правовых норм. Обосновано, что указанные проблемы возникают в связи с узким, не соответствующим потребностям правового регулирования в области допуска к эксплуатации и использования инновационных транспортных средств, пониманием «недостатка товара» в Федеральном законе «О защите прав потребителей», которое предполагает его несоответствие обязательным требованиям к безопасности. Авторами были предложены учитывающие потребности практики правового регулирования и основанные на учете сущностных особенностей инновационных транспортных средств способы преодоления пробельности законодательства, включая, в первую очередь, введение дополнительного качественного критерия для оценки наличия недостатка высокоавтоматизированного автомобиля. В качестве такого критерия авторами предложен стандарт «идеального водителя», получивший достаточно подробную разработку в немецкой доктрине.

[7] О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I (ред. от 04.08.2023) // Российская газета. 1992. 7 февр.

Список источников

1. *Дамаскин О.В., Холиков И.В.* Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4 (65). С. 121-128. https://elibrary.ru/apxxib
2. *Дамаскин О.В., Холиков И.В.* Актуальные проблемы защиты российской государственности и национального суверенитета в современных условиях // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 4 (155). С. 1-5. https://elibrary.ru/yzkccv

3. *Землин А.И., Матвеева М.А., Гоц Е.В., Торшин А.А.* Актуальные проблемы правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием высокоавтоматизированных автомобилей. М.: ООО «Изд-во «КноРус», 2022. 172 с.
4. *Землин А.И.* Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58-69. https://doi.org/10.12737/jrl.2022.128, https://elibrary.ru/bsmkwa
5. *Zemlin A., Kholikov I., Mamedova I., Zemlina O.* Problems of ensuring security of transport infrastructure facilities // International Science and Technology Conference “Earth Science” – Chapter 3. Vladivostok: IOP Publishing Ltd, 2021. Vol. 666. Art. 042002. https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/4/042002, https://elibrary.ru/apnndt
6. *Землин А.И., Гоц Е.В., Матвеева М.А., Торшин А.А.* Противодействие распространению пандемии короновирусной инфекции COVID-19 в мегаполисах с использованием беспилотных автомобилей: опыт, правовые и организационные аспекты // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 6. С. 455-483. https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-6-455-483, https://elibrary.ru/vomtke
7. *Холиков И.В.* Международно-правовые аспекты реализации транспортной стратегии Российской Федерации в сфере медицинского обеспечения на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4 (28). С. 93-99. https://elibrary.ru/ytydzb
8. *Землин А.И., Гоц Е.В., Матвеева М.А., Торшин А.А.* Правовой статус водителя высокоавтоматизированного автомобиля в контексте административно-правового и гражданско-правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 146-150. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_10_146, https://elibrary.ru/dcrkjh
9. *Землин А.И.* Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств // Транспортное право. 2022. № 4. С. 13-20. https://doi.org/10.18572/1812-3937-2022-4-13-20, https://elibrary.ru/ynlwls
10. *Землин А.И., Торшин А.А.* «Система помощи водителю» или «автоматизированная система управления»: вопросы определения границ для публично-правового и частноправового регулирования // Современное право. 2022. № 8. С. 52-58. https://doi.org/10.25799/NI.2022.33.57.009, https://elibrary.ru/cltlsu
11. *Холиков И.В., Сазонова К.Л.* Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов // Военное право. 2017. № 4 (44). С. 217-226. https://elibrary.ru/zflytf
12. *Ли Ч., Менг С.* Внедоговорная ответственность за вред, причиненный высокоавтоматизированными транспортными средствами // Закон. 2020. № 3. С. 49-56. https://elibrary.ru/nsvjtr
13. *Бубновская Т.А.* Гражданско-правовая ответственность при использовании «высокоавтоматизированных» автомобилей // Транспортное право. 2019. № 3. С. 6-9. https://elibrary.ru/hafxab
14. *Лаптев В.А.* Ответственность «будущего»: правовое существо и вопрос оценки доказательств // Гражданское право. 2017. № 3. С. 32-35. https://doi.org/10.18572/2070-2140-2017-3-32-35, https://elibrary.ru/yrrmsl
15. *Чучаев А.И., Маликов С.В.* Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортом: состояние и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 117-124. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.117-124, https://elibrary.ru/bdtmmg
16. *Чурилов А.Ю.* Ответственность за вред, причиненный при эксплуатации автономного (высокоавтоматизированного) автомобиля // Интеллектуальные права: вызовы 21-го века: материалы Международной конференции. Томск: Изд. Дом Томск. гос. ун-та, 2019. С. 127-132. https://doi.org/10.17223/9785946218559/17, https://elibrary.ru/genjnz
17. *Федоров Д.В.* Безвиновная ответственность за причинение вреда при эксплуатации высокоавтоматизированного и полностью автоматизированного транспортного средства как источника повышенной опасности // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 6. С. 191-211. https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-6-191-211, https://elibrary.ru/bphnmt
18. *Cabral T.S.* Liability and artificial intelligence in the EU: assessing the adequacy of the current product liability directive // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2020. Vol. 27. Issue 5. P. 615-635. https://doi.org/10.1177/1023263X20948689
19. *Borges G.* New liability concepts: the potential of insurance and compensation funds // Liability for artificial intelligence and the internet of things. Baden-Baden: Nomos, 2019. P. 145-163.
20. *Петров Ю.И., Землин А.И., Землина О.М.* Зарождение системы управления путями сообщения и транспортного законодательства России в IX–XVIII веках // Мир транспорта. 2019. Т. 17. № 3 (82). С. 260-277. https://doi.org/10.30932/1992-3252-2019-17-3-260-277, https://elibrary.ru/kblagq
21. *Землин А.И., Петров Ю.И., Харламова Ю.А.* Актуальные проблемы развития транспортного законодательства и транспортного права России. М.: ООО «Изд-во «КноРус», 2019. 126 с.

22. *Евстигнеев Э.А.* Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 1. С. 33-59. https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-33-59, https://elibrary.ru/cnfqxl
23. *Toke M.J.* Restatement (third) of torts and design defectiveness in American products liability law // Cornell Journal of Law and Public Policy. 1996. Vol. 5. № 2. P. 239-287.
24. *Fairgrieve D.* Product liability in comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 363 p. https://doi.org/10.1017/CBO9780511493850
25. *Zerres T.B.* Bürgerliches Recht. Eine Einführung in das Zivilrecht und die Grundzüge des Zivilprozessrechts. Berlin: Springer Open, 2010. 492 p.
26. *Gasser T.M.* Grundlegende und spezielle Rechtsfragen für autonome Fahrzeuge // Autonomes Fahren. Technische, rechtlische und gesellschaftliche Aspekten. Berlin: Springer Open, 2015. P. 543-574.

References

1. Damaskin O.V., Kholikov I.V. (2018). Key issues of legal support of defence and security assets of Russia in modern armed conflicts. *Vestnik Akademii voennykh nauk* [Bulletin of the Academy of Military Sciences], no. 4 (65), pp. 121-128. (In Russ.) https://elibrary.ru/apxxib
2. Damaskin O.V., Kholikov I.V. (2017). Current problems of protection of the Russian state system and national sovereignty in modern conditions. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem = Representative Power – 21st Century: Legislation, Commentary Problems*, no. 4 (155), pp. 1-5. (In Russ.) https://elibrary.ru/yzkccv
3. Zemlin A.I., Matveeva M.A., Gots E.V., Torshin A.A. (2022). *Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya otnoshenii, voznikayushchikh v svyazi s ispol'zovaniem vysokoavtomatizirovannykh avtomobilei* [Current Problems of Legal Regulation of Relations Arising in Connection with the Use of Highly Automated Vehicles]. Moscow, LLC "Knorus" Publishing", 172 p. (In Russ.)
4. Zemlin A.I. (2022). Issues of legal regulation of relations related to the use of highly automated vehicles. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 26, no. 12, pp. 58-69. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/jrl.2022.128, https://elibrary.ru/bsmkwa
5. Zemlin A., Kholikov I., Mamedova I., Zemlina O. (2021). Problems of ensuring security of transport infrastructure facilities. *International Science and Technology Conference "Earth Science" – Chapter 3*. Vladivostok, IOP Publishing Ltd, vol. 666, art. 042002. (In Russ.) https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/4/042002, https://elibrary.ru/apnndt
6. Zemlin A.I., Gots E.V., Matveeva M.A., Torshin A.A. (2022). Countering the spread of the pandemic of Coronavirus infection COVID-19 in mega cities with the use of driving cars: experience, legal and organizational aspects. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, vol. 14, no. 6, pp. 455-483. (In Russ.) https://doi.org/10.12731/2658-6649-2022-14-6-455-483, https://elibrary.ru/vomtke
7. Kholikov I.V. (2018). International legal aspects of the Transport Strategy of the Russian Federation in the field of medical support for transport. *Transportnoe pravo i bezopasnost' = Transport Law and Security*, no. 4 (28), pp. 93-99. (In Russ.) https://elibrary.ru/ytydzb
8. Zemlin A.I., Gots E.V., Matveeva M.A., Torshin A.A. (2022). The legal status of a driver of a highly automated car in the context of administrative and civil law regulation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 10 (214), pp. 146-150. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_10_146, https://elibrary.ru/dcrkjh
9. Zemlin A.I. (2022). Challenging issues of the legal support of use of highly-automated transport vehicles. *Transportnoe pravo = Transportation Law*, no. 4, pp. 13-20. (In Russ.) https://doi.org/10.18572/1812-3937-2022-4-13-20, https://elibrary.ru/ynlwls
10. Zemlin A.I., Torshin A.A. (2022). "Driver assistance system" or "automated control system": boundary issues for public and private law regulation. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, no. 8, pp. 52-58. (In Russ.) https://doi.org/10.25799/NI.2022.33.57.009, https://elibrary.ru/cltlsu
11. Kholikov I.V., Sazonova K.L. (2017). International legal responsibility in the context of the legal regulation of the military use of unmanned aerial vehicles. *Voennoe pravo = Military Law*, no. 4 (44), pp. 217-226. (In Russ.) https://elibrary.ru/zflytf
12. Li Ch., Meng S. (2020). Delictual liability for harm arising from autonomous vehicles. *Zakon = Statute*, no. 3, pp. 49-56. (In Russ.) https://elibrary.ru/nsvjtr
13. Bubnovskaya T.A. (2019). Civil law liability when using "self-driving" cars. *Transportnoe pravo = Transportation Law*, no. 3, pp. 6-9. (In Russ.) https://elibrary.ru/hafxab

14. Laptev V.A. (2017). Responsibility of the “future”: legal essence and evidence evaluation issue. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, no. 3, pp. 32-35. (In Russ.) https://doi.org/10.18572/2070-2140-2017-3-32-35, https://elibrary.ru/yrrmsl
15. Chuchaev A.I., Malikov S.V. (2019). Responsibility for causing harm by a highly automated vehicle: state and perspectives. *Aktual’nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, no. 6 (103), pp. 117-124. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.117-124, https://elibrary.ru/bdtmmg
16. Churilov A.Yu. (2019). Otvetstvennost’ za vred, prichinennyi pri ehkspluatatsii avtonomnogo (vysokoavtomatizirovannogo) avtomobilya [Liability for harm caused during the operation of an autonomous (highly automated) vehicle]. *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii «Intellektual’nye prava: vyzovy 21-go veka»* [Proceedings of the International Conference “Intellectual Rights: Challenges of the 21st Century”]. Tomsk, Tomsk State University Publishing House, pp. 127-132. (In Russ.) HTTPS://DOI.ORG/10.17223/9785946218559/17, https://elibrary.ru/genjnz
17. Fedorov D.V. (2020). Strict liability for damages caused highly automated and fully automated vehicles as sources of danger. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, vol. 20, no. 6, pp. 191-211. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-6-191-211, https://elibrary.ru/bphnmt
18. Cabral T.S. (2020). Liability and artificial intelligence in the EU: assessing the adequacy of the current product liability directive. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, vol. 27, issue 5, pp. 615-635. https://doi.org/10.1177/1023263X20948689
19. Borges G. (2019). New liability concepts: the potential of insurance and compensation funds. *Liability for Artificial Intelligence and the Internet of Things*. Baden-Baden: Nomos Publ., pp. 145-163.
20. Petrov Yu.I., Zemlin A.I., Zemlina O.M. (2019). The genesis of the system of administration of the transport routes and of the transport law in Russia (9th to 18th centuries). *Mir transporta = World of Transport and Transportation*, vol. 17, no. 3 (82), pp. 260-277. (In Russ.) https://doi.org/10.30932/1992-3252-2019-17-3-260-277, https://elibrary.ru/kblagq
21. Zemlin A.I., Petrov Yu.I., Kharlamova Yu.A. (2019). *Aktual’nye problemy razvitiya transportnogo zakonodatel’stva i transportnogo prava Rossii* [Current Issues in the Development of Transport Legislation and Transport Law in Russia]. Moscow, LLC “Knorus” Publishing”, 126 p. (In Russ.)
22. Evstigneev Eh.A. (2020). Problems of relation between fault and causation in tort law. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, vol. 20, no. 1, pp. 33-59. (In Russ.) https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-33-59, https://elibrary.ru/cnfqxl
23. Toke M.J. (1996). Restatement (third) of torts and design defectiveness in American products liability law. *Cornell Journal of Law and Public Policy*, vol. 5, no. 2, pp. 239-287.
24. Fairgrieve D. (2005). *Product Liability in Comparative Perspective*. Cambridge, Cambridge University Press, 363 p. https://doi.org/10.1017/CBO9780511493850
25. Zerres T.B. (2010). *Bürgerliches Recht. Eine Einführung in das Zivilrecht und die Grundzüge des Zivilprozessrechts*. Berlin, Springer Open Publ., 492 S. (In Ger.)
26. Gasser T.M. (2015). Grundlegende und spezielle Rechtsfragen für autonome Fahrzeuge. *Autonomes Fahren. Technische, rechtlische und gesellschaftliche Aspekten*. Berlin, Springer Open Publ., S. 543-574. (In Ger.)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 30.09.2023
Поступила после рецензирования / Revised 12.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 340.111
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-493-503
Шифр научной специальности 5.1.1

Структура секундарного права

© КРАМСКОЙ Вадим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 106/5; доцент кафедры правовых дисциплин, Тамбовский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 392008, г. Тамбов, Моршанское ш., 14а, https://orcid.org/0000-0002-4186-7765, vkramskoy@mail.ru

Аннотация

Внутреннее строение секундарного права рассмотрено как универсальная теоретико-правовая конструкция, используемая не только в частноправовых отраслях, но и в публичном праве. При этом констатирован преобладающий в науке цивилистический подход к изучению секундарных прав, что не дает в полной мере объективной картины существа данной правовой конструкции. По лекалам структуры субъективного права на основе трудов по теории права проанализировано содержание правомочий, входящих в состав секундарного права, посредством которых реализуется заложенный в секундарное право интерес. По наблюдениям только два правомочия могут образовать конструкцию секундарного права – правомочие на свое поведение и правомочие на чужое поведение (правомочие требования). При этом для образования секундарного права в ряде случаев достаточно только одного правомочия – правомочия на свое поведение, в других – возможно сосуществование изначально двух названных правомочий в рамках одной конструкции секундарного права, либо правомочие на чужое поведение может носить вспомогательное свойство для целей реализации правомочия на свое поведение. Помимо этого приведены теоретические выкладки относительно зависимости набора правомочий в структуре секундарного права от вида правоотношения (регулятивного, охранительного, отраслевого) и изучены свойства стабильности и динамичности структуры секундарного права в условиях современной правовой действительности. По результатам исследования сформулированы выводы.

Ключевые слова

секундарное право, субъективное право, структура секундарного права, структура субъективного права, правомочие, правомочие на свое поведение, правомочие на чужое поведение, интерес, правоотношение, секундарно-управомоченное лицо, должник

Для цитирования

Крамской В.В. Структура секундарного права // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 493-503. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-493-503

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-493-503

Structure of secondary law

© Vadim V. KRAMSKOY,
PhD (Law), Associate Professor of Civil Law and Process Department of Law Institute, Tambov State Technical University, 106/5 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation; Associate Professor of Legal Disciplines Department, Tambov Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 14a Morshanskoe Rte., Tambov, 392008, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-4186-7765, vkramskoy@mail.ru

Abstract

The internal structure of secondary law is considered as a universal theoretical and legal construct, used not only in private law areas, but also in public law. At the same time, the prevailing civilistic approach to the study of secondary rights in science is stated, which does not provide a fully objective picture of the essence of this legal structure. Based on the patterns of subjective law structure, based on theory of law works, we analyzed the content of the powers included in the secondary law, through which the interest inherent in the secondary law is realized. According to observations, only two powers can form the construction of a secondary law –the power to one's own behavior and the power to someone else's behavior (the authority to demand). At the same time, for secondary law development, in some cases, only one power is sufficient – the power to one's own behavior, in others, it is possible for the initially two named powers to coexist within the framework of one construction of secondary law, or the power to someone else's behavior can have an auxiliary property for the purposes of exercising the right to one's own behavior. In addition, theoretical calculations are given regarding the dependence of the set of powers in the structure of secondary law on the type of legal relationship (regulatory, protective, industrial) and the properties of stability and dynamism of the structure of secondary law in the conditions of modern legal reality are studied. Based on the results of the study, conclusions are formulated.

Keywords

secondary law, subjective law, secondary law structure, subjective law structure, power, power over one's own behavior, power over someone else's behavior, interest, legal relationship, secondarily authorized person, debtor

For citation

Kramskoy, V.V. (2023). Structure of secondary law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 493-503 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-493-503

Введение

На книжной полке всемирного фонда правовых мыслей об институте секундарного права достаточно пусто, при этом, казалось бы, многие юристы как дореволюционной эпохи, так и советского, и нынешнего времени в своих работах уделяли внимание проблеме понимания секундарного права. Но чаще всего их умозаключения о квинтэссенции секундарного права складывались постольку, поскольку это было необходимо для обоснования существования других правовых явлений в их многообразии.

Например, в работе «Вексельные бланки», вышедшей из-под пера А.Э. Вормса в 1914 г., секундарные права рассматривались в контексте вексельных договоров и права векселедержателя по своему усмотрению заполнять или не заполнять вексель [1, с. 19]. В своих работах по теории гражданского права при определении порядка заключения договора О.С. Иоффе проводил исследование акцепта оферты в качестве секундарного права [2, с. 290], а М.М. Агарков характеризовал его не иначе, как проявление динамической правоспособности [3, с. 284]. В фундаментальном диссертационном исследовании С.В. Третьякова, посвященном вопросам осмысления учений о субъективных частных правах, отыскать положения о секундарных правах также возможно, но только лишь среди прочих субъективных прав, а не самостоятельного правового феномена, имеющего свою внутреннюю конституцию [4, с. 313-314].

Все научные изыскания, касающиеся вопросов функционирования секундарного права, в которых в определенной мере комплексно освещены аспекты секундарно-правового воздействия на общественные отношения, можно свести к трем основным: работы немецких отцов-основателей концепции секундарных прав Э. Цительмана, Л. Эннекцерруса, Э. Зеккеля и А. фон Тура, полагавших секундарное право преобразовательным правомочием (правом юридической власти), способным в одностороннем порядке изменить правовую сферу контрагента секундарно-управомоченного лица [5, p. 7]; кандидатская диссертация А.Б. Бабаева «Проблема секундарных прав в российской цивилистике» [6, с. 6] и монографическое исследование В.Е. Карнушина «Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ» [7, с. 13].

При этом, что важно для нас, в названных работах учеными не заданы себе вопросы, ответы на которые приблизили бы их к более полному пониманию феномена секундарного права, поспособствовали бы раскрытию его как самостоятельного правового явления или даже правового явления всеобъемлющего характера, то есть не только частноправовой сферы, но и публичноправовой.

К числу таких вопросов следует отнести: что лежит в основе секундарного права? какое правомочие образует секундарное право и может ли структура секундарного права включать в себя несколько правомочий? существует ли зависимость набора правомочий в составе секундарного права от вида правоотношения? имеет ли структура секундарного права подвижный характер?

Для того чтобы предложить научной общественности свои ответы на поставленные вопросы, необходимо сформулировать посылки, обоснованные нами ранее в других исследованиях, из которых мы будем исходить в рассуждениях.

1. Секундарное право – субъективное право. Субъективно оно постольку, поскольку, как минимум, принадлежит вполне определенному лицу, состоящему в конкретном правоотношении, а как максимум, наделяет секундарно-управомоченного субъекта возможностью действия в своем интересе. Более того, секундарное право субъективно еще и в той мере, в какой его реализация в ряде случаев поставлена в зависимость от определенных условий, чего невозможно сказать о потестативных правах (например, осуществление такого потестативного субъективного права, как право на направление оферты, является безусловным, осуществляется исключительно своими действиями и никто не в состоянии его ограничить).

2. Секундарное право не является атрибутом только лишь частноправовых отраслей, а имеет свойство универсальности, или общеправовой принадлежности.

3. Секундарное право не всегда редуцируется (сводится) только к одному правомочию по достижению правового эффекта действиями самого секундарно-управомоченного лица.

Результаты исследования

Задав вектор движения, перейдем к основной части нашего исследования.

Что лежит в основе секундарного права? Коль скоро секундарное право является правом, то не будет оригинальным утверждение о том, что краеугольным камнем в фундаменте секундарного права является интерес, реализация которого осуществляется посредством правомочия. Говоря языком марксистской идеологии, интерес в праве выступает своего рода базисом, формирующим надстройку в виде различных правомочий, способствующих обеспечению существования базиса. Соотношение интереса и правомочий образует собой формацию, которую в рамках правовой системы следует именовать не иначе, как правовую форму, многообразие которых достаточно подробно и широко рассмотрел профессор В.А. Белов в своей работе [8, с. 244, 252], а также швейцарский правовед В. Портманн в монографическом исследовании «Сущность и система субъективных частных прав». Согласно воззрениям В. Портманна, каждой правовой форме соответствует свой тип субъективного права. Правовой форме «право юридической возможности – связанность» соответствует секундарное право [9, S. 37, 197, 199].

Интерес в основе права сам по себе ничто без соответствующих правомочий на его реализацию. Неслучайно в этой связи устоявшейся в науке является точка зрения

С.Н. Братуся [10, с. 73, 74] и Н.Г. Александрова [11, с. 108], согласно которой субъективное право – это признанная и обеспеченная законом мера, вид и объем возможного поведения лица. Совершенно очевидно, что мера, вид и объем возможного поведения лица содержатся в правомочии, конкретизирующем их. Именно через определенное правомочие выражается субъективное право. С наших позиций, беря во внимание сформулированные выше исходные положения о том, что секундарное право – это субъективное право, аксиомой будет то, что в основе секундарного права лежат интерес и правомочие.

Что касается интереса в секундарном праве, то следует отметить: под ним возможно понимать любую выгоду, или пользу, которую способно извлечь из своего положения секундарно-управомоченное лицо: будь то нематериальное благо в случае с таким секундарным правом, как право на перемену имени, осуществляемое собственными действиями при содействии этому органов публичной власти, или будь то право на изменение выбранной налогоплательщиком системы налогообложения. Другими словами, интерес в секундарном праве может иметь как материальный, так и нематериальный признак.

Какое правомочие образует секундарное право и может ли структура секундарного права включать в себя несколько правомочий? В курсе лекций по теории права Н.И. Матузов и А.В. Малько выделяют четыре основных группы правомочий, присущих тому или иному субъективному праву в полной мере или неполной:

1) правомочие на свое поведение, то есть возможность собственными действиями реализовать свой интерес;

2) правомочие требования, то есть возможность повеления другим лицом (его действиями) в целях реализации своего интереса (правомочие на чужое поведение);

3) правомочие притязания, то есть возможность прибегнуть к государственной защите в случае несовершения обязанным лицом действий в целях реализации интереса управомоченного лица;

4) правомочие пользования, то есть возможность применения на себе социальных благ [12, с. 490].

Постараемся теперь примерить данные правомочия на секундарном праве и сделать лекало его структуры.

Правомочие на поведение и секундарное право. Исходя из классического определения секундарного права как права своими собственными действиями изменить правовую сферу интересов другого лица или, иными словами, установить (преобразовать) посредством односторонней сделки правоотношение, правомочие на собственное поведение и реализация заложенного в секундарное право интереса своими действиями является имманентно присущим любому секундарному праву. Скажем, право на подачу иска как секундарное (вторичное) право в рамках реализуемого права на судебную защиту осуществляется действиями заинтересованного в этом субъекта, направлено на установление процессуального правоотношения. В частном праве подобным примером может служить случай с реализацией права на одностороннее расторжение гражданско-правового договора, например, в случае отказа заказчика от договора возмездного оказания услуг. Для секундарного права правомочие на собственные действия (свое поведение) является атрибутивным (неотъемлемым). Именно этот признак выделяет конструкцию секундарного права из всей совокупности субъективных прав в их особый вид.

Правомочие требования и секундарное право. Возможность повеления другим лицом в целях реализации своего интереса через выражение соответствующего требования является незыблемой основой любого правоотношения, в котором заложенный в право интерес управомоченного субъекта реализуется исключительно действиями обязанного лица. Примеров конструкций такого вида правомочий несчетное множество как в публичном, так и в частном правопорядке: право одного лица на возмещение убытков напрямую соотносится с действиями другого лица по их компенсации, право на получение пенсии по старости граничит с обязанностью по ее назначению и выплате органом публичной власти. Это классическая модель конструкции любого обязательства, причем не только частноправового, но и публичноправового. В данной правовой

форме, выделяемой В. Портманном, право требования сопряжено с обязанностью [9, S. 37, 197, 199]. Отсюда возникает резонный вопрос: можно ли в эту правовую форму вместить секундарное право? Расположить цепочку юридических детерминант не по устоявшейся логике рассуждений, как право на собственные действия на стороне секундарно-управомоченного лица и связанность этими действиями другого лица, противостоящего секундарно-управомоченному, а в инвариантном сценарии? Например, право на собственные действия у секундарно-управомоченного лица и обязанность другого лица способствовать своим поведением удовлетворению интереса секундарно-управомоченного лица. На первый взгляд, это может показаться ловлей рыбы в мутной воде. Рассмотрим следующий казус.

В существующем трудовом правоотношении между работником и работодателем наметился кризис взаимопонимания, решение по выходу из которого работник видит только через расторжение трудового договора по своей инициативе. Сообразуясь с правомочием на собственные действия, что является проявлением секундарного права, работник заявляет работодателю в письменной форме о своем решении расторгнуть трудовой договор через 14 дней. В классической интерпретации концепции секундарного права его сторонники солидарно сказали бы, что на стороне работодателя возникла некая связанность работодателя таковым решением работника. На самом же деле у работодателя возникла некая обязанность или даже ряд обязанностей, как например, обязанность по окончательному расчету с работником и обязанность оформления процедуры увольнения. Какой-либо абстрактной связанности, как привыкли утверждать цивилисты, в данной модели реализации секундарного права нет. Вся соль этой ситуации для характеристики правомочия требования в конструкции секундарного права в том, что правовой эффект от реализации секундарного права на расторжение трудового договора работником возникнет всенепременно, вне зависимости от исполнения соответствующих обязанностей работодателем. Но наиболее полно свой интерес в разрыве трудовых отношений работник может удовлетворить, только если работодатель совершит соответствующие действия (рассчитает работника, выдаст ему трудовую книжку и др.).

Рассматривая право требования в связке с секундарным правом, полагаем необходимым заострить внимание на временном аспекте появления правомочия требования. В научной литературе бытует точка зрения, выраженная А.Г. Певзнером еще в 1961 г. при исследовании субъективных прав, согласно которой правомочие требования в составе субъективного права не является конститутивным. Оно представляет собой «дремлющее» правомочие субъективного права, появляющееся у его носителя только в случае ненадлежащего исполнения обязанным лицом корреспондирующей субъективному праву обязанности. И только в этом случае управомоченный субъект может требовать соответствующего поведения от обязанного лица [13, с. 45]. Такое мнение бытует и сегодня, например, в работе В.В. Груздева «Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей» [14, с. 95].

С данной точкой зрения мы не согласны, полагаем ее уводящей разговор о сути субъективного права в сторону Королевства Кривых Зеркал, в котором всё наоборот. Разве можно себе представить такое субъективное право (которое является и секундарным к тому же), как право на расторжение брака, без правомочия требования? Ведь вся суть этого секундарного права состоит в истребовании согласия второго супруга на расторжение брака, в противном случае – при уклонении второго супруга от этого, брак будет расторгнут судом. В данном субъективном секундарном праве можно усмотреть два правомочия: правомочие на поведение (выражение воли на расторжение брака, подача заявления в суд) и правомочие требования от второго супруга согласия на расторжение брака.

Если принять логику рассуждений А.Г. Певзнера и В.В. Груздева, то любые правомочия в составе субъективного права нужно рассматривать как «дремлющие» до тех пор, пока не возникнет необходимости в их применении. В этой цепочке рассуждений мы вынуждены будем тогда констатировать тождество содержания субъективного права и такого правового института, как

правоспособность, предполагающей наличие у лица абстрактного набора субъективных прав, реализовать которые он может только в конкретной ситуации. К слову будет сказанным, к схожему с нашим выводу в своей работе ранее пришел советский правовед М.М. Агарков [3, с. 284]. Поэтому полагаем целесообразным правомочие требования (правомочие на чужое поведение) в составе секундарного права рассматривать как одно из его непосредственных проявлений в ряде случаев.

Правомочие притязания и секундарное право. Правомочие притязания в научной литературе характеризуется как правомочие на защиту [15, с. 503], которое некоторыми учеными рассматривается в качестве безусловного правомочия субъективного права. Но здесь необходимо заметить, что не всем ученым сообществом принимается такая позиция. Есть взгляды на эту проблему, в которых правомочие притязания рассматривается не в составе субъективного права, а как самостоятельное субъективное право [8, с. 233]. Такой подход следует признать наиболее рациональным из всех существующих точек зрения, поскольку любое субъективное право в случае его нарушения может быть реализовано посредством судебной защиты. И если пойти дальше, то насколько правомочие притязания можно вообще рассматривать как правомочие, а не как самостоятельное субъективное право на защиту: судебную, административную? Наверное, одновременно и смелым, и справедливым будет наше утверждение о том, что правомочие притязания следует вообще отождествить в некоей мере с правомочием требования. Правомочие притязания – это повеление, обращенное к противостоящему управомоченному лицу субъекту, но через стороннее лицо, которым может быть, например, компетентный орган публичной власти. Правомочие требования – то же самое повеление, обращенное к противостоящему управомоченному лицу субъекту непосредственно, без призыва на помощь стороннего лица. Какая между ними принципиальная разница? Только в наличии стороннего элемента в отношениях между управомоченным и обязанным субъектами.

Если вернуться к рассмотрению правомочия притязания в структуре секундарного права, то здесь ситуация будет отягощаться еще и тем, что секундарно-управомоченный субъект, в первую очередь, своими действиями добивается правового эффекта, и лишь потом следует брать во внимание поведение обязанного субъекта или третьего лица по способствованию в реализации интереса секундарно-управомоченного лица. Частным проявлением на практике данного утверждения будут примеры, связанные с реализацией секундарного права на расторжение трудового договора, на расторжение брака, на изменение оснований иска и др. Поэтому вести разговор о правомочии притязания в составе секундарного права неуместно. Данное правомочие несет в себе свойство универсальности, его можно усмотреть, пожалуй, в любом субъективном праве.

Правомочие пользования и секундарное право. Мы уже определились с пониманием правомочия пользования, под которым подразумевается не пресловутое правомочие пользования из триады правомочий в составе права собственности, в контексте которого такое правомочие следует отнести к способности выбора своего поведения, а возможность извлечения благ из своего положения. Например, как гражданин России человек может свободно передвигаться по территории Российской Федерации; имея статус военнослужащего в отставке – носить военную форму со знаками различия и др. По своему юридическому свойству правомочие пользования тяготеет к конструкции потестативных («сильных») прав, реализация которых не может быть чем-либо обусловлена: право направления оферты одним лицом другому, право на свободу совести и вероисповедания). Если задаться вопросом глобально, то правомочие пользования в составе субъективного права следует вообще рассмотреть как искусственно выведенное и свести его к правомочию на поведение. Ведь если лицо извлекает какое-либо благо из своего положения, значит, оно реализует свой интерес посредством действий или намеренного бездействия, но, так или иначе, своим поведением либо за счет своего поведения, выраженного ранее. Есть ли в правомочии пользования принципиальное отличие от правомочия на поведение? Полагаем, что таковое отсутствует. Ведь пользоваться

благом или не пользоваться – это выбор модели своего поведения.

Теперь применим сказанное к существу секундарного права.

Реализуя свое секундарное право, субъект воздействует на правовую сферу интересов своего контрагента. Не предпринимая никаких действий, реализовать свое право в данном случае невозможно, равно как и в любом другом, что было показано выше. Поэтому правомочие пользования не вписывается в структуру секундарного права, а если и постараться его увязать с секундарным правом, то только в названном выше контексте, рассматривая правомочие пользования как элемент правомочия на выбор модели поведения.

Возвращаясь к вопросу о том, какое правомочие образует секундарное право, и может ли структура секундарного права включать в себя несколько правомочий, ответим, что структуру секундарного права могут образовывать только два правомочия: правомочие на поведение и правомочие требования. При этом важно понимать, что правомочие требования в составе секундарного права не может подменять собой правомочие на поведение, а может в определенных случаях только способствовать его реализации. Обратное свидетельствовало бы о том, что секундарное право – это не особая правовая конструкция, коей оно есть на самом деле.

Существует ли зависимость набора правомочий в составе секундарного права от вида правоотношения? Мы определились с тем, что в структуру секундарного права могут входить два правомочия: правомочие на поведение и правомочие требования. В этой связи возникают резонные вопросы о возможности сосуществования в рамках одной конструкции секундарного права двух правомочий и возможности существования секундарного права только с одним правомочием – правомочием на поведение или правомочием требования.

Исходя из наших представлений, на оба вопроса следует ответить утвердительно. В этой связи в качестве отправного начала рассуждений отметим, что в разных субъективных правах правомочий может быть больше или меньше [12, с. 496].

Действительно, скажем, в таком субъективном частном праве как право собственности есть только два правомочия – правомочие на собственное поведение, состоящее в возможности владеть, пользоваться и распоряжаться объектом вещного мира, и правомочие требования ото всех лиц воздерживаться от притязаний на принадлежащий собственнику объект (предмет), а в таком субъективном публичном праве в уголовной юрисдикции, как право на примирение с потерпевшим, у обвиняемого лица есть только правомочие на собственное поведение без возможности требования соответствующего решения о примирении от потерпевшего.

Подобным образом складывается ситуация и с секундарными правами, коль скоро мы их также относим к субъективным.

Секундарное гражданское право на одностороннее расторжение договора возмездного оказания услуг состоит только из одного правомочия на поведение, то есть возможности совершить юридически значимое действие своими силами; в секундарном гражданском праве на выбор объекта исполнения в альтернативном обязательстве также есть только правомочие на поведение. В то же время в секундарном семейном праве на расторжение брака есть правомочие на поведение, состоящее в выражении воли на прекращение семейной связи, и правомочие требования согласия второго супруга на это.

Если правомочия, образующие секундарное право, рассмотреть в контексте классификации правоотношений по их функциональному назначению, при котором выделяют регулятивные правоотношения и охранительные, то очевидным становится следующее.

Так, в регулятивном правоотношении, связанном с реализацией корпоративного права участников общества с ограниченной ответственностью управлять делами общества, есть такое право, как право изменить наименование общества с ограниченной ответственностью. При этом такое решение принимается большинством в две трети голосов от общего их количества, а число голосов приравнивается к размеру доли участника общества в уставном капитале. Участник общества, имеющий единолично две трети голосов на общем собрании участни-

ков общества, в этом случае обладает секундарным правом на изменение наименования общества по своему усмотрению, то есть своим волеизъявлением и своими действиями, а другому участнику остается лишь безусловно принять такое решение.

В свою очередь, в охранительном правоотношении, связанном с реализацией секундарного права на расторжение брака, есть и правомочие на свое поведение, и правомочие на чужое поведение (правомочие требования согласия второго супруга на расторжение брака). В другом охранительном правоотношении, связанном с удержанием вещи кредитором для целей обеспечения его интересов от недобросовестного поведения должника, у кредитора в рамках секундарного права на удержание вещи есть только одно правомочие – правомочие на свое поведение – удерживать вещь или нет.

Рассматривать структуру секундарного права для целей выявления большего или меньшего количества правомочий в его составе в зависимости от отраслевой принадлежности секундарного права мы не будем по причине того, что вышеприведенные примеры однозначно говорят в пользу того, что данная обусловленность отсутствует. Равно как и в целом структура секундарного права и состав правомочий, образующих его, по нашему мнению, не зависят от вида правоотношения.

Немаловажным в продолжение этого разговора будет отыскание ответа на вопрос о наличии или отсутствии свойства подвижности структуры секундарного права.

Имеет ли структура секундарного права подвижный характер? По свидетельству В.В. Груздева, у субъективного гражданского права есть два состояния, первое из них существует с момента, когда возникло субъективное право, а второе состояние появляется только тогда, когда нарушена регулятивная составляющая субъективного права [14, с. 95]. Проще говоря, речь идет только о том, что включаемое некоторыми учеными в состав субъективного права правомочие притязания (правомочие на защиту) не является обязательным элементом субъективного права, оно появляется только при необходимости. Ввиду этого можно вести речь об обязательных и факультативных правомочиях в составе субъективного права. Другое дело, что в субъективных охранительных правах правомочие притязания изначально заложено. Но это ни в какой мере не нивелирует сказанное, а наоборот, свидетельствует только в пользу наличия обязательного правомочия в составе субъективного права.

Представляется, что коль скоро мы секундарное право приписываем к разряду субъективных прав, то справедливым будет вышесказанное по отношению и к нему, но с определенной оговоркой. Если в качестве факультативного правомочия рассматривать только правомочие притязания, то правомочие на свое поведение и, в отдельных случаях, правомочие на чужое поведение (правомочие требования) являются обязательными элементами структуры секундарных прав. Однако, мы уже сказали, что правомочие притязания образует собой по сути самостоятельное субъективное право на защиту в каждом случае. Поэтому вводить это правомочие в состав структуры секундарных прав необоснованно.

Для примера возьмем несколько вышеописанных случаев: из частного права и из публичного.

Так, в случае с примером на одностороннее расторжение заказчиком гражданско-правового договора у него, как у секундарно-управомоченного субъекта, есть только одно правомочие на собственное поведение и воздействие тем самым на сферы правовых интересов противоположной стороны. Видоизменения структуры данного секундарного права здесь быть не может, поскольку кроме одного правомочия на поведение какого-либо другого правомочия здесь нет.

Несколько другое мы можем проследить, если посмотрим на структуру такого секундарного права, как право выбора системы налогообложения хозяйствующим субъектом. С одной стороны, это право реализуется в рамках существующего налогового правоотношения посредством использования правомочия на поведение, то есть правомочия на осуществление соответствующего выбора, что порождает у противостоящего секундарно-управомоченному лицу субъекта обязанность воплощения в жизнь принятого решения. Однако если принятое решение о

выборе конкретной системы налогообложения органом публичной власти не будет реализовано, то на стороне обладателя секундарного права порождается правомочие требования соответствующего поведения от контрагента. А если посмотреть дальше, то возможно появление и правомочия притязания, которое по умолчанию, полагаем, можно отнести к структуре любого субъективного права, в том числе и секундарного.

Точно такая же ситуация обнаруживается и в случае с реализацией такого секундарного права, как право на расторжение трудового договора по инициативе работника, реализация которого осуществляется посредством правомочия на собственное поведение с возможным порождением правомочия требования (например, на оформление увольнения) и возможным правомочием притязания, если работодателем не исполняется соответствующая обязанность.

Выводы

Подводя итог, резюмируем полученные нами основные положения о структуре секундарного права.

1. В основе секундарного права, как и любого другого субъективного права, лежит материальный или нематериальный интерес, реализуемый посредством правомочий, входящих в структуру секундарного права.

2. Структура секундарного права как универсальной теоретико-правовой конструкции может быть образована двумя правомочиями: правомочием на свое поведение и правомочием на чужое поведение (правомочие требования). При этом именно правомочие на свое поведение является конституирующим секундарное право, а правомочие на чужое поведение в определенных случаях только способствует эффективному осуществлению правомочия на свое поведение.

3. Набор правомочий в составе структуры секундарного права не зависит от вида правоотношения, а проявляет обусловленность от конкретного вида секундарного права (секундарное право на расторжение договора в одностороннем порядке не предполагает выделение в его структуре правомочия на чужое поведение, а секундарное право на выбор режима налогообложения в случае нереализации органом публичной власти принятого налогоплательщиком такого решения может в своей структуре обнаружить правомочие на чужое поведение).

В одних случаях структура секундарного права имеет исключительно стабильный характер, что обусловлено изначально наличием только одного (секундарное право на выбор объекта исполнения в альтернативном обязательстве) или двух правомочий (секундарное право на расторжение брака в отсутствие согласия второго супруга, где также изначально есть правомочие на свое поведение (выражение своей воли) и правомочие требования согласия второго супруга на расторжение брака), в других случаях структура секундарного права имеет подвижный характер (секундарное право на выбор режима налогообложения, при реализации которого есть правомочие на свое поведение (непосредственный выбор), и в случае нереализации такого решения органом публичной власти появляется правомочие соответствующего требования вплоть до использования правомочия притязания).

Список источников

1. *Вормс А.Э.* Вексельные бланки. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 30 с.
2. *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. 777 с.
3. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. 1. 490 с.
4. *Третьяков С.В.* Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022. 495 с.
5. *Tuhr A. Von.* Tratado de las Obligaciones. Granada: Editorial Comares, 2007. 543 p.
6. *Бабаев А.Б.* Проблема секундарных прав в российской цивилистике: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с. https://elibrary.ru/nkcjnr

7. *Карнушин В.Е.* Секундраные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В.П. Камышанского. М.: Статут, 2016. 256 с. https://elibrary.ru/wgagnn
8. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2007. 993 с. https://elibrary.ru/qxgknl
9. *Portmann W.* Wesen und System der subjektiven Privatrechte. Zürich: Schulthess, 1996. 277 S.
10. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М., 1976. 215 с. https://elibrary.ru/rahztl
11. *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. 176 с.
12. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. М., 2000. 720 с.
13. *Певзнер А.Г.* Понятие и виды субъективных гражданских прав: дис. … канд. юрид. наук. М., 1961. 242 с. https://elibrary.ru/npquzz
14. *Груздев В.В.* Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5 (90). С. 95-104. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.90.5.095-104, https://elibrary.ru/xsmfsh
15. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М., 2008. 743 с. https://elibrary.ru/vtsbzf

References

1. Vorms A.E. (1914). *Veksel'nye blanki* [Bill Forms]. Moscow, Typo-Lithography of the Partnership I.N. Kushnerev and K°, 30 p. (In Russ.)
2. Ioffe O.S. (2000). *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: iz istorii tsivilisticheskoi mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaistvennogo prava»* [Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Thought. Civil Legal Relations. Criticism of the Theory of "Economic Law"]. Moscow, Statut Publ., 777 p. (In Russ.)
3. Agarkov M.M. (2002). Obyazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Obligation under Soviet civil law]. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Moscow, vol. 1, 490 p. (In Russ.)
4. Tret'yakov S.V. (2022). *Razvitie ucheniya o sub"ektivnom chastnom prave v zarubezhnoi tsivilistike: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Development of the Doctrine of Subjective Private Law in Foreign Civil Law. Dr. habil. (Law) diss.]. Moscow, 495 p. (In Russ.)
5. Tuhr A. Von. (2007). *Tratado de las Obligaciones*. Granada, Editorial Comares, 543 p. (In Sp.)
6. Babaev A.B. (2006). *Problema sekundarnykh prav v rossiiskoi tsivilistike: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Problem of Secondary Rights in Russian Civil Law. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 24 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/nkcjnr
7. Karnushin V.E. (2016). *Sekundranye prava v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii: obshchie voprosy teorii, sekundarnye prava v Grazhdanskom kodekse RF* [Secondary Rights in the Civil Law of the Russian Federation: General Issues of Theory, Secondary Rights in the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, Statut Publ., 256 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/wgagnn
8. Belov V.A. (gen. ed.). (2007). *Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Civil Law: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, Urait Publ., 993 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qxgknl
9. Portmann W. (1996). *Wesen und System der subjektiven Privatrechte*. Zürich, Schulthess Publ., 277 S. (In Ger.)
10. Bratus' S.N. (1976). *Yuridicheskaya otvetstvennost' i zakonnost'. Ocherk teorii* [Legal Responsibility and Legality. Outline of the Theory]. Moscow, 215 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/rahztl
11. Aleksandrov N.G. (1955). *Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve* [Legality and Legal Relations in Soviet Society]. Moscow, 176 p. (In Russ.)
12. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. (2000). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Rights]. Moscow, 720 p. (In Russ.)
13. Pevzner A.G. (1961). *Ponyatie i vidy sub"ektivnykh grazhdanskikh prav: dis. ... kand. yurid. nauk* [The Concept and Types of Subjective Civil Rights. PhD (Law) diss.]. Moscow, 242 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/npquzz
14. Gruzdev V.V. (2018). The structure of subjective civil rights and civil obligations. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, no. 5 (90), pp. 95-104. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.90.5.095-104, https://elibrary.ru/xsmfsh

15. Pigolkin A.S., Dmitriev Yu.A. (eds.). (2008). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 743 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/vtsbzf

Поступила в редакцию / Received 04.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 30.10.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 328.185
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-504-514
Шифр научной специальности 5.1.4

Использование мягкого права в сфере противодействия коррупции

© КУЗНЕЦОВА Ольга Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, ФГАОУ ВО «Российский государственный университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, https://orcid.org/0000-0003-1066-3783, o715575@mail.ru

Аннотация

Проанализированы иные, помимо уголовно-правовых, способы борьбы с транснациональной коррупцией. К таким способам можно отнести создание неформальных сетей взаимодействия между национальными агентствами по борьбе с коррупцией; участие в борьбе с коррупцией негосударственных игроков, таких как Всемирный банк, Международная торговая палата, и некоммерческих организаций, таких как Трансперенси Интернэшнл; разработка крупными международными банками и агентствами развития режимов расследования и наказания компаний, которые вовлечены в коррупционную деятельность в рамках финансируемых ими проектов; внедрение Модельных кодексов корпоративной этики и функционирование комплаенс-механизмов в корпорациях. Отмечено, что указанные способы особенно выгодны на международном уровне, где отсутствует некий наднациональный суверен, и эффективность межгосударственного сотрудничества остается ограниченной. Сделан вывод о том, что создание новых механизмов, в том числе механизмов «мягкого права», позволяют выработать более разносторонние и эффективные подходы к борьбе с коррупцией. В частности, путем развития механизмов мягкого права, таких как диалог и сохранение репутации, а также создания сетей регулирования, негосударственные организации получают возможность контролировать деятельность корпораций. Отдельно подчеркнуто, что такие механизмы не являются панацеей, однако представляют собой ценный регулятивный ресурс, каковым и должны признаваться мировым сообществом.

Ключевые слова

борьба с коррупцией, мягкое право, комплаенс-механизмы, национальные агентства по борьбе с коррупцией, негосударственные игроки в сфере борьбы с коррупцией, модельные кодексы корпоративной этики

Для цитирования

Кузнецова О.А. Использование мягкого права в сфере противодействия коррупции // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 504-514. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-504-514

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-504-514

The use of soft law in anti-corruption field

© Olga A. KUZNETSOVA,
PhD (Law), Associate Professor, Head of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0003-1066-3783, o715575@mail.ru

Abstract

The methods of combating transnational corruption, other than criminal law, are analyzed. These methods include the creation of informal networks of interaction between national anti-corruption agencies; participation in combatting corruption by non-state players such as the World Bank, the International Chamber of Commerce, and non-profit organizations such as Transparency International; the development by large international banks and development agencies of regimes for investigating and punishing companies that are involved in corrupt activities within the framework of projects they finance; implementation of Model Codes of Corporate Ethics and the functioning of compliance mechanisms in corporations. It is noted that these methods are especially beneficial at the international level, where there is no supranational sovereign, and the effectiveness of interstate cooperation remains limited. It is concluded that the creation of new mechanisms, including "soft law" mechanisms, makes it possible to develop more versatile and effective anti-corruption approaches. In particular, through the development of soft law mechanisms such as dialogue and face-saving, as well as the creation of regulatory networks, non-state organizations are able to control the activities of corporations. It is emphasized separately that such mechanisms are not a panacea, but they represent a valuable regulatory resource, which should be recognized by the international community.

Keywords

anti-corruption, soft law, compliance mechanisms, national anti-corruption agencies, non-state players in anti-corruption field, model codes of corporate ethics

For citation

Kuznetsova, O.A. (2023). The use of soft law in anti-corruption field. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 504-514 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-504-514

Введение. Постановка проблемы

Борьба с коррупцией при помощи международного уголовного права, влияние коррупции (и борьбы с ней) на защиту прав человека, а также укрепление верховенства права через антикоррупционные инициативы – вот лишь некоторые из транснациональных аспектов борьбы с коррупцией. Более того, существует много международных инициатив по борьбе с коррупцией, проводимых как международными организациями, так и частными лицами, которые также изучались рядом специалистов в области международного права и являются весьма эффективными. Далее мы рассмотрим некоторые из них.

Результаты исследования

Наиболее громкими коррупционными делами, ставшими известными в последнее время благодаря своему транснациональному характеру, стали дела, связанные с «крупной коррупцией». Это, чаще всего, дела с участием высокопоставленных чиновников, которые обогащаются за государственный счет и выводят незаконно полученные доходы в иностранные банки, а также приобретают имущество и финансовые инструменты за рубежом (офшорные гавани). В связи с недавним финансовым кризисом к числу таких показательных дел, влекущих последствия в виде нанесения трансграничного ущерба, присоединились также высокопоставленные аферы и коррумпированные практики на рынке торговли инвестициями. Среди иных резонансных дел можно назвать дела о подкупе иностранных должностных лиц бизнесменами и другими представителями частного сектора в целях получения более выгодных торговых условий и/или контрактов. Если же коснуться недавних дипломатиче-

ских скандалов, аналогичные дела даже затрагивают предъявление обвинений иностранным банкам, которые вступали в сговор с неплательщиками налогов и скрывали их активы благодаря положениям о банковской тайне[1].

Одним из самых показательных примеров такого «нового зла» является «крупнейшее ограбление в новейшей истории»[2], а именно Программа ООН «Нефть в обмен на продовольствие» в Ираке. Крупнейшие корпоративные предприятия со всей планеты разделили как незаконные доходы, так и ответственность за осуществление незаконных схем, оставивших население Ирака страдающим от недоедания, несмотря на миллиарды долларов теоретически направленных на поставки им продуктов питания. Однако лишь небольшая часть от огромного числа участвовавших в этом ограблении преступников была наказана[3]. В общей сложности было выплачено откатов на сумму 1,8 миллиардов долларов, 270 конкретных имен названо Министерством нефтяной промышленности и 2000 компаний было замешано по всему миру. Правительства большинства государств-нефтепроизводителей оказались замешаны в подкупе; Нигерия и Казахстан служат дополнительными показательными примерами государств, где национальные богатства используются в личных целях ограниченным числом чиновников и несколькими иностранными компаниями, с которыми они имеют дело[4].

В последние годы коррупционные скандалы внесли свой вклад в свержение правительств в Эквадоре, Бразилии, Италии, Тринидаде и Тобаго, а также Индии. Такие скандалы также ослабили долго находившиеся у власти правящие партии в ряде государств, включая Либерально-демократическую партию Японии и Институциональную революционную партию Мексики. В Соединенных Штатах через два десятилетия после того, как Уотергейтский скандал дал толчок разработке новых правил финансовой поддержки политических партий и принятию FCPA, кампания по проведению финансовой реформы стала вопросом политическим. Количество и разнообразие государств, сталкивающихся с коррупционными скандалами, демонстрируют сложность и выдающееся положение коррупции как глобальной проблемы.

В своей работе «Далеко от дома: импортируют ли иностранные инвесторы более высокие стандарты управления в страны с переходной экономикой?» 2002 г. Джоэл Хеллман с соавт. [1] дали следующую классификацию коррупционных коммерческих операций:

1) «приватизация» государства: пределы, в которых компании производят незаконные частные выплаты публичным должностным лицам в целях оказания влияния на содержание законов, правил, регламентов или постановлений, разрабатываемых и принимаемых государственными органами;

2) откаты в государственных закупках: незаконные частные выплаты публичным должностным лицам в целях обеспечения получения государственных контрактов;

3) вознаграждение за упрощение формальностей (стимулирующий платеж): частные выплаты публичным должностным ли-

[1] Ambassador believes worst may be over in tax row // SWI. Feb. 14, 2012. URL: http://www.swissinfo.ch/eng/specials/expat_woes/Ambassador_blieves_worst_may_be_over_in_tax_row.html?cid=32123062 (accessed: 06.02.2023).

[2] Syria and the United Nations Oil-for-Food Program: joint hearing before the Subcommittee on Oversight and Investigations and the Subcommittee on the Middle East and Central Asia of the Committee on International Relations, 109th Cong. July 17, 2005 (statement of Rep. Ros-Lehtinen, Chair, H. Comm. on the Middle East and Central Asia). URL: https://commdocs.house.gov/committees/intlrel/hfa22654.000/hfa22654_0f.htm (accessed: 13.05.2023).

[3] Так, техасский нефтепромышленник Оскар Вайатт был обвинен в 2005 г. и признал себя виновным в сговоре с целью совершения федерального преступления в виде интернет-мошенничества в 2007 г.; *Gelsi S.* Oscar Wyatt Pleads Guilty in Oil-for-Food Scandal // MARKETWATCH. Oct. 1, 2007. Также компания Ингерсолл-Рэнд согласилась заплатить штраф в 2,5 млн долл. Press Release, United Press International, Ingersoll Rand Fined in Oil-for-Food Probe. Oct. 31, 2007. См. также: Australians Who Bribe // ECONOMIST. Dec. 2, 2006. URL: https://www.economist.com/asia/2006/11/30/australians-who-bribe (accessed: 13.05.2023); *Preston J.* Former Chief of U.N. Effort Faces Charges of Corruption // The New York Times. Jan. 17, 2007. URL: https://www.nytimes.com/2007/01/17/world/17nations.html (accessed: 13.05.2023).

[4] *Stodghill R.* Oil, Cash and Corruption: How Influence Flowed Through Political Pipelines // The New York Times. Nov. 5, 2006. URL: https://www.nytimes.com/2006/11/05/business/yourmoney/05giffen.html (accessed: 13.05.2023).

цам в целях обеспечения исполнения административных правил, установленных государством в отношении деятельности частных компаний.

Среди областей, наиболее подверженных транснациональной коррупции, можно выделить следующие.

Зарубежная помощь в целях развития

Зарубежная помощь в целях развития (Overseas development assistance, ODA) может стать одним из проявлений транснациональной коррупции. Посредством ODA оказывается поддержка миллионам жителей земли, которые борются за выживание каждый день. В 2006 г., к примеру, страны-доноры выделили почти 104 миллиарда долларов США на официальную помощь в развитии стран с низкими доходами, а к 2010 г. эта сумма уже составляла около 130 миллиардов долларов. Данная деятельность имеет высокую вероятность подвергнуться коррупции, что может скомпрометировать результаты программ развития. Коррупция в странах-реципиентах также может серьезно подорвать достижение результатов, намеченных ODA. Прямой эффект коррупции состоит в том, что определенный процент выделяемой помощи не доходит до бенефициаров и не направляется на планируемые цели. Косвенный же эффект состоит в том, что таким образом пропагандируется неправомерное использование помощи. Коррупция спроса со стороны государственной администрации, которой доверены донорские средства развития, наносит особенно тяжелый ущерб целям развития и сокращению бедности, а также государственному управлению и общественным интересам по обе стороны международного сотрудничества. Там, где коррупция пустила глубокие корни, и экономическое выживание и возможности развития зависят от системы дачи и получения взяток, эффективность инициатив по оказанию помощи «глушится». Усилия по развитию потенциала регулирующих и предоставляющих услуги институтов, а также по улучшению качества жизни малоимущих существенно подрываются. Эмпирические исследования выявляют прямую связь между качеством управления в странах-реципиентах и позитивными результатами программ помощи [2].

Коррупция в ходе государственных закупок и приватизации

Сфера государственных закупок представляет собой огромную и крайне прибыльную область бизнеса, которая является одним из способов проведения государственной политики. Транснациональное участие в коррупции в сфере государственных закупок возможно в нескольких формах. К примеру, в это могут быть вовлечены фармацевтические компании, которые участвуют в конкурсе на проведение государственных программ вакцинации; это может происходить при приватизации принадлежащих государству компаний коммунального водоснабжения; когда иностранный подрядчик выполняет проект по постройке жилых зданий; когда частной компании присуждается контракт на постройку гидроэнергетической плотины; или когда разыгрывается контракт на реконструкцию разрушенной инфраструктуры на оккупированной, пострадавшей от природных катаклизмов или разрушенной войной территории. Все подобные работы имеют серьезное влияние на стрессоустойчивость окружающей среды и корреспондирующие права человека. Немногие виды деятельности создают столь большое искушение и предлагают такое большое количество возможностей для коррупции как закупки в государственном секторе. С другой стороны, такого рода контракты являются двигателем для проведения государственной политики и поэтому имеют серьезное влияние на ее результаты. Хорошо отрегулированные закупочные процедуры обеспечивают закупку работ, товаров или услуг наилучшего качества, по наилучшей цене и прозрачными и подотчетными способами.

Коррупция в водном секторе

Коррупция в водном секторе оказывает влияние на жизни и средства к существованию, замедляет усилия по развитию и сокращению бедности. Два миллиарда людей на планете все еще не имеют доступа к питьевой воде, а 2,6 миллиарда не имеют канализации, частично в силу коррупции. Коррупция может происходить по различным сценариям, в различных местах и по различным поводам. Чаще всего коррупция происходит в ходе государственных закупок, которые затрагивают решения, прини-

маемые в целях реализации государственной политики, для проведения которой необходимо заключение контрактов. Активность в области государственных закупок, приватизации, лицензирования, концессий и иных форм контрактной деятельности, таким образом, имеет двойную функцию. Контракты становятся средствами реализации государственной политики, а также средствами использования, расходования и распределения государственных ресурсов. Именно это происходит с программами в области развития водного сектора, вне зависимости от того, связаны ли они с использованием воды для получения энергии, для получения продовольствия (ирригация) или для потребления и санитарии. Средства расходования крупных сумм из государственных фондов постоянно подвержены коррупции. Потери в результате государственных закупок товаров, работ и услуг в водном секторе в среднем составляют 15–30 % валового внутреннего продукта, а в некоторых странах даже больше [3].

Мошенничество в области землеустройства и недвижимости

Термин «мошенничество» обычно охватывает такие виды преступлений, как хищение, сговор, растрата, легализация преступных доходов, взяточничество и/или вымогательство. Хотя конкретные правовые определения данного деяния отличаются от страны к стране, мошенничество обязательно связано с деятельностью нечестной стороны, которая, используя обман в качестве средства получения материальных и иных преимуществ, наносит ущерб другой стороне. Мошенничество в сфере землеустройства происходит тогда, когда мошенник в результате мошеннической деятельности совершает покушение или успешно вносит изменения в земельный кадастр с целью получения финансовой выгоды посредством преступно приобретенного имущества или права на такое имущество[5]. Такая деятельность может включать мошенничество с ипотечными кредитами и иные виды мошенничества, связанные с подделкой или иным неправомерным использованием данных реестра земельных участков или кадастра[6]. Ипотечное кредитование и мошеннические инвестиционно-банковские операции, наносящие трансграничный ущерб, влекут массовые нарушения прав человека.

Несмотря на то, что глобализация продолжает изменять международный правовой и политический ландшафт, государства остаются центральным элементом любого режима. Такие международные инструменты, сосредоточенные на деятельности государств, как Конвенция ООН и Конвенция ОЭСР, стали доминировать в борьбе с коррупцией в последние годы. Заявления о том, что данные инструменты являются нелегитимными в силу культурных различий между государствами, не выдерживают критического анализа. Однако, хотя конвенции и являются легитимными инструментами международного права, встает вопрос об их эффективности. Как отмечает профессор Университета Ланкастера Сол Пичиотто, «закон может стать смазкой для колес, но он не изменяет структуру двигателя» [4, p. 1014-1050]. Он также указывал, что большинство международных соглашений, стоящих за межгосударственными сетями сотрудничества, весьма общие по своим условиям [4, p. 1014-1050]. Конвенция ООН, к примеру, обязывая договаривающиеся стороны запрещать подкуп за рубежом, практически не разъясняет существо такого запрета или механизм его исполнения.

Международная антикоррупционная правовая база была существенно усилена за последние два десятилетия, причем впечатляющий прогресс произошел как на глобальном, так и на региональном уровнях. Несмотря на это, работа еще далека от завершения и продолжается создание новых механизмов. К примеру, многосторонние антикоррупционные конвенции возлагают на стороны обязательство запретить подкуп иностранных должностных лиц. Исполнение данной обязанности неминуемо сводится к деятельности

[5] Terminology Corner // Land Times. 2012. July. № 3. URL: http://landtimes.landpedia.org/termpage.php?newsid=qQ==&counter=5 (accessed: 06.02.2023). См. также: Study on the Challenges of Fraud to Land Administration Institutions (Geneva and New York: United Nations, 2011) // United Nations Economic Commission for Europe. 2011. № ECE/HBP/165. P. 2-3.

[6] Study on the Challenges of Fraud to Land Administration Institutions (Geneva and New York: United Nations, 2011) // United Nations Economic Commission for Europe. 2011. № ECE/HBP/165. P. 2-3.

соответствующего бюрократического агентства, исполняющего закон от имени государства. Более того, учитывая экстерриториальное существо такого законодательства, его исполнение требует сотрудничества между аналогичными бюрократическими агентствами в других странах. Прямая передача запросов на оказание правовой помощи и ответов на них является не только более эффективным способом сотрудничества, но и содержит меньше возможностей для политического вмешательства, направленного на блокирование запросов о сотрудничестве по делам о коррупции, которое, к сожалению, существовало еще в недавнем прошлом. Результат такого сотрудничества может быть назван словами бывшего директора управления политического планирования Госдепартамента США в администрации Барака Обамы, профессора Принстонского Университета Энн-Мари Слотер «межгосударственной сетью» [5]. Именно через такие неформальные сети происходит фактическое исполнение антикоррупционного законодательства. Слотер определяет такие сети как «закономерность регулярных и целенаправленных взаимоотношений между одинаковыми государственными подразделениями, работающими вне границ, отделяющих государства одно от другого и разделяющих «национальную» и «интернациональную» сферы» [5]. Она полагает, что такие агентства, несмотря на их нахождение внутри государств, могут рассматриваться как достаточно независимые структуры, способные действовать через национальные границы без обращения к формальным межгосударственным связям. Транснациональную коррупцию очень тяжело отслеживать, и даже только зарождающаяся сеть государственных агентств вряд ли сможет эффективно контролировать деятельность корпораций. Исполнение экстерриториальных антикоррупционных законов, даже посредством механизма межгосударственной исполнительной сети, сталкивается с системными проблемами. Опираясь исключительно на угрозу санкций, вряд ли можно повлиять на «рационального игрока» корпорации, так как вероятность выявления коррупционного деяния достаточно низка.

В отсутствие международного суверена, который бы применял силу принуждения, возникает необходимость в поиске иных средств контроля деятельности международных структур. Это означает подняться над традиционными полномочиями государств и удалиться от них. В отсутствие эффективных действий со стороны государств негосударственные структуры прилагают усилия по заполнению регуляторного вакуума. Много энергии и риторики в последнее время было израсходовано на кампанию по противодействию коррупционным практикам. Отголоски данной кампании можно было увидеть и услышать на таких площадках, как Всемирный банк, Международная торговая палата и в уважаемых некоммерческих организациях, таких как Трансперенси Интернэшнл. По данным стран ОЭСР только около 1 % от всей суммы средств, выделяемых на помощь в сфере развития, идет на борьбу с коррупцией. Однако, по сообщению Программы развития ООН (ПРООН, United Nations Development Program, UNDP), выдача технической помощи в поддержку различных форм борьбы с коррупцией является основным приоритетом данной организации, и проводимые ею программы в настоящее время продолжаются в 50 странах.

Подобного рода инициативы предоставляют возможности для вовлечения других негосударственных игроков, примером чего являются антикоррупционная инициатива для Азиатско-Тихоокеанского региона, реализуемая при поддержке ОЭСР и Азиатского банка развития, Антикоррупционные инструменты и создание Группы государств против коррупции (GRECO Group) в Совете Европы, а также Акция государств Большой семерки (G7) по борьбе с коррупцией[7]. Антикоррупционная рабочая группа стран Большой двадцатки (G20) после встречи в Санкт-Петербурге в период председательства России выработала Антикоррупционный план действий на 2013–2014 гг., который призван «разрабатывать, продвигать и поддерживать жесткие стандарты в антикоррупционных законодательстве, регулировании и политике, продолжать сосредотачиваться на ликвидации пробелов в их применении и исполнении, в том числе в секторах с высо-

[7] G7 Action to Fight Corruption. URL: http://www.mofa.go.jp/files/000160275.pdf (accessed: 21.02.2023).

ками рисками»[8]. Следуя готовности государств, членов G20, выраженной в сентябре 2016 г. «стать примером борьбы с коррупцией», в том числе за счет «установления и, там где это необходимо, усиления ответственности юридических лиц за коррупционные преступления», в 2017 г. страны G20 приняли Принципы высокого уровня об ответственности юридических лиц за коррупцию (High-Level Principles on the Liability of Legal Persons for Corruption)[9]. Другим глобальным проектом негосударственной организации по борьбе с коррупцией стала Инициатива партнерства против коррупции (Partnering against Corruption Initiative, PACI) Всемирного экономического форума. Несколько международных структур, включая Международную торговую палату (International Chamber of Commerce, ICC) и Трансперенси Интернэшнл, начали формировать свод экспертных документов в сфере борьбы с коррупцией. В частности, такими документами стали модельные корпоративные кодексы, подготовленные данными организациями. Международная торговая палата также проявляет активность в установлении стандартов для своих членов[10]. Трансперенси Интернэшнл не только приняла модельный кодекс поведения корпораций, но и старается использовать огласку для того, чтобы привлечь корпорации к репутационной ответственности за нарушение таких стандартов поведения[11]. Репутация важна для корпораций не только как результат взаимозависимости, но и как результат общественного давления. Там, где корпорации не соблюдают принятые стандарты, такие международные организации, как Трансперенси Интернэшнл, могут организовать и организуют общественное давление на них [6, p. 191]. Для большинства компаний восприятие общественностью их упущений и недоработок является достаточным стимулом для реформирования их политики, поскольку репутация является ценным товаром на рынке. Репутационные последствия не только затрагивают корпорации в целом, но и отражаются на восприятии их руководства среди коллег. Такие совместные встречи, как Всемирный экономический форум, предоставляют площадку для поощрения или наказания руководства таких корпораций руководителями других корпораций[12]. Три ведущих подхода к саморегулированию транснациональной коррупции заслуживают внимания: Правила поведения Международной торговой палаты (International Chamber of Commerce Rules of Conduct)[13], Принципы C^2 Хесса и Данфи (основываясь на Правилах ICC и иных корпоративных кодексах, таких как принципы Салливана и Макбрайда (Sullivan and McBride Principles), разработанные ирландской диаспорой США для работы корпораций в Северной Ирландии, профессор бизнес-права Университета Мичигана Дэвид Хесс и профессор этики и права Университета Пенсильвании Томас Данфи разработали двенадцать принципов, которые назвали Принципы C^2 (Combating Corruption))[14], а также «Принципы ведения бизнеса» и «Пакт о неподкупности» Трансперенси Интернэшнл[15].

Следует также упомянуть, что Международная организация по стандартизации недавно приняла стандарт системы менеджмента, направленный против подкупа,

[8] St. Petersburg Strategic Framework for the G20 Anti-Corruption Working Group. URL: http://www.g20.utoronto.ca/2013/G20_ACWG_St_Petersburg_Strategic_Framework.pdf (accessed: 19.02.2023).

[9] Annex to G20 Leaders Declaration. G20 High Level Principles on the Liability of Legal Persons for Corruption. Hamburg, 2017. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/23553/2017-g20-acwg-liberty-legal-persons-en.pdf (accessed: 21.02.2023).

[10] Corporate Misconduct is Unacceptable, Say ICC Leaders / International Chamber of Commerce. Press Release, Dec. 16, 2002.

[11] См., к примеру, пресс-релиз Трансперенси Интернэшнл в отношении компании Алкатель: Transparency International. Recent High-Level Bribery Allegations Highlight Disregard for International Anti-Corruption Laws. Press Release. Oct. 29, 2004. URL: http://www.transparency.org/pressreleases_archive/2004/2004.10.29.alcatel.html (accessed: 03.06.2023).

[12] World Economic Forum. URL: www.weforum.org (accessed: 10.03.2023).

[13] International Chamber of Commerce, Extortion and Bribery in Business Transactions. P.: ICC Publ., 1999. 23 p. URL: http://www.iccwbo.org/home/statements_rules/rules/1999/briberydoc99.asp (accessed: 05.06.2023).

[14] *Hess D., Dunfee T.* Fighting Corruption: a Principled Approach: the C Principles // Cornell International Law Journal. 2000. Vol. 33. № 3. Art. 6.

[15] Transparency International, Integrity Pact and Public Contracting. URL: http://www.transparency.org/integrity_pact/index.html (accessed: 05.06.2023); Transparency International, Business Principles for Countering Bribery. URL: http://www.transparency.org/building_coalitions/private_sector/business_principles.html (accessed: 05.06.2023).

ISO 37001, который основан на наработках ОЭСР и Трансперенси Интернэшнл[16].

Крупные международные банки и агентства развития создали у себя глубоко продуманные режимы расследования и наказания компаний, которые вовлечены в коррупционную деятельность в рамках финансируемых ими проектов. Одним из таких механизмов, который в настоящее время служит примером для остальных международных банков развития, стало создание во Всемирном банке независимого следственного органа[17]. Данный орган наделен полномочиями на проведение расследований по всему миру для обеспечения того, чтобы средства Всемирного банка использовались исключительно в тех целях, на которые они предоставлялись. Наличие такого независимого следственного органа, находящегося вне контроля какого-либо конкретного правительства страны, может подорвать заговор молчания, существующий между коррумпированными правительствами и транснациональными структурами. Путем расследования и представления на всеобщее обозрение коррумпированных практик можно надеяться на оказание давления на таких коррумпированных должностных лиц в целях сокращения коррупции в их правительствах.

Далеко не является очевидным, почему организация, позиционирующая себя как «банк», должна действовать в качестве антикоррупционного агентства, и многие обозреватели в развивающихся странах задаются вопросом об уместности такой роли банков развития. На первый взгляд, регулирование, проводимое международными финансовыми институтами, имеет гораздо более слабое влияние, чем государственное регулирование. У финансовых институтов нет в распоряжении армии или полиции, которые могут принудительно исполнять правила, так что они не могут принудить кого-либо делать что-либо. Однако международные финансовые институты имеют иные рычаги давления. После получения доказательств того, что были совершены мошеннические или коррупционные деяния, международные банки развития имеют несколько вариантов реагирования [7]. Они могут запретить коррумпированным компаниям участвовать в своих конкурсах, приостановить или прекратить финансирование государства-заемщика или представить собранные доказательства стране с соответствующей юрисдикцией для осуществления уголовного преследования. Банки могут также передать информацию о коррупционной деятельности национальным правоохранительным органам, которые обладают полномочиями на арест и заключение под стражу физических лиц – как взяткодателей, так и взяткополучателей. В качестве альтернативного варианта они могут опубликовать информацию, порочащую компании, физических лиц или правительства. Но наиболее важным во всем этом является тот факт, что финансовые институты развития контролируют доступ к капиталу, что, по мнению ряда исследователей, является единственным подлинным источником власти. Некоторые компании, в особенности крупные международные консорциумы, получают немалую долю дохода от проектов, финансируемых, хотя бы частично, международными банками развития. Для таких компаний исключение из проектов, финансируемых банками развития, станет смертным приговором, в особенности в случаях, когда несколько банков действуют совместно. В результате, банки развития могут использовать угрозу приостановления или прекращения участия компаний в своих проектах в качестве стимула для таких компаний выплачивать финансовые взыскания, внедрять у себя комплаенс[18]-программы или

[16] *Gasiorowski-Denis E.* ISO publishes powerful new tool to combat bribery // ISO. Oct. 14, 2016. URL: https://www.iso.org/news/2016/10/Ref2125.html (accessed: 10.03.2023).

[17] Департамент институциональной целостности (Department of Institutional Integrity, INT). URL: http://wbln0018.worldbank.org/acfu/acfuweb.nsf (accessed: 26.07.2023). См. также: World Bank Board Endorses Anti-Corruption Strategy. July 20, 2004. URL: http://wbln0018.worldbank.org/acfu/acfuweb.nsf (accessed: 26.07.2023).

[18] Комплаенс (compliance) – соблюдение корпоративных стандартов. В целом комплаенс означает соблюдение правил, таких как спецификации, политика, стандарты или закон. Комплаенс в области регулирования описывает цели, которых старается достичь организация, прилагая усилия к обеспечению того, чтобы знать о существовании и предпринимать шаги по соблюдению необходимых законов, политики и правил. В связи с растущим числом предписаний и необходимостью демонстрировать прозрачность операций организации все чаще принимают консолидированные и гармонизированные своды правил комплаенс-контроля.

даже финансировать программы по борьбе с коррупцией. Аналогичным образом, банки развития совместно с крупными международными организациями, такими как Программа развития ООН или Международный валютный фонд, могут ограничить доступ к финансированию ряда государств под условием соблюдения антикоррупционных норм, однако данный рычаг воздействия применим только к тем государствам, у которых нет доступа к альтернативным источникам финансирования.

Одновременно с угрозами могут использоваться и поощрения за внедрение эффективных внутренних комплаенс-схем. К примеру, Руководство США по назначению наказаний корпорациям предусматривает снижение наказания в случаях, когда в компаниях действуют сильные комплаенс-программы, и эмпирические свидетельства подтверждают, что это мотивирует существенное число корпораций на создание или укрепление внутренних комплаенс-механизмов [8].

Глобальный рост интереса к коррупции привел к появлению в международном праве ряда антикоррупционных инструментов. Такого рода правовая реакция на коррупционные проявления может быть успешно разделена на три взаимосвязанных плана действий: принятие формальных международных правовых инструментов такими организациями, как ООН или ОЭСР; работу национальных бюрократических агентств, сотрудничающих через границы в целях исполнения национального антикоррупционного законодательства; и работу негосударственных организаций, таких как Трансперенси Интернэшнл. Сложная задача регулирования деятельности транснациональных структур, в особенности корпораций, требует понимания того, как все эти три плана взаимодействуют между собой и какие именно элементы следует укреплять в целях усиления борьбы с коррупцией. Более того, в ходе такого регулирования следует тщательно устанавливать баланс между эффективностью и легитимностью [9].

В данном контексте иногда нужно смотреть за пределы государственных границ, чтобы разрабатывать эффективную технику регулирования. Негосударственные методы регулирования, в особенности те, что развивают диалог между корпорациями и международным гражданским обществом, могут стать действенными средствами для поощрения соблюдения целей регулирования. Эти методы особенно выгодны на международном уровне, где отсутствует некий наднациональный суверен и эффективность межгосударственного сотрудничества остается ограниченной. Путем развития механизмов мягкого права, таких как диалог и сохранение репутации, а также создания сетей регулирования, негосударственные организации проделали большую работу по контролю над деятельностью корпораций. Хотя такие механизмы ни в коем роде не являются панацеей, они представляют собой ценный регулятивный ресурс и должны таковыми признаваться.

Традиционно, однако, усилия по борьбе с транснациональным подкупом сосредоточены на его криминализации. Это означает, что традиционными игроками в этой сфере все еще являются правительства государств. Роль транснациональных корпораций и негосударственных организаций, таким образом, дополняет официальные усилия по расследованию дел о транснациональном подкупе, привлечению виновных к ответственности и исполнению уголовных санкций.

Заключение

Всепроникающая и бесконтрольная коррупция мешает экономическому развитию и подрывает политическую легитимность. Результатами менее масштабной коррупции являются потраченные впустую ресурсы, растущее неравенство в распределении ресурсов, снижение политического веса и рост недоверия к правительству. Создание и использование возможностей для подкупа на высших уровнях управления может также повысить стоимость управления, подорвать распределение государственных расходов и опасно снизить качество инфраструктуры. Даже на первый взгляд некрупная или рутинная коррупция может лишить правительства их доходов, вмешаться в принятие экономических решений и повлечь негативные для общества внешние последствия от экономической деятельности, такие как загрязнение окружающей среды. Антикоррупционная деятельность во все возрастающей степени взаимодействует со многими другими сферами борьбы с беловоротничковой преступностью, такой как отмывание денег, преступления в сфере налогообложения и организованная преступность [10].

Различные способы криминализации коррупционных преступлений и санкций за их совершение в различных странах, множество различий в подходах к корпоративной ответственности, весьма острые проблемы юрисдикции и взаимной правовой помощи, недостаточный прогресс в достижениях по возвращению активов, необходимость в принятии последующих мер и процедур: очевидно, что кроме постоянно присутствующих отвлекающих моментов, путь, который еще предстоит проложить, весьма долог и полон преград и ловушек. Однако ему необходимо упорно следовать, особенно в целях изменения «глобального порядка управления, который выходит за пределы национальных государств в направлении блокового глобального финансового и правового менеджмента в таких сферах, как финансовая и транснациональная преступность, еще более укрепляя все многосторонние организации» [11, p. 9].

Начиная с середины 1990-х гг., международное сообщество приступило к коллективным действиям в борьбе коррупцией. Результаты были поразительными: разработка, быстрое вступление в силу и практическое повсеместное принятие антикоррупционных договоров привели к появлению целого блока новых гражданско-правовых и уголовно-правовых антикоррупционных мер на национальном уровне, а также к построению новой структуры международного сотрудничества в расследовании коррупционных преступлений и исполнении наказаний, разработке новых антикоррупционных правил международных финансовых институтов, запрету на вычет сумм взяток из налоговой базы во многих странах, принятию «мягкого права» во внутренних стандартах компаний, появлению новых положений о гражданско-правовой ответственности и иных мер. Запрет на транснациональный подкуп, национальный подкуп и коррупцию, в особенности в деловых операциях, могут рассматриваться, таким образом, как новые нормы публичной политики [12].

Для целей настоящего исследования наиболее яркой чертой нового режима, созданного посредством вышеназванных различных инициатив, является важная роль, которую они позволяют играть иностранным правовым институтам как в предотвращении, так и в реагировании на коррупцию – в особенности подкуп – затрагивающую национальных публичных должностных лиц. В частности, иностранные правовые институты вправе:

– оказывать давление на правительства в целях принятия мер, призванных минимизировать возможности для коррупции;

– привлекать к уголовной ответственности за подкуп иностранных должностных лиц;

– налагать гражданскую ответственность, включая потенциальное прекращение контрактов, за дачу взяток иностранным публичным должностным лицам;

– налагать административные санкции за подкуп иностранных публичных должностных лиц;

– привлекать к уголовной или гражданской ответственности за легализацию преступных доходов;

– привлекать к уголовной ответственности за вымогательство взятки или ее получение;

– устанавливать обязанности по ведению бухгалтерской отчетности для потенциальных взяткодателей, а также финансовых посредников и иных взаимодействующих с ними участников;

– экстрадировать лиц, подозреваемых в даче взяток;

– оказывать взаимную правовую помощь в ходе расследования коррупционных преступлений; и,

– оказывать помощь иным структурам в возвращении активов, использованных в качестве инструмента или полученных в результате коррупционных действий, либо необходимых для выплаты компенсации жертвам коррупции [13].

Подписание Конвенции ООН против коррупции стало важным шагом в международной борьбе с коррупцией, в том числе транснациональной. Однако это еще не конец пути. Как отмечалось ранее, создание новых механизмов, в том числе механизмов «мягкого права», позволяет выработать более разносторонние и эффективные подходы.

Список источников/References

1. Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. (2002). *Far from home: do foreign investors import higher standards of governance in transition economies?* New York, SSRN Publ., 29 p. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.386900
2. Knack S. (2000). *Aid Dependence and the Quality of Governance: A Cross-Country Empirical Analysis*. Washington, DC, World Bank Publ., no. 2396, 44 p.
3. Evenett S.J., Hoekman B.M. (2005). *International Cooperation and the Reform of Public Procurement Policies*. Washington, DC, World Bank Publ., no. 3720, 39 p. https://doi.org/10.1596/1813-9450-3720
4. Picciotto S. (1997). Networks in international economic integration: fragmented states and the dilemmas of neo-liberalism. *Northwestern Journal of International Law and Business*, vol. 17, issue 1, pp. 1014-1064.
5. Slaughter A.-M. (2004). *A New World Order*. Princeton, Princeton University Press, 376 p.
6. Thorsten B., Wolgang R.H. Witte J.M. (2004). Multisectoral Networks in Global Governance: Towards a Pluralistic System of Accountability. *Government and Opposition*, vol. 39, issue 2, pp. 191-210. https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00120.x
7. Ware G.T., Noone G.P. (2005). The Anatomy of Transnational Corruption. *International Affairs Review*, vol. 14, no. 2, pp. 29-51.
8. Spender P. (2002). Christine Parker, the open corporation: effective self-regulation and democracy. *University of New South Wales Law Journal*, vol. 25, no. 2, pp. 611-615.
9. Delaney P. (2005). Transnational Corruption: regulation across border. *Asia Pacific School of Economics and Government at the Australian National University. Discussion Papers*. Canberra, 37 p.
10. Zagaris B. (2015). Transnational Corruption. In: *International White Collar Crime*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 105-167. https://doi.org/10.1017/CBO9781316258330.005
11. Arnone M., Borlini L. (2014). *Corruption: Economic Analysis and International Law*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2014. 362 p. http://dx.doi.org/10.4337/9781781006139
12. Low L., Lamoree S., London J. (2015). The “Demand Side” of transnational bribery and corruption: why leveling the playing field on the supply side isn’t enough. *Fordham Law Review*, vol. 84, issue 2, pp. 563-599.
13. Kevin K. (2009). Does the Globalization of Anti-corruption Law Help Developing Countries? *New York University Law and Economics Working Papers*. New York, no. 09-52, 35 p.

Поступила в редакцию / Received 28.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 15.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 340.1
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-515-528
Шифр научной специальности 5.1.1

Экономическая безопасность государства: законодательные проблемы и доктринальные противоречия

© ЛЮБЧИК Александр Антонович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, 283049, г. Донецк, ул. Лебединского, 9, lyubchikaa@mail.ru
© МАВЛИХАНОВА Роза Велиевна,
кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист ДНР, проректор по научной работе, инновационной деятельности и внешним связям, ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, 283049, г. Донецк, ул. Лебединского, 9, roza0106@list.ru

Аннотация

Проведен анализ современных научных взглядов на понятие «экономическая безопасность». Проанализированы научные подходы в экономических и юридических исследованиях к формулировке понятия «экономическая безопасность» и ее сущности. Проанализированы также особенности законодательного закрепления указанного понятия в разные периоды развития государства и общества. Исследование охватывает период времени с момента формирования Концепции экономической безопасности в Российской Федерации до наших дней. Охарактеризованы основные нормативные акты за указанный период в сфере обеспечения экономической и национальной безопасности государства, выявлены изменения подходов законодателя к сущности и содержанию этих понятий. Выявлены проблемы нормативного закрепления понятия «экономическая безопасность», предложены пути их решения. Предложена авторская формулировка понятия «экономическая безопасность», а также формулировка смыслового ряда смежных понятий: «система экономической безопасности»; «уровень экономической безопасности»; «оценка экономической безопасности»; «обеспечение экономической безопасности». Обоснована необходимость утверждения Правительством РФ документа («Национальный экономический стандарт», или «Индикаторы устойчивости национальной экономики»), в котором будут перечислены значимые экономические показатели и их пороговые значения, характеризующие экономическую безопасность государства. Данный документ будет являться ориентиром для оценки деятельности по обеспечению экономической безопасности и основой для определения уровня экономической безопасности. Обосновывается тезис о необходимости объективности и информативности легального понятия «экономическая безопасность». Такое понятие должно быть использовано единообразно в нормативных актах, а значит и в научных конструкциях.

Ключевые слова

экономическая безопасность, доктринальные подходы, элементы и система экономической безопасности, уровень экономической безопасности, оценка экономической безопасности, национальная безопасность, обеспечение экономической безопасности, индикаторы состояния национальной экономики, пороговые значения индикаторов, проблемы законодательства, правовое регулирование обеспечения экономической безопасности, эффективность законодательства, изменение законодательства

Для цитирования
Любчик А.А., Мавлиханова И.С. Экономическая безопасность государства: законодательные проблемы и доктринальные противоречия // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 515-528. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-515-528

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-515-528

Economic security of the state: legislative problems and doctrinal contradictions

© Aleksandr A. LYUBCHIK,
Dr. habil. (Law), Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Donbass State University of Justice, 9 Lebedinsky St., Donetsk, 283049, Donetsk People's Republic, Russian Federation, lyubchikaa@mail.ru
© Roza V. MAVLIKHANOVA
PhD (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the DPR, Vice-Rector for Research, Innovation and External Relations, Donbass State University of Justice, 9 Lebedinsky St., Donetsk, 283049, Donetsk People's Republic, Russian Federation, roza0106@list.ru

Abstract
An analysis of modern scientific views on the concept of "economic security" is carried out. Scientific approaches in economic and legal research to the formulation of "economic security" concept and its essence are analyzed. The features of the legislative consolidation of this concept in different periods of development of the state and society are also analyzed. The study covers the period of time from the formation of the Concept of Economic Security in the Russian Federation to the present day. The main regulatory acts for the specified period in the field of ensuring the economic and national security of the state are characterized, changes in the legislator's approaches to the essence and content of these concepts are identified. The problems of normative consolidation of the concept of "economic security" are identified, and ways to solve them are proposed. The author's formulation of the concept of "economic security" is proposed, as well as the formulation of a semantic series of related concepts: "economic security system"; "economic security level"; "economic security assessment"; "ensuring economic security." The necessity of approval by the Government of the Russian Federation of a document ("National Economic Standard" or "Indicators of the Sustainability of the National Economy"), which will list significant economic indicators and their threshold values characterizing the economic security of the state, is substantiated. This document will serve as a guideline for assessing activities to ensure economic security and the basis for determining the level of economic security. The thesis about the need for objectivity and information content of the legal concept of "economic security" is substantiated. Such a concept should be used uniformly in regulations, and therefore in scientific constructions.

Keywords
economic security, doctrinal approaches, economic security elements and system, economic security level, economic security assessment, national security, ensuring economic security, indicators of the state of the national economy, threshold values of indicators, legislative problems, legal regulation of ensuring economic security, effectiveness of legislation, changes in legislation

For citation
Lyubchik, A.A. & Mavlikhanova, R.V. (2023). Economic security of the state: legislative problems and doctrinal contradictions. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 515-528 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-515-528

Введение

Актуальность темы исследования обусловливают глобальные изменения на мировой политической арене, связанные с формирующимся многополярным миром и усилившимися позициями России в происходящих политических и экономических процессах. Такие процессы обострили экономическую конкуренцию, прежде всего, между глобальными и региональными игроками – лидерами экономического развития. Многочисленные санкции, введенные коллектив-

ным Западом против России, усложнили экономическую ситуацию внутри страны и способствуют развитию новых подходов к экономической политике, экономической стратегии, экономической безопасности в государстве. Тем острее встают вопросы понятия и сущности экономической безопасности, критериев для анализа, оценки ее уровня, совокупности структурных составляющих и способов обеспечения.

Придает актуальности необходимость законодательного закрепления четкой, единообразной и информативной формулировки указанным понятиям практика использования их в противоречивых значениях не только в трудах экономистов, но и юридических исследованиях, а также нормативно-правовых актах законодательства Российской Федерации.

Проблемами определения сущности и обеспечения экономической безопасности занимались такие ученые-экономисты, как Л.И. Абалкин, И.Я. Богданов, В.А. Богомолов, В.И. Видяпин, С.Ю. Глазьев, Л.Э. Гаджиева, С.М. Галузина, А.Е. Городецкий, Н.С. Зиядуллаев, М.Я. Корнилов, Е.А. Иванов, С.Н. Максимов, В.К. Сенчагов, А.И. Страхов, В.А. Савин, С.В. Степашин, М.С. Туровская, И.В. Юшин и др. Вопросы экономической безопасности государства были исследованы в ряде юридических монографических и диссертационных исследований такими авторами, как А.К. Есаян, Е.Н. Майорова, Ю.В. Игнатов, В.П. Капыш, И.А. Кутузов, И.В. Погодина, Т.Д Ромащенко, А.В. Сюсюкин, С.А. Тропин и др.

Однако единообразного понятия и сущности экономической безопасности на сегодняшний день не выработано.

Результаты исследования

«Экономическая безопасность», как объект экономических исследований и их противоречивая результативность. О важности терминологической определенности в любой науке и тем более в практике применения научных знаний сказано и написано много. Этот постулат возводится в ранг принципа, соблюдение которого обязательно при осуществлении любой сознательной деятельности. Этот принцип особенно важен для реализации концепции защиты прав человека, общества и государства, обеспечения их безопасности. Только терминологическая определенность способна обеспечить условия для поступательного развития науки, совершенствования технологий и воспитания высокообразованной, достойной смены сегодняшним ученым, управленцам, военным.

В юриспруденции определенность терминов приобретает еще более принципиальный характер, так как юридическая деятельность связана с формированием и беспрекословным исполнением правил игры (законодательства) в любом обществе и способна как обеспечить достойную жизнь каждого человека и общества в целом, так и способствовать возникновению многих бед и проблем в любом государстве.

Термин «экономическая безопасность» (national economic security) впервые был введен в оборот в США в послании президента Ф. Рузвельта к нации, получившем название «Новый курс», в июне 1933 г. [1, с. 21].

Проводимые в Институте экономики РАН исследования по данной проблематике активизировались после принятия в 1993 г. Концепции национальной безопасности РФ. С тех пор в России разработку понятия и интерпретацию сущности экономической безопасности осуществляли представители различных наук, остановимся на результатах экономических и юридических исследований в этой сфере.

Анализируя формирование подходов к определению понятия «экономическая безопасность», мы будем параллельно анализировать понятие «национальная безопасность», составляющей которого она является.

Одним из первых понятие экономической безопасности исследовал Л.И. Абалкин, который определил: «Экономическая безопасность – это совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию» [2, с. 5].

Во многом благодаря усилиям Л.И. Абалкина и В.К. Сенчагова в 1996 г. была утверждена «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)»[1] (далее Стратегия), в

[1] О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях): Указ Президента РФ от 29.04.1996 № 608 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 18. Ст. 2117.

которой впервые в правовом поле были даны параметры и критерии состояния экономики, отвечающие требованиям эффективного развития экономики страны.

В пункте 2 раздела 4 Стратегии указаны: «…количественные и качественные параметры (пороговые значения) состояния экономики, выход за пределы которых вызывает угрозу экономической безопасности страны, характеризующие:

– динамику и структуру валового внутреннего продукта, показатели объемов и темпов промышленного производства, отраслевую и региональную структуру хозяйства и динамику отдельных отраслей, капитальные вложения и т. п.;

– состояние природно-ресурсного, производственного и научно-технического потенциала страны и др.»[2]

Можно констатировать, что Стратегия не формулировала понятия «экономическая безопасность», но связывала с этим понятием превышение пороговых значений определенных количественных и качественных показателей экономики страны.

Л.Э. Гаджиева указывает: «…на уровне государства экономическая безопасность – это такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, гармоничное, социально направленное развитие страны в целом, достаточный экономический и оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных вариантах развития внутренних и внешних процессов» [3, с. 14].

Указанный подход был оправдан, учитывая положения Федерального закона от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности». В статье 2 закона под экономической безопасностью понималось: «…состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и прогрессивного развития Российской Федерации, неуязвимость и независимость ее экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям»[3].

С прекращением действия этого закона указанное аморфное определение исчезло, и принятый Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»[4] вообще не описывал понятие экономической безопасности.

Определение национальной безопасности в тот период было сформулировано в утвержденной Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 «Концепции национальной безопасности Российской Федерации», где определялась как «…безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации»[5], то есть определение, в сущности, отсутствовало.

Указанное определение национальной безопасности РФ плохо соотносилось с определением, указанным в Законе РФ «О безопасности» 1992 г. № 2446-1: «Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»[6].

Указанный законодательный подход действительно затруднял формулировку легального понятия экономической безопасности, учитывая, что она является основной составной частью национальной безопасности.

Обобщив вышеизложенное, можно констатировать, что указанные понятия начинали формироваться с большими трудностями, и возникшие их научные интерпретации имеют существенный след от нестыковок легальных формулировок этих понятий.

Так, В.А. Савин под экономической безопасностью понимает «…систему защиты

[2] О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях): Указ Президента РФ от 29.04.1996 № 608 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 18. Ст. 2117.

[3] О государственном регулировании внешнеторговой деятельности: Федеральный закон от 13.10.1995 № 157-ФЗ (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 42. Ст. 3923.

[4] Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4850.

[5] О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 170.

[6] О безопасности: Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (утратил силу) // Российская газета. 1992. № 103.

жизненных интересов России. В качестве объектов защиты могут выступать: народное хозяйство страны в целом, отдельные регионы страны, отдельные сферы и отрасли хозяйства, юридические и физические лица как субъекты хозяйственной деятельности» [4, с. 14]. Такое определение не дает ответа на вопрос, как анализировать и оценивать уровень экономической безопасности.

Е.А. Олейников и коллектив авторов считают, что экономическая безопасность – это «…защищенность экономических отношений, определяющих прогрессивное развитие экономического потенциала страны и обеспечивающих повышение уровня благосостояния всех членов общества…» [5, с. 10].

По мнению И.Я. Богданова, экономическая безопасность представляет собой «…состояние экономики страны, которое, во-первых, по объемным и структурным параметрам достаточно для обеспечения существующего статуса государства, его независимого от внешнего давления политического и социально-экономического развития….» [6, с. 21].

С.В. Степашин отмечает, что «Экономическая безопасность РФ – это режим функционирования государства в лице законодательной, исполнительной и судебной властей, при котором обеспечиваются неуязвимость и независимость экономических интересов РФ по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям» [7, с. 8].

В итоге мы видим, что авторы под экономической безопасностью понимали как систему жизненных интересов и защищенность экономических отношений, так и состояние экономики или режим функционирования государства. Такие ассоциации очень разноплановые, и мы приходим к выводу, что авторы пытались объединить в одном понятии несколько, каждое из которых относится к разным сферам функционирования государства.

В.К. Сенчагов указывает: «Сущность экономической безопасности можно определить, как такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [8, с. 57].

Также приходит к выводу, что «Важнейшими составляющими компонентами экономической безопасности являются: финансовая, энергетическая, военная, или, точнее, оборонная, оборонно-промышленная, информационная и продовольственная безопасность» [8, с. 58].

В связи с таким изложением сущности экономической безопасности возникают два вопроса. Во-первых, оставляем ли мы место для понятия национальной безопасности, если согласимся, что экономической безопасностью гарантируется защита национальных интересов (всех)? Во-вторых, если перечисленные составляющие экономической безопасности названы важнейшими, значит это не все составляющие. А какие составляющие не названы и будет ли без них определение полным? Также к компонентам экономической безопасности автор относит военную (оборонно-промышленную). Мы возвращаемся к первому вопросу, не смешиваем ли мы понятия национальной и экономической безопасности?

Соотношение экономической и национальной безопасности в нормативных правовых актах. В 2009 г. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 была утверждена «Стратегия национальной безопасности до 2020 года»[7]. В ней закреплялось: «…национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие РФ, оборону и безопасность государства»[8].

Ныне действующий Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» вообще не содержит понятие национальной безопасности, которое было сформулировано в ранее действующем Законе от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности».

[7] О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

[8] Там же.

При этом в статье 1 ФЗ № 390-ФЗ указано: «Настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее – безопасность, национальная безопасность)»[9].

Указанная конструкция национальной безопасности повышала значение законодательного закрепления понятий различных видов безопасности, в том числе и экономической. Однако такого понятия на тот момент законодатель не закреплял.

Уже в 2015 г. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 была утверждена новая «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия 2015). В ней было дано понятие национальной безопасности как «…состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан РФ…»[10]. Согласно Стратегии 2015 национальная безопасность включала в себя как оборону страны, так и все виды безопасности, предусмотренные законодательством РФ. К видам безопасности документ относил: «…государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности»[11].

Нужно отметить, что Стратегия 2015 указывает больше видов безопасности, входящих в национальную безопасность. А также мы видим, что энергетическая и транспортная безопасность не являются составными частями экономической, что дает основание предположить не совершенную систему видов безопасности, указанных в законе, либо неудачное их расположение – через запятую. Очевидно, что эти виды являются важными составляющими экономической безопасности.

Легальную формулировку понятия «экономическая безопасность» установила «Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года», утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. В данной Стратегии: «Экономическая безопасность» – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов РФ»[12]. Данная формулировка вполне коррелирует с легальным понятием «национальной безопасности», указанным в Стратегии 2015. Мы видим в первый раз сопоставимость (как целого и части) легитимных понятий национальной и экономической безопасности.

Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 была утверждена новая «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (далее Стратегия 2021)[13]. В Стратегии 2021 не было изменено понятие национальной безопасности. В пункте 26 указано, что с целью защиты национальных интересов РФ органы публичной власти и институты гражданского общества обеспечивают реализацию таких стратегических национальных приоритетов, как: «1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; 2) оборона страны; 3) государственная и общественная безопасность; 4) информационная безопасность; 5) экономическая безопасность» и др.[14]

Здесь нужно отметить два важных момента в содержании указанной Стратегии: 1) экономическая безопасность названа одним из видов стратегических национальных приоритетов РФ; 2) экономическая безопас-

[9] О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

[10] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

[11] Там же.

[12] О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

[13] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрании законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[14] Там же.

ность и оборона страны – это два разных приоритета.

Также отметим, что согласно пунктам 3, 4 параграфа 5 Стратегии 2021: «…стратегические национальные приоритеты – важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития РФ». При этом: «…обеспечение национальной безопасности – реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности»[15].

Другими словами, согласно Стратегии 2021, экономическая безопасность – направление деятельности, что не соответствует формулировке Стратегии экономической безопасности на период до 2030 года, а именно: «…состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз». Вновь повторились противоречивые формулировки легального понятия «экономическая безопасность».

Экономическая безопасность, как объект юридических исследований: плюрализм мнений и его результаты. Может ученые-юристы имеют четкое и единообразное представление об экономической безопасности? Для них это тем более важно, что от формулировки этого понятия зависят также нормативные формулировки таких понятий, как «национальная оборона», «национальная безопасность», на которые в государственном бюджете ежегодно выделяются огромные средства. Так, согласно Заключению Счетной палаты РФ, на национальную безопасность и национальную оборону выделялись существенные суммы, которые указаны в представленной таблице 1[16].

Учитывая, что в табл. 1 указана еще строка с расходами на национальную экономику, становится понятно, почему важны четкие и соотносимые формулировки понятия национальной и экономической безопасности. Оказывается, расходы на национальную безопасность не включают не только расходы на оборону, но и на национальную экономику. Вот такое распределение бюджетных средств возможно, если у законодателя нет единообразного понимания терминологии стратегических параметров.

Анализируя мнения юристов, видим, что понятие экономической безопасности они чаще всего называют юридической категорией, пытаясь вкладывать в нее юридические составляющие.

Так, Е.Н. Майорова отмечает: «Экономическая безопасность как правовая категория – это состояние защищенности общественных отношений в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ от реальных и потенциальных угроз, которое должно характеризоваться определенными качественными критериями и количественными (пороговыми) показателями и надежно обеспечивать существование и прогрессивное развитие личности, общества и государства» [9, с. 10]. Далее исследователь указывает: «Проблема определения критериев обеспечения экономической безопасности конкретизируется необходимостью создания новой единой, научно обоснованной методики оценки пороговых значений с учетом особенностей трансформируемой экономики, которая на основе результатов анализа текущих величин с пороговыми значениями соответствующих показателей позволяет выявить негативные тенденции, ослабляющие экономическую безопасность…» [9, с. 11].

Данное определение дано с позиции экономической, а не юридической науки, однако справедливо отмечено, что необходимо решить проблему определения методики оценки пороговых значений состояния экономики.

По мнению И.А. Кутузова: «Экономическая безопасность Российской Федерации – это состояние защищенности экономики от объективно существующих и видоизменяющихся внутренних и внешних угроз, способ-

[15] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрании законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[16] Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» (основные положения). М., 2021. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/6b5/ri0r740i1d07jo95gl09nzi0jocm33or.pdf (дата обращения: 20.06.2023).

Таблица 1

Структура расходов федерального бюджета в 2020–2024 гг. по отношению к общей сумме расходов федерального бюджета и объему валового внутреннего продукта, в млрд руб.

Table 1

Structure of federal budget expenditures in 2020–2024 in relation to the total amount of federal budget expenditures and the volume of gross domestic product, in bln rub.

Наименование	2020 отчет	2021 оценка	2022 проект	2023 проект	2024 проект
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	2226,6	2384,4	2800,0	2902,7	3008,1
Национальная оборона	3168,8	3381,4	3510,4	3557,2	3811,8
Национальная экономика	3483,9	3613,8	3461,9	3573,1	3528,5

ных оказывать негативное воздействие на основные начала (принципы) организации и функционирования экономического оборота» [10, с. 8]. Там же ученый отмечает: «Российская Федерация является одновременно объектом и субъектом экономической безопасности. Как объект она выступает в качестве собственника государственного имущества и участника предпринимательской деятельности, а как субъект – в качестве особой политической организации общества, осуществляющей регулирование экономических отношений» [10, с. 8].

Нужно отметить, что если термин «экономическая безопасность» означает состояние защищенности экономики, то это очень дискуссионная юридическая конструкция, когда у состояния есть объект и субъект, которыми одновременно выступает государство?

А.К. Есаян указывает: «Исследованы различные точки зрения и обоснована авторская позиция по определению экономической безопасности государства, ее сущности и показателей. В ходе исследования формулируется вывод о том, что система экономической безопасности государств-членов евразийских международных организаций имеет трехуровневую структуру: нижний (базисный) уровень экономической безопасности составляет материальная база; средний уровень экономической безопасности состоит из организационной и правовой основ; верхний уровень системы экономической безопасности составляют меры ее обеспечения» [11, с. 26-27]. Данная позиция подменяет понятие «экономическая безопасность» понятием «система обеспечения экономической безопасности». Такая тенденция часто прослеживается не только в работах юристов, но и в экономических исследованиях.

С.Н. Максимов указывает: «Экономическая безопасность как публично-правовая категория – это единый процесс поддержания государственного управления следующих элементов экономики страны – важнейших экономических показателей страны на необходимом для стабильного развития уровне, внутриэкономического и внешнеэкономического баланса и распределения экономических ресурсов…» [12, с. 10]. Такое определение также описывает «деятельность по обеспечению экономической безопасности», не формулируя ее саму.

В.П. Капыш приходит к следующему выводу: «…экономическая безопасность представляет собой состояние защищенности публичных и частных интересов различных субъектов в экономической сфере от внешних и внутренних угроз…» [13, с. 14-15].

Авторская позиция в отношении понятия «экономическая безопасность» и ее обоснование. Из анализа вариантов интерпретации термина «экономическая безопасность» в юридических исследованиях можно сделать вывод о том, что единого мнения в юридической науке не выработано. Данный термин понимается как:

– состояние защищенности общественных отношений <…>;

– состояние защищенности экономики от внутренних и внешних угроз;

– система экономической безопасности, имеющая трехуровневую структуру;

– единый процесс поддержания государственного управления <…>;

– состояние защищенности публичных и частных интересов.

Не осознав сущности и не сформулировав понятия экономической безопасности, трудно, а может быть невозможно ее надлежащее обеспечение, то есть отсутствует цель всех действий и усилий субъектов обеспечения, нет ясного видения, в какой момент эта цель достигнута. Также невозможно просчитать ее уровень, невозможно определить тенденции и прогнозировать ее изменения на будущее.

Учитывая, что большинство авторов интерпретируют экономическую безопасность, основываясь на рассмотренной нами ранее «Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года», проанализируем эту формулировку. Она начинается словами: ««Экономическая безопасность» – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз…»[17]. Ключевые слова «состояние защищенности» не несут смысловой нагрузки, присутствует только эмоциональная. При этом защищенность или не защищенность, или недостаточная защищенность – это субъективная оценка. Эта оценка зависит от квалификации эксперта, его заинтересованности в ее «правильной формулировке». С уверенностью можно утверждать, что будут иные мнения по поводу «защищенности экономики», и альтернативных мнений может быть несколько.

Поэтому, прежде всего, субъекту, стремящемуся понять реальное положение дел в экономике государства, региона или предприятия, необходимы конкретные (объективные) ее показатели (цифры), которые характеризуют уровень развития экономики (ее реальное состояние) и, как следствие, ее способности противостоять возможным внутренним и внешним угрозам и опасностям, другими словами, понимать реальную экономическую безопасность. Таким образом, знать нужно цифры, характеризующие два разных уровня состояния экономики. С одной стороны, это различные пороговые значения стратегических показателей состояния экономики, с другой – реальные значения стратегических экономических показателей. Соотношением этих двух уровней цифр можно с максимальной долей вероятности получить «картину» реальной экономической безопасности (степени надежности, обеспеченности на данный момент времени в нейтрализации потенциальных угроз).

Как следствие вышесказанного, по нашему мнению, *под экономической безопасностью государства понимается состояние его экономики, которое характеризуют реальные величины (цифры) нормативно утвержденных ее показателей (индикаторов), с помощью которых возможно диагностировать и определить устойчивость экономики к внутренним и внешним угрозам*.

Важно отметить два момента: 1) объективность информации о реальном состоянии экономики обеспечивается методически правильным подбором ее показателей (индикаторов), которые должны быть оценены в нужный момент времени; 2) на указанные показатели экономики должны быть заранее просчитаны и утверждены те пороговые значения (параметры), которые, по мнению экономического блока Правительства РФ, позволят государству выполнять все взятые на себя социальные и иные функции.

Зная соотношение реальных стратегических показателей экономики и пороговые значения этих показателей, мы получаем возможность объективно оценить способность национальной экономики в данный момент времени обеспечить приемлемый уровень национальной безопасности.

Такой подход к понятию экономической безопасности, по сути, совпадает с подходом к оценке состояния национальной экономики в «Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года»[18]. В пункте 27 раздела 4 Стратегии указаны показатели состояния экономической безопасности. Вот некоторые из них: 1) индекс физического объема валового внутреннего продукта; 2) валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности); 3) доля российского валового внутреннего продукта в мировом валовом внутреннем продукте; 4) доля инвестиций в основной капитал в валовом

[17] О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

[18] Там же.

внутреннем продукте; 5) степень износа основных фондов и др.[19]

В.К. Сенчагов указывает на наличие 150 индикаторов экономической безопасности. Назовем некоторые из них: «объем валового национального продукта, млрд руб.; валовый сбор зерна, млн тонн; доля ВВП инвестиций в основной капитал, %; доля ВВП расходов в оборону, %; доля затрат на гражданскую науку в ВВП, % и др.» [8, с. 75].

Указанный авторский подход к понятию экономической безопасности позволяет сформулировать некоторые научные понятия, связанные с экономической безопасностью. Формулировка таких смежных понятий не является непосредственной целью данной работы, однако может внести необходимую терминологическую системность в исследуемой сфере.

Так, термин «*система экономической безопасности*» государства обозначает ее структуру (совокупность ее элементов), под которой нужно понимать совокупность реальных величин (цифр) различных видов показателей экономики (индикаторов), утвержденных Правительством РФ, для дальнейшей диагностики и определения устойчивости экономики государства. Также в систему входят пороговые значения утвержденных Правительством РФ показателей (индикаторов) состояния национальной экономики.

Другими словами, Правительство РФ утверждает документ («Национальный экономический стандарт», или «Индикаторы устойчивости национальной экономики»), в котором перечисляются значимые экономические показатели и их пороговые значения, которые будут характеризовать экономическую безопасность государства. Данный документ будет являться ориентиром для оценки эффективности деятельности по обеспечению экономической безопасности и объективной основой для определения реального уровня экономической безопасности.

Кроме понятия экономической безопасности практическое значение имеет термин «*уровень экономической безопасности*». Тем выше такой уровень, чем меньше разность между числовыми величинами заранее просчитанных пороговых значений стратегических экономических показателей экономики и реальными показателями экономики. Максимальных значений уровень экономической безопасности достигается при отрицательной разнице указанных значений.

Особое значение имеет такой термин, как «*оценка экономической безопасности*», который представляет собой интеллектуальный процесс соотношения уровня экономической безопасности с уровнем тех экономических угроз и опасностей, которым такой экономике предстоит противостоять.

Под термином «*обеспечение экономической безопасности*» предлагается понимать деятельность органов публичной власти, институтов гражданского общества, юридических и физических лиц, направленных на систематическое повышение уровня экономической безопасности и защиты национальных интересов России.

Часто термин «система обеспечения экономической безопасности» подменяют термином «система экономической безопасности». Первый представляет собой совокупность:

– субъектов, которые обеспечивают увеличение уровня экономической безопасности государства;

– механизмов такого обеспечения (политический, правовой, социально-экономический, организационный, информационный, технический, технологический);

– национальные интересы России в экономической сфере;

– опасности и угрозы для национальной экономики.

Поэтому система обеспечения экономической безопасности – это деятельный механизм, направленный на систематическое повышение уровня экономической безопасности государства.

Что касается понятия «система экономической безопасности», то это пассивная теоретическая конструкция (перечень значимых экономических индикаторов и числовые величины их пороговых значений).

Предложенный нами смысловой ряд: «экономическая безопасность», «уровень экономической безопасности», «оценка экономической безопасности»; «обеспечение экономической безопасности», «система экономической безопасности» – был сформулирован

[19] О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

на основе важнейшего элемента системы обеспечения экономической безопасности государства – пороговых значений показателей (индикаторах) национальной экономики. Правительству РФ необходимо контролировать объективность и достаточность пороговых числовых значений значимых показателей национальной экономики. Нужно учитывать, что со временем такие показатели необходимо изменять, при изменении внутренней экономической конъюнктуры и (или) внешних условий (политических, экономических, эпидемиологических и др.), которые влияют (или могут повлиять) на состояние национальной экономики.

С.М. Галузина и М.С. Туровская так описывают соотношение понятий «экономическая безопасность» и «объективная система параметров, критериев и индикаторов»: «Экономическое состояние социально-экономической системы оценивается объективной системой параметров, критериев и индикаторов, определяющих пороговые значения ее нормального функционирования. За пределами этих значений система теряет способность к динамичному саморазвитию, конкурентоспособности на рынке, становится объектом посягательств, коррупции, криминалитета и т. п. Следовательно, для разработки политики и идеологии деятельности социально-экономической системы кроме качественного описания стратегии и тактики ее развития требуется количественное определение границ ее безопасного функционирования и развития» [14, с. 14].

Поддерживает такой подход к определению сущности экономической безопасности и А.А. Одинцов: «Экономическая безопасность являет собой совокупность качественных характеристик (свойств) состояния и направления развития объекта, которые обеспечивают его целостность, управляемость, стабильность сущностных характеристик…» [15, с. 72].

Еще раз стоит подчеркнуть, что терминология в законодательстве (а тем более в стратегических документах) должна быть информативна и не должна вызывать дополнительные вопросы вместо предоставления конкретных необходимых в данный момент времени данных. Поэтому в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. в пункте 7 целесообразнее использовать следующую формулировку: «*Экономическая безопасность – состояние экономики, которое характеризуют реальные величины (цифры) нормативно утвержденных ее показателей (индикаторов), с помощью которых возможно диагностировать и определить устойчивость экономики к внутренним и внешним угрозам и оценить способность национальной экономики удовлетворять потребностям обеспечения национальной безопасности*».

А также закрепить: «*Уровень экономической безопасности – это числовая разность между утвержденными пороговыми значениями показателей (индикаторов) состояния экономики и их реальными величинами, достигнутыми на данный момент времени*».

О вредности и даже опасности субъективизации термина «экономическая безопасность» через формулировку: «состояние защищенности национальной экономики» можно судить, основываясь на результатах исследований А.Е. Городецкого и Н.С. Зиядуллаева. Ученые отмечали: «После 2008 г. мы не только не можем по факту выйти на экономически безопасные значения экономического роста, но и стараемся объяснить и аргументировать якобы объективную неспособность страны решить эту проблему. В 2015–2016 гг. установки целевого роста сменяются на рост, превышающий среднемировые показатели, все чаще официальные лица предпочитают говорить о целевых показателях роста производительности труда. Но и в этом случае вскоре, за два года до истечения установленных сроков, Минэкономразвития РФ обнародовало данные о том, что достигнуть роста производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза, как этого требует Указ Президента РФ, также не удастся. Вина за это перекладывается на экономический кризис и низкий уровень квалификации кадров. Постоянно занижались цифры недовыполнения контрольных показателей. Для этого изменялись методики подсчета» [16, с. 202]. Другими словами, на бумаге «защищенность…» была, но по факту страна была вдалеке от нее.

Также И.В. Погодина указывает: «Состояние экономики, отвечающее требованиям экономической безопасности Российской Федерации, должно характеризоваться опреде-

ленными качественными критериями и параметрами (пороговыми значениями), обеспечивающими приемлемые для большинства населения условия жизни и развития личности, устойчивость социально-экономической ситуации, военно-политическую стабильность общества, целостность государства, возможность противостоять влиянию внутренних и внешних угроз [17, с. 21].

В.А. Богомолов приходит к следующему выводу: «Состояние экономической безопасности оценивается объективной системой параметров, критериев и индикаторов, определяющих пороговые значения функционирования экономической системы. За пределами этих значений система теряет способность к динамическому саморазвитию, конкурентоспособности на внутренних и внешних рынках, становится объектом экспансии транснациональных компаний, страдает от внутреннего и внешнего грабежа национального богатства страны, коррупции» [18, с. 14].

Как видим, в науке уже были сделаны попытки привязать сущность экономической безопасности к совокупности критериев, индикаторов и параметров, а также их пороговых значений, характеризующих эффективность функционирования экономической системы.

Таким образом, в качестве вывода можно утверждать, что на сегодня в экономической и юридической доктрине отсутствует единообразное понимание термина «экономическая безопасность». Легальные определения этого термина также не совпадают, создавая условия для дальнейших научных дискуссий о понятии экономической безопасности и нестыковки законодательных формулировок в этой сфере в перспективе.

Предложенные нами формулировки понятия экономической безопасности объективизируют его, создают условия для информативности его использования и единообразного применения, в том числе в законотворческом процессе. Другие определения понятий смыслового ряда, основанного на понятии экономической безопасности, дают возможность унифицировать категориальный аппарат научных исследований в этой сфере и осуществлять единообразное законодательное регулирование отношений, возникающих при анализе, оценке и обеспечении экономической безопасности государства.

Список источников

1. *Корнилов М.Я., Юшин И.В.* Экономическая безопасность. 3-е изд., перераб. и доп. М.: РГ-Пресс, 2019. 320 с. https://elibrary.ru/ufmjqy
2. *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4-16. https://elibrary.ru/sjovdj
3. *Гаджиева Л.Э.* Налогообложение как особый системный инструмент государственного регулирования экономической безопасности России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 32 с. https://elibrary.ru/lywrlc
4. *Савин В.А.* Некоторые аспекты экономической безопасности России // Международный бизнес России. 1995. № 9. С. 14-16.
5. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е.А. Олейникова. М.: Бизнес-шк. «Интел-синтез», 1997. 278 с.
6. *Богданов И.Я.* Экономическая безопасность России: теория и практика. М., 2001. 351 с. https://elibrary.ru/yivmcc
7. Экономическая безопасность Российской Федерации. Ч. 1 / под общ. ред. С.В. Степашина. Москва; Санкт-Петербург: Лань, 2001. 1248 с. https://elibrary.ru/wctmtf
8. *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М.: Финстатинформ, 2002. Кн. 4. 128 с.
9. *Майорова Е.Н.* Конституционные основы экономической безопасности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 26 с. https://elibrary.ru/nhqmpl
10. *Кутузов И.А.* Нормативные основы гражданско-правового обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с. https://elibrary.ru/nkbtjr
11. *Есаян А.К.* Криминологические основы обеспечения евразийской экономической безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 44 с. https://elibrary.ru/qhpgxh

12. *Максимов С.Н.* Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в Российской Федерации: концептуальные и методологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 22 с. https://elibrary.ru/zpnveb
13. *Капыш В.П.* Административно-правовое регулирование обеспечения экономической безопасности (на примере государственной корпорации «Ростех»): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 58 с.
14. *Галузина С.М., Туровская М.С.* Экономическая безопасность. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2016. 183 с.
15. *Одинцов А.А.* Экономическая и информационная безопасность. М.: Экзамен, 2005. 575 с. https://elibrary.ru/qqtbuh
16. *Городецкий А.Е., Зиядуллаев Н.С.* Стратегирование экономического развития России в контексте обеспечения национальной безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 8 (106). С. 198-209. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-8-198-209, https://elibrary.ru/zbprfa
17. *Погодина И.В.* Правовое обеспечение экономической безопасности Российской Федерации. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2015. 96 с.
18. Экономическая безопасность / под ред. В.А. Богомолова. 2 изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 295 с.

References

1. Kornilov M.Ya., Yushin I.V. (2019). *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic Security]. Moscow, RG-Press Publ., 320 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/ufmjqy
2. Abalkin L.I. (1994). Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i ikh otrazhenie [Economic security of Russia: threats and their reflection]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], no. 12, pp. 4-16. (In Russ.) https://elibrary.ru/sjovdj
3. Gadzhieva L.E. (2003). *Nalogooblozhenie kak osobyi sistemnyi instrument gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Taxation as a Special Systemic Instrument of State Regulation of Economic Security of Russia. PhD (Economics) diss. abstr.]. Moscow, 32 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/lywrlc
4. Savin V.A. (1995). Nekotorye aspekty ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Some aspects of Russia's economic security]. *Mezhdunarodnyi biznes Rossii* [International Business in Russia], no. 9, pp. 14-16. (In Russ.)
5. Oleinikov E.A. (ed.). (1997). *Osnovy ekonomicheskoi bezopasnosti (gosudarstvo, region, predpriyatie, lichnost')* [Fundamentals of Economic Security (State, Region, Enterprise, Individual)]. Moscow, Business School "Intel-Sintez" Publ., 278 p. (In Russ.)
6. Bogdanov I.Ya. (2001). *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: teoriya i praktika* [Economic Security of Russia: Theory and Practice]. Moscow, 351 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/yivmcc
7. 7. Stepashin S.V. (gen. ed.). (2001). *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii. Ch. 1* [Economic Security of the Russian Federation. Pt 1]. Moscow, St. Petersburg, Lan' Publ., 1248 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/wctmtf
8. Senchagov V.K. (2002). *Ekonomicheskaya bezopasnost': geopolitika, globalizatsiya, samosokhranenie i razvitie* [Economic Security: Geopolitics, Globalization, Self-Preservation and Development]. Moscow, Finstatinform Publ., bk 4, 128 p. (In Russ.)
9. Maiorova E.N. (2004). *Konstitutsionnye osnovy ekonomicheskoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Constitutional Foundations of Economic Security in the Russian Federation. PhD (Law) diss. abstr.]. Chelyabinsk, 26 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/nhqmpl
10. Kutuzov I.A. (2006). *Normativnye osnovy grazhdansko-pravovogo obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Regulatory Principles of Civil Law Ensuring the Economic Security of the Russian Federation. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 23 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/nkbtjr
11. Esayan A.K. (2011). *Kriminologicheskie osnovy obespecheniya evraziiskoi ekonomicheskoi bezopasnosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminological Foundations for Ensuring Eurasian Economic Security. Dr. habil. (Law) diss. abstr.]. Moscow, 44 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qhpgxh
12. Maksimov S.N. (2014). *Administrativno-pravovoe obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii: kontseptual'nye i metodologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Administrative and Legal Support of Economic Security in the Russian Federation: Conceptual and Methodological Aspects. Dr. habil. (Law) diss. abstr.]. Moscow, 22 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/zpnveb
13. Kapysh V.P. (2017). *Administrativno-pravovoe regulirovanie obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti (na primere gosudarstvennoi korporatsii «Rostekh»): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Administrative and

Legal Regulation of Economic Security (on the Example of the “Rostec” State Corporation). Dr. habil. (Law) diss. abstr.]. Moscow, 58 p. (In Russ.)
14. Galuzina S.M., Turovskaya M.S. (2016). *Ekonomicheskaya bezopasnost’* [Economic Security]. St. Petersburg, Interregional Institute of Economics and Law at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC Publ., 183 p. (In Russ.)
15. Odintsov A.A. (2005). *Ekonomicheskaya i informatsionnaya bezopasnost’* [Economic and Information Security]. Moscow, Ekzamen Publ., 575 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qqtbuh
16. Gorodetskii A.E., Ziyadullaev N.S. (2019). The strategy of economic development of Russian the context of national security. *Regional’nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Economic Transformation*, no. 8 (106), pp. 198-209. (In Russ.) https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-8-198-209, https://elibrary.ru/zbprfa
17. Pogodina I.V. (2015). *Pravovoe obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [Legal Support for Economic Security of the Russian Federation]. Vladimir, The Brothers Stoletov State University of Vladimir Publ., 96 p. (In Russ.)
18. Bogomolov V.A. (ed.). (2009). *Ekonomicheskaya bezopasnost’* [Economic Security]. Moscow, UNITI-DANA Publ., 295 p. (In Russ.)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 04.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 30.10.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 347.97/.99
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-529-535
Шифр научной специальности 5.1.1

Правовой статус судебных учреждений в Кубанской области в пореформенный период (1869–1920 гг.): по материалам правоприменительной практики

© ПАРШИНА Наталья Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, https://orcid.org/0000-0003-4712-6340, natalya.v.parshina2012@yandex.ru

Аннотация

На основе нормативно-правовых актов и архивных материалов исследованы особенности генезиса судебной системы в Кубанской области в пореформенный период. Выявлены социально-экономические причины, объясняющие, почему Судебные уставы 1864 г. в рассматриваемом регионе были введены несколько позже, чем в центральных губерниях Российской империи. С помощью историко-правового, сравнительно-правового, историко-архивного и статистического методов научного познания обозначены отличительные особенности становления пореформенного судоустройства в Кубанской области. В частности, показано, что, несмотря на внесословный принцип работы судебных учреждений, изначально предусмотренный в соответствующем законодательстве 1864 г., на Кубани все же продолжали сохраняться черты сословного правосудия. Проанализированы материалы судебной практики, демонстрирующие реальную специфику уголовного и гражданского процессов в Кубанской области во второй половине XIX века. В заключение сделан вывод о том, что сложившаяся система судоустройства и судопроизводства на Кубани представляла собой компиляцию государственного и обычно-правового регулирования. Наряду с общероссийским законодательством она основывалась как на религиозных нормах горского населения, так и на казачьих обычаях, которые применялись при разрешении гражданских споров в станичных судах.

Ключевые слова

Кубанская область, судебная реформа 1864 года, судоустройство, судопроизводство, обычное право, законодательство, казачество

Для цитирования

Паршина Н.В. Правовой статус судебных учреждений в Кубанской области в пореформенный период (1869–1920 гг.): по материалам правоприменительной практики // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 529-535. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-529-535

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-529-535

Legal status of judicial institutions in the Kuban region in the post-reform period (1869–1920): based on the law enforcement practice materials

© Natalia V. PARSHINA,
PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0003-4712-6340, natalya.v.parshina2012@yandex.ru

Abstract

On the basis of normative legal acts and archival materials, the features of the genesis of the judicial system in the Kuban region in the post-reform period are investigated. The socio-economic reasons explaining why the Judicial Statutes of 1864 were introduced in the region under consideration somewhat later than in the central provinces of the Russian Empire are revealed. With the help of historical-legal, comparative-legal, historical-archival and statistical methods of scientific cognition, the distinctive features of the formation of the post-reform judicial system in the Kuban region are identified. In particular, it is shown that, despite the all-religious principle of the work of judicial institutions, originally provided for in the relevant legislation of 1864, the features of class justice still continued to be preserved in the Kuban. The materials of judicial practice demonstrating the real specifics of criminal and civil proceedings in the Kuban region in the second half of the 19th century are analyzed. It is concluded that the current system of judicial system and judicial proceedings in the Kuban was a compilation of state and customary legal regulation. Along with the All-Russian legislation, it was based both on the religious norms of the mountain population and on Cossack customs, which were used in resolving civil disputes in the village courts.

Keywords

Kuban region, judicial reform of 1864, judicial system, judicial proceedings, customary law, legislation, Cossacks

For citation

Parshina, N.V. (2023). Legal status of judicial institutions in the Kuban region in the post-reform period (1869–1920): based on the law enforcement practice materials. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 529-535 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-529-535

Введение

В 2024 г. исполняется 160 лет со дня проведения судебной реформы в России, которая стала одним из кардинальных достижений в развитии отечественной правовой системы, закрепив в законодательстве фундаментальные принципы судопроизводства, сохраняющие юридическую силу и в настоящее время.

Вместе с тем, несмотря на многообразие трудов ученых, посвященных данной теме (см., например, [1–7]), этот вопрос нельзя считать полностью исчерпанным для отечественной науки. Судебная реформа 1864 г. продолжает интересовать современных историков и юристов с точки зрения специфики ее правореализации.

В частности, одним из таких аспектов является проблематика, касающаяся особенностей введения Судебных уставов 1864 г. в разных административных единицах Российской империи. Как известно, новеллы судебных преобразований Александра II вступили в силу не сразу во всех регионах страны. В частности, первые окружные суды были открыты в Москве и Санкт-Петербурге в апреле 1866 г. [8, с. 21].

Что касается Кубани, то важнейшие изменения в системе российского правосудия ввиду социально-экономических причин были осуществлены здесь только через несколько лет. Это обусловливалось, в том числе, тем, что первостепенно государство

было занято активным заселением данной местности представителями других сословий. Кубань, как исконно казачий регион, территория которого была пожалована Екатериной II Черноморскому войску, в конце XVIII века[1] претерпевала серьезные демографические изменения.

Такая необходимость возникла ввиду успешного завершения Кавказской войны в 1864 г.[2] В пределах Кубани стал формироваться достаточно пестрый национальный и этнический состав, резко отличавшийся друг от друга уровнем правосознания и правовой культуры (казаки, горское население, дворянство, крестьяне и др.). Это стало определенным препятствием для введения Судебных уставов Александра II в Кубанской области (см.: [9, с. 74]).

В силу чего после реформы 1864 г. судебные учреждения в рассматриваемом регионе до конца 1860-х гг. сохраняли прежнюю структуру. На это указывает не только нормативная база, но и судебная практика.

Цель работы – проанализировать закономерности становления пореформенных учреждений на Кубани и особенности их правоприменительной деятельности.

В настоящем исследовании применялись такие научные методы научного познания, как статистический, сравнительно-правовой, историко-правовой, историко-архивный и хронологический.

Результаты исследования

Вообще судебная система на Кубани была законодательно оформлена в период правления Николая I. Согласно Положению о Черноморском казачьем войске 1842 г. рассмотрение гражданских споров находилось в юрисдикции трех окружных судов[3]. В ноябре 1860 г. Черноморское казачье войско было преобразовано в Кубанское[4].

Архивные материалы свидетельствуют, что по состоянию на 1 января 1865 г. в производстве Таманского окружного суда находилось 155 дел, Екатеринодарского – 408 дел, Ейского – 182 дела[5].

Следует подчеркнуть, что предусмотренный Судебными уставами 1864 г.[6] принцип отделения судебной власти от административной еще не распространился на территорию Кубани. Это подтверждает, в частности, рапорт Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта Ф.Н. Сумарокова в Таманский окружной суд, в котором он критикует данное учреждение за медленное рассмотрение гражданских дел: «Хотя Екатеринодарскому окружному суду и представлено не много более средств сравнительно с Таманским и Ейским судами… но все-таки деятельность Екатеринодарского суда резко отличается пред другими, а потому предлагаю членам и секретарю Таманского суда усилить свою деятельность»[7]. Аналогичный рапорт, в эту же дату – 16 января 1865 г. – был направлен Ф.Н. Сумароковым в Ейский окружной суд[8].

Судебные уставы в Кубанской области были введены только в 1869 г.[9] При этом закон не устранял прежнего сословного судопроизводства. Это доказывается следующими фактами.

Во-первых, уголовные дела в отношении казаков, находящиеся в ведении военно-

[1] Жалованная грамота войску Черноморскому от 30.06.1792 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 23. Спб., 1830. С. 342-343. Ст. 17055.

[2] Высочайшая грамота, данная Кубанскому казачьему войску по случаю покорения Западного Кавказа от 12.07.1864 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 39. Спб., 1867. С. 583-584. Ст. 41048.

[3] Положение «О Черноморском казачьем войске» от 1.07.1842 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 27. Спб., 1842. С. 708-742. Ст. 15809.

[4] Именной Указ, объявленный Сенату Военным Министром «О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска» от 19.11.1860 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 35. Спб., 1862. С. 391-393. Ст. 36327.

[5] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 2363. Л. 10.

[6] Высочайше учрежденное Учреждение судебных установлений от 20.11.1864 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Ч. 2. Т. 39. Спб., 1867. С. 180-215. Ст. 41475.

[7] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2363. Л. 12.

[8] Там же. Л. 13.

[9] Именной указ, данный Сенату «О введение Судебных Уставов от 20 ноября 1864 года в Кубанской и Терской области и в Черноморском округе» от 30.12.1869 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Ч. 2. Т. 44. Спб., 1873. С. 415-416. Ст. 47848.

судных комиссий, должны были быть окончены этими же учреждениями (кроме преступлений против военной дисциплины). Во-вторых, для горского населения области закреплялось функционирование горских словесных судов, которые имели право рассматривать определенные категории дел (например, о краже до 300 руб., преступления в отношении половой неприкосновенности женщин и др. [10, с. 135]), руководствуясь в своих решениях нормами шариата и адата. В итоге, из общей численности жителей Кавказского края – 9,3 млн. [11, с. 914], в юрисдикции горских словесных судов находилось более 18 процентов местного населения.

В-третьих, в Кубанской области, в отличие от некоторых центральных губерний империи, не предусматривалась работа суда присяжных. Эта форма судопроизводства была введена на данной территории только в 1906 г.[10]

Кроме этого, мировые судьи назначались Первым Департаментом Правительствующего Сената по представлению Наместника Кавказского. В то время как в соответствии с Судебными уставами 1864 г. данная должность являлась избираемой. В Кубанской области же участие Наместника Кавказского в наделении судебных полномочий мирового судьи свидетельствует о сохранении слияния обязанностей судебных и административных властей.

К внесословным пореформенным учреждениям в Кубанской области относились окружные и мировые суды. Кубанская область причислялась к Тифлисской судебной палате. Екатеринодарский окружной суд приступил к работе 1 января 1871 г.[11] Надо сказать, что после введения Судебных уставов на Кубани сроки, в течение которых суды рассматривали уголовные дела, были существенно сокращены по сравнению с дореформенным периодом. Так, судебный процесс в отношении казака Антона Ивановича Белокриницкого, обвиняемого в убийстве своей жены, длился 1 год и 8 месяцев[12]. Для сравнения: в дореформенный период Комиссия военного суда на Кубани рассматривала дело о побоях более 8 лет[13].

В станицах Кубанской области действовали станичные суды. В их подсудности находились гражданские дела, предмет которых не превышал 100 руб. Интересно отметить, что данные судебные органы по замыслу законодателя могли руководствоваться в разрешении споров нормами обычного казачьего права.

Вообще, несмотря на миграционную политику российского государства[14], связанную с заселением территории Кубанской области иногородним населением, во второй половине XIX века регион продолжал оставаться казачьим. Так, из отчетов, представленных сыскными начальниками Наказному Атаману за 1864 г., следует, что во всех округах Кубанской области казачье сословие было наиболее многочисленным. Скажем, в Екатеринодарском округе Кубанского казачьего войска проживало 30 165 лиц мужского пола и 29 976 лиц женского пола. Из них к казачьему сословию принадлежало более 97 процентов жителей[15]. Однако, уже по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи, в 1897 г. численность иногородних в Кубанской области стала преобладать [12, с. 577]. Но, несмотря на уменьшение коренного казачьего населения на Кубани за счет увеличения числа иногородних, система военного судоустройства в области была сохранена.

Помимо вышеуказанных судебных учреждений на территории области действовали военные суды, образованные в соответствии с Военно-судебным уставом от 15 мая 1867 г.[16] В работе военных судов присутствовал принцип, подразумевающий, что дела военных должны рассматривать сами военные (см.: [13, с. 53]).

[10] ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 3389. Л. 2.
[11] ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
[12] ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 52. Л. 31.
[13] ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 10. Л. 34.
[14] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» от 29.04.1868 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Ч. 1. Т. 43. Спб., 1873. С. 473-474. Ст. 45785.
[15] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2364. Л. 32.
[16] Высочайше утвержденный Военно-Судебный Устав от 15.05.1867 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Ч. 1. Т. 42. Спб., 1871. С. 536-637. Ст. 44575.

Так, 4 октября 1890 г. Временный военный суд в г. Екатеринодар под председательством генерал-майора Ф.В. Ячевского, при участии временных членов – войсковых старшин льготных полков, помощника военного прокурора и помощника секретаря, в открытом судебном заседании рассмотрел уголовное дело по обвинению нижних чинов Черноморской бригады пограничной стражи Кубанского казачьего войска – Михаила Геращенко и Гавриила Сергиенкова – в умышленном убийстве по предварительному сговору с целью ограбления двух поселян деревни Авдеевка. За данное преступление Временный военный суд, руководствуясь нормами Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. и Военно-судного устава (в редакции 1884 г.), приговорил подсудимых к лишению всех прав состояния и воинского звания, а так же ссылке на каторжную работу[17].

Заключение

Таким образом, становление правосудия на Кубани (в 1869–1920 гг.) развивалось в условиях общероссийского преобразования судебной системы. При этом, в отличие от центральных регионов Российской империи, нововведения судебной реформы 1864 г. осуществлялись в Кубанской области с определенными изъятиями (например, частичное сохранение элементов сословного суда). Надо сказать, что судебная контрреформа Александра III фактически не коснулась Кубани. Данный тезис обоснован, в частности, отсутствием института земских начальников, который в 1889 г. вводился взамен корпуса мировых судей в 36 внутренних губерниях Европейской («коренной») России, а к 1905 г. уже действовал в 43 регионах Империи (см.: [14, с. 59]). В итоге, пореформенная система судоустройства и судопроизводства в области функционировала вплоть до 1920 г. – периода установления советской власти на Кубани[18].

[17] ГАКК. Ф. 339. Оп. 1. Д. 10. Л. 2, 3.

[18] См.: ГАКК. Ф. 653. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

Список источников

1. *Исаев И.А.* Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9-2. С. 39-43. https://elibrary.ru/tbgzif
2. *Жильцов С.В.* Мировой суд по судебной реформе 1864 года. М.: Юрлитинформ, 2019. 133 с.
3. *Легкий Д.М.* Дмитрий Васильевич Стасов: судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи: к 150-летию судебной реформы 1864 г. в России. СПб., 2011. 422 с. https://elibrary.ru/pavcqw
4. *Демичев А.А.* Принципы гражданского процессуального законодательства России во второй половине XIX века // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 18. С. 214-225. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-18-214-225, https://elibrary.ru/dkyfhc
5. *Паршина Н.В.* К вопросу о проведении судебной реформы на территории Кубанского казачьего войска во второй половине XIX в. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 1. С. 27-35. https://doi.org/10.24412/2309-152-2023-1-27-35, https://elibrary.ru/zvfawa
6. *Шутило О.В., Грачева О.А.* Концепция мировой юстиции в проектах Судебных Уставов 1864 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2 (151). С. 227-234. https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-2-227-234, https://elibrary.ru/uxhsdp
7. *Горбачев В.П.* Обвинение (уголовное преследование) как функция прокуратуры Российской империи после судебной реформы 1864 года // Lex Russica. 2023. № 2 (195). С. 101-112. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.195.2.101-112, https://elibrary.ru/gbxpfr
8. *Деревскова В.М.* Проблемы реализации судебной реформы 1864 г. и вопросы типологии судебной системы Российской империи // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 20-32. https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.4.20, https://elibrary.ru/sdrkdp
9. *Гондаренко А.С., Зозуля И.В.* Судебная система в России: сравнительное исследование развития на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков: (На примере Кубани и Ставрополья). Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2002. 314 с.
10. Терский календарь / под ред. Т.А. Вертепова. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1894. 355 с.

11. *Урушадзе А.Т.* «Мнимая юстиция»: горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования Кавказского края в материалах ревизии Н.М. Рейнке // Новейшая история России. 2019. № 4. С. 914-927. https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.405, https://elibrary.ru/focqdt
12. *Македонов Л.В.* Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1906. 589 с.
13. *Захарова П.В.* Модели формирования военных судов в России во второй половине XIX – начале XX века // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2019. № 2. С. 40-55. https://elibrary.ru/xddsyb
14. *Краковский К.П.* Земские начальники и мировая юстиция (реформа местного суда 1889 г.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. № 1. С. 53-95. https://elibrary.ru/yrjldz

References

1. Isaev I.A. (2014). Judicial reform of 1864: purposes and contradictions. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs = Historical-Legal Problems: the New Viewpoint*, no. 9-2, pp. 39-43. (In Russ.) https://elibrary.ru/tbgzif
2. Zhil'tsov S.V. (2019). *Mirovoi sud po sudebnoi reforme 1864 goda* [Magistrates' Court for Judicial Reform 1864]. Moscow, Urlitinform Publ., 133 p. (In Russ.)
3. Legkii D.M. (2011). *Dmitrii Vasil'evich Stasov: sudebnaya reforma 1864 g. i formirovanie prisyazhnoi advokatury v Rossiiskoi imperii: k 150-letiyu sudebnoi reformy 1864 g. v Rossii* [Dmitry Vasilyevich Stasov: Judicial Reform of 1864 and the Formation of the Sworn Legal Profession in the Russian Empire: to the 150th Anniversary of the Judicial Reform of 1864 In Russia]. St. Petersburg, 422 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/pavcqw
4. Demichev A.A. (2021). Principles of the civil procedural legislation of Russia in the second half of the 19th century. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 5, no. 18, pp. 214-225. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-18-214-225, https://elibrary.ru/dkyfhc
5. Parshina N.V. (2023). K voprosu o provedenii sudebnoi reformy na territorii Kubanskogo kazach'ego voiska vo vtoroi polovine XIX v. [On the issue of carrying out judicial reform on the territory of the Kuban Cossack army in the second half of the 19th century]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs = Historical-Legal Problems: the New Viewpoint*, no. 1, pp. 27-35. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2309-152-2023-1-27-35, https://elibrary.ru/zvfawa
6. Shutilo O.V., Gracheva O.A. (2023). The concept of justice of the peace in the draft judicial statutes of 1864. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, no. 2 (151), pp. 227-234. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-2-227-234, https://elibrary.ru/uxhsdp
7. Gorbachev V.P. (2023). Criminal charge (criminal prosecution) as a function of the prosecutor's office of the Russian Empire after the judicial reform of 1864. *Lex Russica*, no. 2 (195), pp. 101-112. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.195.2.101-112, https://elibrary.ru/gbxpfr
8. Derevskova V.M. (2021). Problems of implementations of the judicial reform of 1864 and issues of the typology of the judicial system of the Russian Empire. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, no. 4 (95), pp. 20-32. (In Russ.) https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.4.20, https://elibrary.ru/sdrkdp
9. Gondarenko A.S., Zozulya I.V. (2002). *Sudebnaya sistema v Rossii: sravnitel'noe issledovanie razvitiya na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov: (Na primere Kubani i Stavropol'ya)* [The Judicial System in Russia: a Comparative Study of Development at the Turn of the 19th–20th and 20th–21st Centuries: (on the Example of Kuban and Stavropol)]. Stavropol, Stavropol State University Publ., 314 p. (In Russ.)
10. Vertepov T.A. (ed.). (1894). *Terskii kalendar'* [Terek Calendar]. Vladikavkaz, Terek Regional Government Typography, 355 p. (In Russ.)
11. Urushadze A.T. (2019). "Imaginary justice": mountain verbal courts and the problem of judicial and administrative reform of the Caucasus region in the materials of the audit N.M. Reinke. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia*, no. 4, pp. 914-927. (In Russ.) https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.405, https://elibrary.ru/focqdt
12. Makedonov L.V. (1906). *Naselenie Kubanskoi oblasti po dannym vtorykh ekzemplyarov listov perepisi 1897 g.* [Population of the Kuban Region According to the Second Copies of the 1897 Census Sheets]. Yekaterinodar, Kuban Regional Government Typography, 589 p. (In Russ.)
13. Zakharova P.V. (2019). Modeli formirovaniya voennykh sudov v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Models of the formation of military courts in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyi rakurs = Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, no. 2, pp. 40-55. (In Russ.) https://elibrary.ru/xddsyb

14. Krakovskii K.P. (2017). Zemstvo heads and justice of the peace (reform of the local court, 1889). *Istoriko-pravovye problemy: Novyi rakurs = Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, no. 1, pp. 53-95. (In Russ.) https://elibrary.ru/yrjldz

Поступила в редакцию / Received 02.07.2023
Поступила после рецензирования / Revised 09.10.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 343
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-536-543
Шифр научной специальности 5.1.4

О некоторых технико-юридических проблемах российского Уголовного кодекса

© РЫЖКОВА Ирина Дмитриевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3, https://orcid.org/0009-0002-7706-3360, ira.ryzhkova.mail@gmail.com

Аннотация

С момента принятия в 1996 г. нового Уголовного кодекса Российской Федерации в литературе не прекращается дискуссия о его структуре, разделах, главах и отдельных статьях. Российской научной школой сделан серьезный вклад в развитие юридической техники в уголовном праве. Многие замечания, явившиеся результатом анализа правовых норм, были учтены законодателем, но продолжающееся видоизменение уголовного закона нашей страны не вызывает оптимизма ученых. Трансформация УК РФ – результат уголовно-правовой политики, которая сегодня, к сожалению, не лишена изъянов. Технико-юридические дефекты УК РФ имеют сложную природу, берут начало в концептуальных подходах законодателя (или в их внутренней противоречивости) и детально проявляются в отдельных уголовно-правовых нормах. Мы не ставим цели ни выявления природы дефектов, ни их классификации, что само по себе требует проведения более объемного исследования. Тем не менее, приведены некоторые, по сути, типовые технико-юридические проблемы уголовного закона. Обращено внимание на рассогласованность санкций, неясные механизмы их установления, некорректное построение диспозиций, искусственное создание сложностей для правоприменителя, проблемы понимания оценочных признаков, нелогичное использование служебных слов (союзов). Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательной техники.

Ключевые слова

уголовный закон, юридическая техника, диспозиция, санкция, состав преступления

Для цитирования

Рыжкова И.Д. О некоторых технико-юридических проблемах российского Уголовного кодекса // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 536-543. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-536-543

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-536-543

On some technical and legal problems of the Russian Criminal Code

© Irina D. RYZHKOVA,
PhD (Law), Associate Professor of Criminal Law, Procedure and Criminology Department, Lipetsk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 3 Internatsionalnaya St., Lipetsk, 398050, Russian Federation, https://orcid.org/0009-0002-7706-3360, ira.ryzhkova.mail@gmail.com

Abstract

Since the adoption of the new Criminal Code of the Russian Federation in 1996, there has been an ongoing debate in the legal science about its structure, sections, chapters and individual articles. The Russian scientific school has made a serious contribution to the development of legal technology in criminal law. Many comments that resulted from the analysis of legal norms were taken into account by the legislator, but the ongoing modification of the criminal law of our country does not cause optimism among scientists. The transformation of the Criminal Code of the Russian Federation is the result of criminal law policy, which today, unfortunately, is not without flaws. The defects of the legislative technology of the Criminal Code of the Russian Federation are of a complex nature, originate in the conceptual approaches of the legislator (or in their internal inconsistency) and are manifested in detail in individual articles of the Criminal Code. We do not set a goal either to identify the nature of defects or to classify them, which in itself requires a more extensive study. However, some essentially typical technical and legal problems of criminal law are given. Attention is drawn to the inconsistency of sanctions, unclear mechanisms for their imposing, incorrect construction of dispositions, artificial creation of difficulties for law enforcement officer and judges, problems of understanding evaluative signs, and illogical use of function words (conjunctions). The article concludes that it is necessary to improve the legislative technology.

Keywords

Criminal Law, legal technique, disposition, sanction, corpus delicti

For citation

Ryzhkova, I.D. (2023). On some technical and legal problems of the Russian Criminal Code. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 536-543 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-536-543

Введение. Постановка проблемы.

Техника построения правовых норм длительное время остается предметом для дискуссий в научном сообществе. Не раз в научной литературе отмечались технико-юридические дефекты современного российского Уголовного кодекса (например, в трудах Д.В. Кониной [1], П.А. Коржа [2], М.П. Прониной [3], А.В. Савинского [4], С.С. Тихоновой [5], С.Г. Федорова [6] и др.). Каждый исследователь представляет свое видение этих дефектов, вносит свои предложения. Несмотря на значительный вклад ученых, Уголовный кодекс РФ все еще далек от совершенства. В российский уголовный закон за последние несколько лет были включены новые статьи, которые также не лишены технико-юридических дефектов. Нами обращено внимание на некоторые из проблем.

Результаты исследования

Следует признать, что отечественная наука уголовного права всегда опережает законодателя на несколько шагов. Российское уголовное законодательство переживает не лучшие времена. Не единожды было обращено внимание ученых на разбалансирование концептуальных, методологических подходов к построению российского уголовного закона, на расхождение уголовно-правовой политики и задач, стоящих перед уголовным законом, на смешение и смещение приоритетов уголовно-правовой защиты. Также приходится признать тот факт, что в сложившемся противоречии современный правоприменитель поддержал не науку, а законодателя.

Не ставя цель анализа концептуальных подходов, остановимся на некоторых техни-

ко-юридических проблемах правоприменительного характера.

Проблема доступности и понятности юридического языка. Р. фон Иеринг, основоположник учения о юридической технике и создатель этого термина, справедливо отмечал, что техническое несовершенство права не может являться только частичным несовершенством, поскольку оно представляет собой «несовершенство всего права, недостаток, тормозящий право и вредящий ему во всех его целях и задачах» [7, с. 24].

Действительно, сложная и непонятная правовая конструкция вызывает не только проблемы анализа и толкования права, но реального, практического его применения. Возникают вопросы: для чего в отдельных случаях так поступает законодатель, вводя в уголовный закон тяжелые для прочтения и понимания нормы? Проблема в том, что объективная истина нам в данном случае недоступна, предположений можно выстраивать множество, но ряд из них будет не в пользу законодателя.

Обратимся, к примеру, к статье 193 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации». Диспозиция статьи включает половину одного предложения (вторая часть предложения формулирует санкцию), но при этом содержит 180 слов! Попробуйте вчитаться. Конечно, опытный правоприменитель разберет статью и оценит ее содержание. Приведем диспозицию полностью: «Нарушение требований валютного законодательства Российской Федерации о зачислении денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации в крупном размере от одного или нескольких нерезидентов на счета резидента в уполномоченном банке или на счета резидента в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, в установленном порядке, причитающихся резиденту в соответствии с условиями внешнеторговых договоров (контрактов) за переданные нерезидентам товары, выполненные для них работы, оказанные им услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них, а равно нарушение требований валютного законодательства Российской Федерации о возврате в Российскую Федерацию на счета резидента в уполномоченном банке или на счета резидента в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, в установленном порядке денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации в крупном размере, уплаченных одному или нескольким нерезидентам за не ввезенные на территорию Российской Федерации (не полученные на территории Российской Федерации) товары, невыполненные работы, неоказанные услуги, непереданные информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за деяния, предусмотренные частью 5.2. статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, – наказывается…»

Конечно, мы можем понять необходимость употребления в данном случае значительного числа терминов в связи с бланкетностью диспозиции, но и ее перегруженность не вызывает сомнений. Можно вспомнить первую редакцию статьи и более простое ее название: «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте». Диспозиция включала 28 слов: «Невозвращение в крупном размере из-за границы руководителем организации средств в иностранной валюте, подлежащих в соответствии с законодательством Российской Федерации обязательному перечислению на счета в уполномоченный банк Российской Федерации, наказывается…».

Смысловое содержание диспозиции увеличено незначительно, но возникает обоснованный вопрос: почему совершенствование уголовного закона должно идти по пути усложнения, запутывания правоприменителя?

Прежняя редакция статьи не раз вызывала раздражение, и даже возмущение научного сообщества в связи с излишней мягкостью установленных санкций при довольно серьезном причинении вреда. Нынешняя редакция статьи сохранила прежний подход. Крупным ущербом признают сто миллионов рублей, а особо крупным – сто пятьдесят. При отсутствии данной нормы, которая является, по сути, специальной, ответст-

венность за содеянное наступала бы по общей норме. За хищения российский УК предусматривает значительные сроки лишения свободы. Не потому ли так усложнена диспозиция статьи, смысл которой скрыт за почти двумя сотнями слов?

Как отмечают исследователи, каналы и способы уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств многочисленны. Например, часто используются юридические лица, намеренно созданные для совершения рассматриваемых преступлений. После проведения соответствующих внешнеэкономических операций эти юридические лица прекращают свою деятельность [8, с. 197].

Не хочется думать, что нынешняя редакция явилась результатом лоббирования чьих-то интересов. Конечно, баланс интересов крайне необходим для эффективного правового регулирования [9, с. 515], но он не должен выходить за рамки правового поля, а законодателю следует обратить большее внимание на юридическую технику.

Проблема рассогласованности в санкциях и не только. Чем руководствуется законодатель, устанавливая наказания за преступления? Какие критерии он использует, на что ориентируется? И что должна сделать наука, чтобы все-таки привести в определенное соответствие санкции УК РФ?

В марте 2022 года в Уголовный кодекс РФ была введена статья 207.3 об установлении ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации. Не отрицая дерзость подобного деяния, нельзя не заметить, что составы в первой и второй частях статьи сконструированы как формальные: и сами последствия, и причинно-следственная связь между деянием и последствиям отсутствуют. Имеется только деяние. Между тем максимальные санкции предусматривают: по первой части до пяти лет лишения свободы, по второй части – до десяти лет лишения свободы, и только третья часть статьи, предусматривающая деяния, указанные в первых двух частях, а также наступление тяжких последствий (материальный состав) устанавливает максимальное наказание до пятнадцати лет лишения свободы.

Суду во всех случаях предоставлено право свободы оценки доказательств и определения наказания для виновного, и в отдельных случаях – право принятия решений о виновности лица при наличии оценочного признака в составе. Но что можно считать тяжкими последствиями? Почему законодатель в данном случае об этом умалчивает? За что может быть назначено 15 лет лишения свободы? Ответ предстоит давать суду в каждом конкретном случае. При этом в соседней статье – 207.2 УК РФ – преступный результат в виде тяжких последствий вынесен в название статьи, а в диспозиции делается безуспешная попытка раскрыть их содержание.

В первой части тяжким последствием является причинение по неосторожности вреда здоровью человека. Снова возникает вопрос: какого вреда? Является ли легкий вред здоровью, причиненный по неосторожности, тяжким последствием? Или вред здоровью средней тяжести, причиненный также по неосторожности, о которой говорится в диспозиции? По общим нормам УК РФ неосторожное причинение как легкого вреда здоровью, так и вреда средней тяжести не являются уголовно наказуемыми. Тогда может быть речь идет о тяжком вреде здоровью? Во второй части последствиями названы смерть человека или иные тяжкие последствия. Но логичным является предположение о том, что причинение тяжкого вреда здоровью человека к тяжким последствиям по части 2 не относится, так как это единственный вред здоровью, подпадающий под последствия первой части статьи. Тогда что является тяжким последствием? Законодатель об этом умалчивает, оставляя догадку на откуп судьи.

За последствия в виде смерти человека или иные тяжкие по части 2 статьи 207.2 закон установил предельно строгое наказание – пять лет лишения свободы. А вот за тяжкие последствия, явившиеся результатом деяния, предусмотренного частью 3 статьи 207.3 УК РФ, максимально строгое наказание – пят-

надцать лет лишения свободы. Но мы так и не выяснили, что считать тяжкими последствиями. В каком положении находится правоприменитель, выносящий итоговое решение по делу, при такой рассогласованности санкций? Так почему же молчит законодатель? Что он подразумевает под тяжкими последствиями? За что можно получить пятнадцать лет? Насколько обоснованным является применение здесь оценочной категории «тяжкие последствия»? Соблюден ли принцип справедливости, который гласит, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления» (статья 6 УК РФ)?

Почему диспозиции этих статей сконструированы различным образом? Ведь совершаемые деяния – деяния одной группы, а последствия находятся за пределом умысла лиц. В одном случае (статья 207.2 УК РФ) имеем двойную форму вины – умысел в деянии, неосторожность в последствиях. А в части 3 статьи 207.3 УК РФ?

По смыслу диспозиции статьи 207.3 УК РФ тяжкие последствия не охватываются умыслом лица. Согласно статье 109 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за причинение смерти по неосторожности, за неосторожное причинение смерти двум или более лицам предельно строгим наказанием будет являться лишение свободы на срок до четырех лет.

В рассматриваемых нами примерах, однако, различными являются объекты преступных посягательств. Статья 109 УК РФ описывает преступление против личности, в то время как статья 207.3 – против общественной безопасности, что увеличивает общественную опасность деяния.

Но в таком случае преступление, предусмотренное частью 3 статьи 207.3 УК РФ, можно попробовать сопоставить с частью 4 статьи 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Это статья с хорошо проработанной диспозицией, максимально точно описывающей преступное деяние. Четвертая часть статьи устанавливает ответственность в случае, если деяние повлекло по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия. Наказание от восьми до десяти лет лишения свободы. Тоже строгое. Но не пятнадцать.

Проблема установления санкций существует давно. Но до сих пор нет ясности, какими критериями руководствуется законодатель. Или этих критериев нет, и санкция зависит от периода времени, когда была введена статья и от уголовной политики, проводимой в данный период времени?

На все эти вопросы мы должны получить обоснованные ответы. Мы не должны забывать о том, что задача Уголовного кодекса РФ состоит не только в защите государства и общества, но и личности – человека и гражданина (статья 2 УК РФ). Устанавливая задачи и принципы, как «базовые идеи, лежащие в основе правового регулирования» [10, с. 10], законодатель, как и правоприменитель, не должен от них отступать.

В.В. Антонченко справедливо отмечает, что гуманистический и естественно-правовой подход должен являться основным и при конструировании правовых норм, и в целом при формировании законодательства [11, с. 129].

Анализируемая статья уголовного закона – следствие нынешней уголовно-правовой политики. Но при этом важно помнить, что одним из факторов устойчивости политического режима в государстве является доверие к государству его граждан и, что не менее важно, поддержание этого доверия должно быть определяющим принципом государственной власти [12, с. 543]. Криминализуя деяние в силу его общественной опасности, законодатель (= государство) должен демонстрировать логику и проявлять последовательность.

Проблема конструирования диспозиций. Выше мы также коснулись проблем, возникающих при толковании диспозиций, но все же представляется необходимым обратить внимание на, казалось бы, незначительные детали. Русский язык является богатым, гибким языком, позволяющим использовать его в различных целях с учетом многообразных стилистических особенностей и частей речи.

В ряде случаев при конструировании диспозиций стоит обратить внимание на служебные части речи, в частности, союзы. Приведем пример: не единожды в литературе ана-

лизировалась статья 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем». Такие понятия, как «сделка», «финансовая операция» не раз были предметом их изучения. Уголовный закон предусматривает уголовную ответственность за совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, которые были приобретены другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или другим имуществом. Основное обсуждение при этом сводилось к признанию финансовой операции сделкой, как на это, по сути, указал законодатель.

Пленум Верховного суда РФ пояснил, что «ответственность по статье 174 или статье 174.1 УК РФ наступает и при совершении одной финансовой операции или сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), если будет установлено, что такое деяние было совершено с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом». На наш взгляд, такой вывод возможен, если следовать «духу закона», дополняя своим анализом намерение законодателя. Но ведь закон буквально устанавливает возможность наказания за совершенные финансовые операции и сделки. Следуя «букве» (не духу) закона, мы понимаем, что объективная сторона преступления предусматривает ряд обязательных для возникновения уголовной ответственности действий: как совершение операций, так и сделок. В диспозиции использован соединительный союз «и». Логичным было бы использование вариативных союзов «и (или)».

Также вызывает неоднозначную оценку использование множественного числа (финансовых операций, сделок). Замечено, что законодатель в случае необходимости использует выражения «один или несколько», например, в статье 35 части 3 УК РФ. В данной статье этот прием не использован.

Статья 3 УК РФ устанавливает принцип законности: «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом». Следуя «букве закона», уголовная ответственность должна наступать только за совершение нескольких операций и нескольких сделок, как бы нелогичным это не казалось. В противном случае мы применяем аналогию закона, которая в уголовном праве РФ запрещена (статья 3 УК РФ).

К сожалению, во многих случаях уголовный закон вызывает больше вопросов, чем ответов.

Заключение

О проблемных законах Р. фон Иеринг писал: «своей расплывчатостью право затрудняет тому, кто его применяет, а значит и изучает – обозрение, а своей туманностью и неопределенностью – правильное уразумение» [7, с. 28].

Законотворчество – крайне сложный процесс, требующий высокой квалификации в сфере права и не только. Но не менее важными являются ответственное отношение законодателя, возможность, воля и желание вовремя сказать «нет» недоработанному проекту, готовность к тяжелой, кропотливой работе над законопроектом до его принятия. Российское уголовное законодательство нуждается в его изменении, совершенствовании. Необходим диалог законодателя с научным сообществом, правильная расстановка приоритетов уголовно-правовой защиты, обозначенная во второй статье Кодекса в виде задач, стоящих перед уголовным законом.

В статье затронута лишь малая часть проблем, приведены несколько примеров, иллюстрирующих обозначенные технико-юридические дефекты.

Список источников

1. *Конина Д.В.* Юридико-техническое оформление дефиниций в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6-4 (96). С. 157-159. https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.145, https://elibrary.ru/czljvc

2. *Корж П.А.* Технико-юридические недостатки Уголовного кодекса Российской Федерации // Преступность, уголовная политика, закон: материалы Всерос. науч.-практ. конф. М.: ООО «Российская криминологическая ассоциация», 2016. С. 202-208. https://elibrary.ru/walthf
3. *Пронина М.П.* Проблемы юридико-технического конструирования примечаний уголовно-правовых норм // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3 (42). С. 59-66. https://elibrary.ru/ynnukw
4. *Савинский А.В.* О некоторых неточностях Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 99-105. https://elibrary.ru/cssllf
5. *Тихонова С.С.* О качестве современного уголовного закона: юридико-технический аспект новеллизации УК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 171-174. https://elibrary.ru/qzbtej
6. *Федоров С.Г.* Технико-юридическое несовершенство нормативного инструментария как причина неэффективной практики применения статьи 82.1 Уголовного кодекса РФ // Вестник РУК. 2017. № 3 (29). С. 133-136. https://elibrary.ru/zradqn
7. *Иеринг Р.* Юридическая техника / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена (А.Е Ландау), 1905. 106 с.
8. *Шурухнов Н.Г., Маторина Ю.Н., Кузнецова И.А.* Особенности квалификации и расследования уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ) // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посвящ. 20-летию кафедры криминалистики. Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т им. И.Т. Трубилина, 2019. С. 193-202. https://elibrary.ru/vvsifx
9. *Завгородняя А.А.* Научный дискурс о балансе интересов в праве // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4 (24). С. 512-522. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-512-522, https://elibrary.ru/vxecdz
10. *Илюхина В.А.* Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 9-21. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-9-21, https://elibrary.ru/hlmopt
11. *Антонченко В.В.* Право и закон // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2 (22). С. 123-131. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131, https://elibrary.ru/piykto
12. *Савина А.В.* К феномену доверия в финансово-правовой сфере // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4 (24). С. 540-546. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-540-546, https://elibrary.ru/cwxzgp

References

1. Konina D.V. (2020). Legal and technical design of definitions in text of Criminal Code of Russian Federation. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, no. 6-4 (96), pp. 157-159. (In Russ.) https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.145, https://elibrary.ru/czljvc
2. Korzh P.A. (2016). Tekhniko-yuridicheskie nedostatki Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Technique-legal shortcomings of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Prestupnost', ugolovnaya politika, zakon»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Crime, Criminal Policy, Law"]. Moscow, LLC "Russian Criminological Association", pp. 202-208. (In Russ.) https://elibrary.ru/walthf
3. Pronina M.P. (2017). Problems of legal and technical design of notes of criminal precepts of law. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 3 (42), pp. 59-66. (In Russ.) https://elibrary.ru/ynnukw
4. Savinskii A.V. (2020). On some inaccuracies in the Criminal Code of Russia. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, no. 1 (27), pp. 99-105. (In Russ.) https://elibrary.ru/cssllf
5. Tikhonova S.S. (2013). O kachestve sovremennogo ugolovnogo zakona: yuridiko-tekhnicheskii aspekt novellizatsii UK RF [On the quality of modern Criminal Law: legal and technical aspect of the novelization of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 22, pp. 171-174. (In Russ.) https://elibrary.ru/qzbtej
6. Fedorov S.G. (2017). Technical-legal imperfection of normative instrumentation as the cause of ineffective practices of applying the Article 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik RUK = Vestnik of the Russian University of Cooperation*, no. 3 (29), pp. 133-136. (In Russ.) https://elibrary.ru/zradqn

7. Iering R. (1905). *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology]. St. Petersburg, Typo-lithography A.G. Rozen (A.E Landau) Publ., 106 p. (In Russ.)
8. Shurukhnov N.G., Matorina Yu.N., Kuznetsova I.A. (2019). Osobennosti kvalifikatsii i rassledovaniya ukloneniya ot ispolneniya obyazannostei po repatriatsii denezhnykh sredstv v inostrannoi valyute ili valyute Rossiiskoi Federatsii (st. 193 UK RF) [Peculiarities of qualification and investigation of evasion of obligations to repatriate funds in foreign currency or the currency of the Russian Federation (Article 193 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Sbornik nauchnykh statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Sovremennye problemy otechestvennoi kriminalistiki i perspektivy ee razvitiya»* [Proceedings Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with International Participation) "Modern Problems of Domestic Criminology and Prospects for its Development"]. Krasnodar, Kuban State Agrarian University Publ., pp. 193-202. (In Russ.) https://elibrary.ru/vvsifx
9. Zavgorodnyaya A.A. (2022). Scientific discourse on the balance of interests in law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 4 (24), pp. 512-522. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-512-522, https://elibrary.ru/vxecdz
10. Ilyukhina V.A. (2021). Doctrinal principles of law: concept and specificity. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 5, no. 17, pp. 9-21. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-9-21, https://elibrary.ru/hlmopt
11. Antonchenko V.V. (2022). Law and legislation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 2 (22), pp. 123-131. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131, https://elibrary.ru/piykto
12. Savina A.V. (2022). On the phenomenon of trust in the financial and legal sphere. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no 4 (24), pp. 540-546. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-540-546, https://elibrary.ru/cwxzgp

Поступила в редакцию / Received 12.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 02.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 340.12
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-544-550
Шифр научной специальности 5.1.1

Проблемы формирования идентичности в эпоху глобализации: философско-правовое измерение

© СОЛОВЬЁВА Виктория Викторовна,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3, https://orcid.org/0000-0002-3843-3675, viktoriya-solove@list.ru
© ЧУНОСОВ Владислав Славович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3, vlad.chunosov@mail.ru

Аннотация
Глобализация существенно влияет на социальные, правовые, культурные факторы объективного и субъективного преобразования личности, создавая новые формы артикуляции политики и экономики, формирующиеся на взаимодействии капитала и передовых информационных технологий. Эта глобальная система вместе с кибернетическим пространством оказывает огромное влияние на государственное устройство стран, систему управления, право, культуру, человека с присущей ему идентичностью, создавая условия и для гомогенизации, и дифференциации идентичности. В период глобализации процессы поиска и защиты идентичности не только не теряют актуальность, а наоборот – приобретают несравненно большее значение для общества и отдельной личности. Современные реалии подтверждают мнение, что невозможно жить в современном мире, находясь в то же время в стороне от тенденций, определяющих и глобальный, и локальный уровни общественного развития. В этом контексте актуализируется вопрос определения понятия идентичности и правовых механизмов ее формирования. Изучение идентичности через призму глобализации обусловлено необходимостью поиска мирного и справедливого, свободного сосуществования разных людей, социокультурных пространств и образов (стилей) жизни. В условиях развития современного информационного общества и глобальных вызовов сформировался феномен «кризис идентичности», в результате которого возникла настоятельная потребность решения дилеммы настоящего и ненастоящего существования, поиска внутреннего, настоящего «Я». Проблема поиска идентичности побуждает многих современных ученых вновь и вновь возвращаться к философии экзистенциализма и переосмысливать ее влияние на современные отношения. В частности, предложенные экзистенциалистами пути нахождения собственной идентичности, идеи свободы как экзистенциального выбора, как совокупности возможностей остаются актуальными для современной науки. Их глубинное содержание еще не полностью раскрыто и изучено и требует нового осознания и интерпретации для создания более целостного представления и расширения спектра понимания экзистенциалистского мировоззрения в отечественном философско-правовом пространстве.

Ключевые слова
идентичность, глобализация, философия права, экзистенциализм, социокультурное пространство

Для цитирования
Соловьёва В.В., Чуносов В.С. Проблемы формирования идентичности в эпоху глобализации: философско-правовое измерение // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 544-550. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-544-550

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-544-550

Problems of identity formation in the era of globalization: philosophical and legal dimension

© Victoria V. SOLOVYOVA,
Dr. habil. (History), Professor, Professor of Criminal Law, Procedure and Criminology Department, Lipetsk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 3 Internatsionalnaya St., Lipetsk, 398050, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-3843-3675, viktoriya-solove@list.ru
© Vladislav S. CHUNOSOV,
PhD (Law), Associate Professor of Civil Law and Procedure Department, Lipetsk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 3 Internatsionalnaya St., Lipetsk, 398050, Russian Federation, vlad.chunosov@mail.ru

Abstract
Globalization significantly influences the social, legal, cultural factors of the objective and subjective transformation of personality, creating new forms of articulation of politics and economics, formed on the interaction of capital and advanced information technologies. This global system, together with cyberspace, has a huge impact on the state structure of countries, the management system, law, culture, a person with his inherent identity, creating conditions for both homogenization and differentiation of identity. In the period of globalization, the processes of searching and protecting identity not only do not lose relevance, but on the contrary, they acquire incomparably greater importance for society and the individual. Modern realities confirm the opinion that it is impossible to live in the modern world while at the same time being aloof from the trends that determine both global and local levels of social development. In this context, the issue of defining the concept of identity and the legal mechanisms of its formation is becoming relevant. The study of identity through the prism of globalization is determined by the need to search for peaceful and fair, free coexistence of different people, socio-cultural spaces and lifestyles (styles). In the context of the development of the modern information society and global challenges, the phenomenon of "identity crisis" has formed, as a result of which an urgent need has arisen to solve the dilemma of real and unreal existence, to search for the inner, real "Me". The problem of the search for identity prompts many modern scientists to return again and again to the philosophy of existentialism and rethink its influence on modern relations. In particular, the ways of finding one's own identity proposed by existentialists, the ideas of freedom as an existential choice, as a set of possibilities remain relevant for modern science. Their deep content has not yet been fully revealed and studied and requires new awareness and interpretation to create a more holistic view and expand the spectrum of understanding of the existentialist worldview in the domestic philosophical and legal space.

Keywords
identity, globalization, philosophy of law, existentialism, socio-cultural space

For citation
Solovyova, V.V., & Chunosov, V.S. (2023). Problems of identity formation in the era of globalization: philosophical and legal dimension. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 544-550 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-544-550

Введение. Постановка проблемы

Одной из определяющих черт существования человечества на современном этапе является глобализация. Несмотря на различия в географическом положении, уровне экономического развития – все большее количество стран оказываются втянутыми в глобализационные процессы. То, что начиналось как

усиление экономических связей, обусловленных финансовыми интересами влиятельнейших международных корпораций, сегодня приобрело характер глобализации, влияющей на все сферы жизни общества. Сегодня чаще всего под глобализацией понимают развитие экономической и политической взаимозависимости государств и регионов, требующей формирования глобальных экономических и политических институтов. Такая модернизация приводит к разрушению традиционных форм человеческого сосуществования, кардинальной трансформации системы резистентных ориентаций, нивелированию привычных идентификационных моделей. Модернизационные изменения, направленные на радикальные преобразования традиционных структур и принципов самоидентификации, присущих представителям определенного сообщества, непременно приводят к трансформации идентичности социального организма в целом [1]. Глобализация способствует утверждению мощных цивилизационных систем, которые постепенно устраняют более слабые системы, навязывая им собственные ценности и законы развития. Например, снижение ценности наций-государств с образованием Европейского союза усложняет правовую основу для надлежащей правовой идентификации. В этой всей неопределенной социально-правовой реальности существует индивид, роль которого, место и значение в социуме также изменяются (граждане государств-участников Европейского союза частично потеряли ориентиры для социально-правовой идентификации). Усложнение структуры государственных органов, расширение поля для религиозного развития личности, образование мультиязыкового общества, – эти аспекты в настоящее время оказывают прямое влияние на процесс социально-правового самоопределения. В XXI веке проблема идентичности превратилась в одну из основных проблем выживания человечества в условиях глобализации [2].

Результаты исследования

В ситуации безудержных глобальных изменений человек оказывается в условиях тотальных кризисов, среди которых исходным и наиболее сложным является кризис идентичности. Термин «идентичность» в современных исследованиях используется настолько широко, настолько расплывчато, что, как справедливо утверждают некоторые авторы, прямо-таки «ускользает из рук» во время попыток точно определить его содержание. Разногласия наблюдаются в понимании природы этого явления, его структуры, а также специфики ее (идентичности) реализации и применения в виде конкретных воплощений. Значительное количество исследователей употребляет термин идентичность, а также словосочетания при обозначении ее разновидностей (национальная, этническая, религиозная и т. д.) как нечто, не требующее определений [3, с. 49]. Понятие идентичности, согласно европейской традиции, сосредоточивается на конституировании дискурсов «отличия», «различия», «аутентичности» и прочего. Термин идентичность в самом общем виде предполагает следующий ассоциативный ряд: соответствие, совпадение, принадлежность. Философское содержание понятия идентичности получает в истории философии различные трактовки: как «всеединство» В. Соловьева; как такая характеристика бытия, которая является более фундаментальной, чем различие, то есть как «всеобщность бытия» М. Хайдеггера; как «соответствие, что мыслится в совершенстве» Ф. Брентано (соответствие трактуется как подходящее, согласуемое), как «индивидуализация через социализацию внутри исторического контекста» Ю. Хабермаса. Понимание идентичности социально-гуманитарными науками концентрируется, главным образом, на специфике ее формирования, а именно: на аспекте становления личности в процессе социального взаимодействия, что приводит к формированию определенного набора личностных качеств. Таким образом, идентичность обозначает сформированный в процессе социального развития комплекс свойств, обеспечивающий индивидуальные ощущения принадлежности к значимому для личности коллектива, позволяют соотносить ее с ним. Глобализация же разрушает и трансформирует традиционные формы идентичности, и у людей исчезает ощущение причастности к определенному окружению, устойчивым и определенным ценностям и ориентирам. Глобализированное информационное общество приводит к появлению новой идентичности, и эта

идентичность формируется в недрах сетевого сообщества.

Сегодня процесс глобализации становится достаточно очевидным препятствием на пути формирования у человека социально мечтаемой субъектности, то есть способности индивида быть субъектом общественной активности, а не объектом социального влияния. Современная активность интеграционных процессов настолько является всеохватывающей, что внутреннее противоречие этих процессов вообще остается вне внимания, а процессы преобразования общественных практик в сторону универсализации обычно проходят в преобразованных внешне социальных формах с неизбежным игнорированием их внутренней сущности. Причина – негармоничное и неадекватное взаимодействие в рамках универсализации общественной жизни на определенном уровне интеграции человеческих сил и общественных отношений, а главное – одностороннее влияние, то есть экспансия, насаждение, приучение и унификация путем навязывания «вестернизации», способа общественного бытия всему другому цивилизованному миру. Речь идет о том, что глобализация в нынешнем ее виде сводит человека до уровня средства, социальной функции. Вообще, в условиях глобализации социальные взаимосвязи начинают нивелироваться наряду с сознательным возвеличением экономического базиса и идеологической надстройки, а общественные интересы людей редуцируются к измененным формам, призванным формировать человека экономического, корпоративного и т. п. Именно благодаря экономическим, в большинстве своем утилитарно материальным и показательно чувственным, а следовательно, – иллюзорно внешним потребностям и их удовлетворении, обеспечивается необходимая взаимосвязь в системе, временная целостность и создается у человека впечатление, будто он на самом деле в полной мере проявляет себя в общественной жизни как человек, а не как элемент однородной биомассы. Человек утрачивает сущностную связь противоречий имманентного и трансцендентного, то есть условия для перехода от примитивного человека корпоративного к человеку общественному, а затем – обобществленному. Сторонники либеральной идеологии программируют человеческое сознание на универсальную способность быть современным (в смысле – всячески копировать западный стиль жизни). Но вместе с тем они строят социальную однородность, которая выражается в соответствующем социальном характере поведения и поступков, которые большей частью граничат с индивидуалистическим целеполаганием взамен общественному, действительно гуманному. То есть интеграция на уровне экономическом (политическом, идеологическом) сопровождается деградацией на уровне общечеловеческом. Иными словами, сведение (редукция) человека до уровня абстракта, то есть культивирования «унифицированного» эталона современного человека, а не «меры всех вещей». При этом именно унифицированная, а не универсальная и уникальная человеческая сущность становится действительным предостережением общественного развития каждого-многих-всех. Ведь чем унифицированнее или однотипнее люди, тем легче применять к ним те или иные рычаги влияния, принуждения.

Исследуя процессы влияния глобализации на идентичность, нельзя забывать об опасностях, которые содержит в себе «глобальное общество». С одной стороны, расширение глобального информационного пространства, усиление процессов языкового и культурного взаимодействия обеспечивают доступ к информации и интеллектуальным достижениям, а с другой – мгновенное распространение информации позволяет манипулировать человеком в глобальном масштабе. Поэтому представляется целесообразным обратить внимание на возникновение и распространение того постулата, в соответствии с которым восприятие человека как объекта (в связи с утратой его идентичности) стало тенденцией и распространенным явлением. Сама идея влияния одного человека на другого не является изобретением современного общества, а присуща еще древним цивилизациям. Так, еще в Древнем Китае существовало целое искусство управления человеком, которое называлось стратагемами, а обратившись к культуре Древней Греции, можно вспомнить Платона, который считал допустимым существование «двух правд», одна для правителей государства, другая –

для его граждан. Однако эта позиция – иметь безусловное влияние на другого человека – на протяжении долгого времени сдерживалась христианскими ценностями, в соответствии с которыми обман является грехом, моральным злом [4, с. 8]. В период Нового времени исключительным объектом подчинения и использования становится природа. Такой постулат в сочетании со стремительным развитием научно-технического прогресса вызвал беспокойство среди интеллектуалов. Так, например, о негативном влиянии техники предупреждал М. Хайдеггер, для которого техника означала особый тип связи с миром, с помощью которого осуществляется стремление к эксплуатации и господству. Однако, как отмечает М. Хайдеггер в работе «Вопросы о технике», угрозы человеку исходят не от возможного губительного действия машин или технических аппаратов. Настоящая угроза уже подступила к человеку в самом его существе [5, с. 234]. Сегодня человек не просто пользуется достижением научно-технологического прогресса, а становится заложником новой техногенной цивилизации, искусственно созданной средой бытия, виртуальным информационным пространством и господством идеологии массового неограниченного потребления. Человек из творца и самоцели превращается в средство цивилизационного процесса.

Представители Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т.В. Адорно в работе «Диалектика просвещения» поднимают вопросы проблемы современной цивилизации, которая, по их мнению, состоит в деиндивидуализации мира и эксплуатации его для своих нужд. Отметим, что понятие «просвещение» они используют не в историко-философском значении, а для обозначения таких признаков современности, как «рациональность» и «господство»; при этом господство понимается ими как подчинение человека всевластию технического разума, унижение человеческой субъективности и, наконец, отчуждению личности: «Просвещение относится к вещам также, как и диктатор к людям. Они известны ему лишь в той мере, в какой он может манипулировать ими [6, с. 22-23]. Манипуляция осуществляется через культуриндустрию: «Общественность дошла до такого положения, при котором мысль неминуемо становится товаром, а язык – средством его рекламирования» [6, с. 9]. О появлении «периода масс», в котором человеком можно легко манипулировать, предостерегал Г. Лебон в своей работе «Психология народов и масс» еще в 1895 г. Возможность влияния на людей он связывает не с истинностью и аргументированностью положений, которые выдвигает оратор, а от умения угадать потребности: «толпой нельзя руководить при помощи правил, основывающихся на теоретической справедливости, а необходимо отыскать то, что может оказать влияние и захватить его» [1, с. 154]. Глобализационные процессы, влияя на жизненное пространство человека – культуру, ментальность, религиозные догмы, нравственные установки, право – могут вызвать дезадаптацию, связанную с разрывом привычной системы социокультурных отношений, утратой привычных убеждений и ценностей, изменением критериев суждений, нарушением старого динамического стереотипа, при которой социальный субъект тревожно переживает кризис идентичности [7, с. 29].

Принимая такое понимание, нельзя упускать из вида общественную опасность, которую представляет кризис идентичности, ведь человек, находящийся в подавленном психоэмоциональном состоянии, является покорным и управляемым под воздействием отрицательных внешних воздействий. Такая инертность и покорность объясняется утратой идентификационной основы, на которую опирается субъект в сложной политико-правовой ситуации, временным ослаблением связи с государством [8, с. 49]. Отсутствие чувства солидарности с государством чревато манипуляциями общественным мнением, разрушением моральных устоев общества с подменой чуждыми ценностями, другими деструктивными процессами [9, с. 7].

Феномен идентичности личности до недавнего времени был предметом исследования различных наук гуманитарного направления, среди которых философия, психология, социология, педагогика. История развития учений о правовой идентичности происходит из общего анализа социальной идентичности, которая получила развитие в европейской и американской научной школе

конца XIX – начала XX столетия (работы З. Фрейда, Э. Фромма, В. Джеймса). Правовая идентичность личности имеет социальную природу, поскольку ее основой является процесс осознания личностью своей принадлежности к социально правовой реальности как отражения коллективных ценностей и убеждений, итоговых знаний, полученных каждым индивидом в качестве элемента (субъекта) коллективной жизни. Таким образом, социальная идентичность, отражая разные компоненты социальной принадлежности личности, выступает родовым понятием, объединяющим различные виды идентичности, среди которых и правовая, под которой понимается индивидуальное качество лица, которое отражает состояние психологического усвоения собственного правового статуса и свидетельствует об осознании личностью своей роли в правовой системе. Положительная правовая идентичность зависит не от суммы правовых знаний, а от того, усваивает ли человек право или принимает его в собственную систему ценностей. Глобализационные процессы имеют динамическое влияние на феномен правовой идентичности. Трансформация суверенитета государства, изменение правовой системы, государственной власти, появление наднациональных образований, резонанс между национальным и глобальным правом и ряд других глобализационных проблем оказывают негативное влияние на личность.

Вероятным следствием глобализации может стать кризис правовой идентичности, под которым понимается состояние правовой неопределенности лица, частичной или полной утраты достигнутой ранее правовой идентичности, то есть утраты органического единства субъекта права с его индивидуальным правовым статусом, что приводит к изменению внутренней структуры личности. Кризис правовой идентичности – явление, способное привести к девиациям правового сознания, порождать маргинальное поведение, приостановить и даже сделать невозможным развитие государства в целом [10, с. 33]. Кризис правовой идентичности ослабляет все сферы публичной жизни.

Заключение

Таким образом, глобализация влияет на изменение устоявшихся ценностных категорий, определяющих идентичность, приводя их в состояние неопределенности и непредсказуемости последствий. Глобализационные процессы становятся достаточно очевидным препятствием на пути формирования у человека способности быть субъектом общественной активности, а не объектом социального влияния. Нововведения, вызванные бурным развитием информационных технологий, предоставляют не только новые возможности, но также повышают степень рисков, последствия которых могут сказаться на судьбе человечества в целом. Глобализация оказывает влияние и на правовую идентичность, поскольку изменение суверенитета государства, национальных правовых систем, появление наднациональных образований негативно влияют на личность, что может вызвать кризис правовой идентичности и привести к изменению структуры личности.

Список источников

1. *Лебон Г.* Психология народов и масс. М.: Макет, 1995. 311 с.
2. *Лапкин В.В.* Модернизация, глобализация. Идентичность. Общие проблемы и российские особенности // ПОЛИС. Политические исследования. 2008. № 3. С. 50-58. https://elibrary.ru/juqcvv
3. *Козловец Н.А.* Глобализация: поиск новых форм идентичности // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 6. С. 49-55. https://elibrary.ru/iulpob
4. *Васильев А.А.* Церковь и государство в консервативной парадигме России: поиск симфонии // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 3-4. С. 5-25. https://elibrary.ru/yohrks
5. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления; пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 221-238.
6. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. Москва; Санкт-Петербург: Медиум; Ювента, 1997. 312 с.
7. *Малков Н.Г.* Правовая реальность в контексте социальной реальности: философско-правовой аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1 (25). С. 28-34. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-28-34, https://elibrary.ru/bswepm

8. *Воробьева С.В.* К вопросу об укреплении суверенности российской государственности // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 3-4. С. 48-57. https://elibrary.ru/yohrmc
9. *Морозова Л.А.* Особенности форм реализации прав и свобод личности // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 5. С. 5-17. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-5-5-17, https://elibrary.ru/xnburn
10. *Пронина К.Ю.* Правовой нигилизм как индикатор гражданско-правовой активности // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 3-4. С. 32-40. https://elibrary.ru/yohrlk

References

1. Lebon G. (1995). *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of Peoples and Masses]. Moscow, Maket Publ., 311 p. (In Russ.)
2. Lapkin V.V. (2008). Modernization, globalization, identity. General problems and Russian particularities. *POLIS. Politicheskie issledovaniya = POLIS. Political Studies*, no. 3, pp. 50-58. (In Russ.) https://elibrary.ru/juqcvv
3. Kozlovets N.A. (2008). Globalizatsiya: poisk novykh form identichnosti [Globalization: the search for new forms of identity]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat State University*, no. 6, pp. 49-55. (In Russ.) https://elibrary.ru/iulpob
4. Vasil'ev A.A. (2017). Church and state in the conservative paradigm of Russia: symphony search. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law,* vol. 1, no. 3-4, pp. 5-25. (In Russ.) https://elibrary.ru/yohrks
5. Khaidegger M. (1993). Vopros o tekhnike [Question about technology]. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., pp. 221-238. (In Russ.)
6. Khorkkhaimer M., Adorno T. (1997). *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragment* [Dialectics of Enlightenment. Philosophical Fragments]. Moscow, St. Petersburg, Medium, Yuventa Publ., 312 p. (In Russ.)
7. Malkov N.G. (2023). Legal reality in the context of social reality: a philosophical-legal perspective. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law,* vol. 7, no. 1 (25), pp. 28-34. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-28-34, https://elibrary.ru/bswepm
8. Vorob'eva S.V. (2017). The issue of strengthening of the sovereignty of Russian statehood. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law,* vol. 1, no. 3-4, pp. 48-57. (In Russ.) https://elibrary.ru/yohrmc
9. Morozova L.A. (2018). Features of forms of realization of the rights and freedoms of the person. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law,* vol. 2, no. 5, pp. 5-17. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-5-5-17, https://elibrary.ru/xnburn
10. Pronina K.Yu. (2017). Legal nihilism as an indicator of civil-law activity. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law,* vol. 1, no. 3-4, pp. 32-40. (In Russ.) https://elibrary.ru/yohrlk

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 12.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 34.04
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-551-557
Шифр научной специальности 5.1.1

Парламентское расследование как инструмент противодействия коррупции и злоупотребления власти

© ХОЛИКОВ Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, главный научный сотрудник отдела международного права и сравнительно-правовых исследований, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34, https://orcid.org/0000-0003-0421-5829, iv_kholik@mail.ru
© ХОЛИКОВА Анастасия Ивановна,
студент Института международного права и правосудия, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Российская Федерация, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, строение 1, kholik792001@mail.ru

Аннотация

Рассмотрен парламентский контроль и парламентское расследование как его компонент (вид) в противодействии коррупции и злоупотребления власти. Отмечена правовая и социальная природа отечественного института парламентского расследования, обоснована его детерминация в российском праве. Раскрыта нормативная правовая основа проведения парламентского расследования, особенности правовой регламентации процедуры его практического проведения. Приведены субъекты реализации парламентского расследования и описаны объекты, на которые оно направлено. Отмечено, что институт парламентского расследования не заменяет собой другие формы государственного контроля или надзора, а также деятельность по отправлению правосудия. Указано, что основаниями для проведения парламентского расследования могут также являться обстоятельства, связанные с возникновением и негативными последствиями чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также факты, явно свидетельствующие о коррупции должностных лиц. Проанализирован правоприменительный опыт в области проведения парламентского расследования в России и зарубежных странах. Выявлено, что в России нет сформированной эффективной практики реализации данной процедуры, поскольку принятый обсуждаемый федеральный закон за весь период своего существования ни разу не применялся. Это свидетельствует о необходимости качественной проработки уже имеющейся нормативной базы, в частности упрощения процедуры инициирования парламентского расследования.

Ключевые слова

парламентский контроль, институты демократии, противодействие коррупции, парламентское расследование, историко-правовой опыт, конституционно-значимые ценности, вызовы и угрозы

Для цитирования

Холиков И.В., Холикова А.И. Парламентское расследование как инструмент противодействия коррупции и злоупотребления власти // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 551-557. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-551-557

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-551-557

Parliamentary investigation as a tool of counter corruption and power abuse

© Ivan V. KHOLIKOV
Dr. habil. (Law), Professor, Professor of International Law Department, Chief Research Scholar of International Law and Comparative Legal Research Branch, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0003-0421-5829, iv_kholik@mail.ru
© Anastasia I. KHOLIKOVA
Student at the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University, 1 bldg, 38 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation, kholik792001@mail.ru

Abstract
Parliamentary control and parliamentary investigation as its component (type) in counteracting corruption and abuse of power are considered. The legal and social nature of the domestic institute of parliamentary investigation is noted, its determination in the Russian law is substantiated. The normative legal basis of the parliamentary investigation, peculiarities of legal regulation of the procedure of its practical implementation are revealed. The subjects of realization of parliamentary investigation are given and the objects to which it is directed are described. It is noted that the institute of parliamentary investigation does not replace other forms of state control or oversight, as well as activities in the administration of justice. It is stated that the grounds for conducting a parliamentary investigation may also be circumstances related to the emergence and negative consequences of natural and man-made emergencies, as well as facts that clearly indicate corruption of officials. The law enforcement experience in the field of parliamentary investigation in Russia and foreign countries are analyzed. It is revealed that in Russia there is no formed effective practice of realization of this procedure, since the adopted federal law under discussion has never been applied for the entire period of its existence. This testifies to the need for qualitative development of the existing regulatory framework, in particular, simplification of the procedure for initiating a parliamentary investigation.

Keywords
parliamentary control, institutions of democracy, counteracting corruption, parliamentary investigation, historical and legal experience, constitutionally significant values, challenges and threats

For citation
Kholikov, I.V., & Kholikova, A.I. (2023). Parliamentary investigation as a tool of counter corruption and power abuse. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 551-557 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-551-557

Введение

Институт парламентского расследования представляет собой одну из форм проведения необходимого контроля законотворческими органами [1–3]. Это связано с тем, что ценности современного российского государства функционально распространяются на различные демократические и властные институты [4–6]. В условиях беспрецедентного внешнего давления обеспечение функционирования демократических институтов, обеспечивающих добросовестное поведение должностных лиц, – важная задача сохранения национальной идентичности и суверенитета [7–11]. 27 декабря 2005 г. был принят Федеральный закон «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» № 196-ФЗ (далее – ФЗ), как реакция на ежегодное Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России В.В. Путина, в ходе которого он отметил, что в государстве необходимо утвердить на законодательном уровне данную процедуру (цит. по: [12]).

Исходя из содержания статьи первой ФЗ под парламентским контролем понимаются общественные отношения, связанные с осуществлением палатами Федерального Собрания Российской Федерации деятельности по расследованию фактов и обстоятельств,

имеющих негативные последствия для общества и государства [13]. В правовой доктрине институт парламентского расследования в историко-правовом, законотворческом и правоприменительном аспекте не остался без соответствующего исследовательского внимания [14–18].

Результаты исследования

Субъектом реализации парламентского расследования в нашей стране является двухпалатный парламент, Федеральное Собрание Российской Федерации. Объектом по общему правилу выступает деятельность властвующих органов, повлекшая за собой грубые или массовые нарушения прав и свобод человека и гражданина, гарантия соблюдения которых предоставлена конституционными положениями. К таким органам относятся Правительство Российской Федерации, исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, государственные органы, не являющиеся органами государственной власти, а также органы местного самоуправления.

К основаниям для проведения рассматриваемого нами расследования стоит также отнести обстоятельства, которые непосредственно связаны с возникновением и наступлением негативных последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также факты, явно свидетельствующие о коррупции должностных лиц.

Важно отметить, что парламентский контроль не является заменой правосудия, то есть в предмет такого расследования не может и не должно входить установление виновности конкретных лиц в совершении преступных деяний. В данном контексте контрольные действия со стороны уполномоченных субъектов стоит рассматривать как средство привлечения должностного лица к политической ответственности перед народом за те деяния, которые непосредственно привели к последствиям негативного характера. Одно из проявлений такой ответственности представляет собой отстранение от занимаемой должности. Тем не менее, парламентскому расследованию не подлежат деятельность Президента Российской Федерации, суда по осуществлению правосудия, а также органов дознания и органов предварительного следствия, осуществляемая ими в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Однако реализация парламентского расследования в РФ затруднена по ряду причин.

1. Сложность инициирования процедуры.

Согласно части 6 статьи 8 ФЗ № 196-ФЗ, парламентское расследование не проводится, если одна из палат Федерального Собрания Российской Федерации не приняла решение о возбуждении парламентского расследования, инициатива возбуждения которого была поддержана другой палатой Федерального Собрания Российской Федерации, а так же если Совет Федерации не принял решение о возбуждении парламентского расследования в связи с поддержанным Государственной Думой предложением о создании комиссии. Таким образом, партии, не имеющие большинства в Парламенте, изначально оказываются лишенными возможности инициировать парламентское расследование ввиду немногочисленности своих представителей.

2. Отсутствие возможности у палат парламента заниматься расследованием по отдельности.

Также если какая-либо из палат отзывает своих представителей из созданной для расследования комиссии, то ее деятельность прекращается.

3. Сроки парламентского расследования.

Анализ содержания указанного ФЗ позволяет заключить, что срок парламентского расследования строго ограничен и не может превышать один год со дня создания комиссии. Помимо этого, закон не предусматривает возможность продления парламентского расследования, если результат не был достигнут [13].

В современной истории России парламентское расследование после принятия Федерального закона ни разу не проводилось, однако попытки все же были еще до 2005 г. Так, в результате совершения 1–3 сентября 2004 г. террористического акта в г. Беслан Республики Северная Осетия – Алания была создана парламентская комиссия по расследованию причин и обстоятельств, предопределивших трагические события. Это был первый опыт осуществления парламентского расследования в современной России [18]. Из последних примеров осенью 2021 г. фракция

КПРФ внесла в Государственную Думу предложение о проведении парламентского расследования в связи с распространением информации о пытках в тюрьмах и СИЗО ряда российских регионов, а именно Саратовской, Владимирской и Иркутской областей. Заметим, что информация о данном обстоятельстве получила широкое освещение в связи с публикацией в сети Интернет архивных материалов с соответствующими видеозаписями. Однако фракция Единой России выступила против рассматриваемой инициативы, аргументируя это тем, что парламентское расследование может оказать негативное влияние на ход следственных действий и расследования, осуществляемого правоохранительными органами. Итогом стало отклонение внесенного предложения на голосовании: 261 голос «против» при 96 голосах «за» и одном воздержавшемся.

Однако в зарубежных странах парламентское расследование является эффективным инструментом борьбы с коррупцией и злоупотреблением власти, в частности в США [14; 17].

В Конституции США отсутствует закрепление парламентского расследования, однако Верховный Суд твердо закрепил полномочия Конгресса по проведению расследований в качестве неотъемлемой части его законодательных обязанностей. Институт парламентского расследования функционирует на протяжении нескольких столетий, что свидетельствует об его эффективности. Еще Джеймс Мэдисон предвосхитил значение расследования Конгресса в «Федералисте», № 51, когда призвал: «При формировании правительства, которым должны управлять мужчины над мужчинами... вы должны сначала дать правительству возможность контролировать управляемых, а затем обязать его контролировать себя».

Конгресс уполномочен проводить расследования «в помощь своей законодательной функции». Создаваемый с этой целью комитет Конгресса обладает широкими полномочиями как в отношении объема своего расследования, так и в отношении актуальности запрашиваемой им информации. Расследование правомочны вести создаваемые комитеты и подкомитеты, а также специальные комиссии обеих палат Конгресса.

Как нами уже было указано, компетентные органы в рамках рассматриваемой процедуры имеют ряд широких полномочий. В частности, им предоставлено право на ознакомление со всеми необходимыми материалами (так, конгрессмены вправе запрашивать доступ к документам у должностных лиц любого чина), на проведение слушаний с участием любых лиц, вызванных повесткой, а также на требование информации, имеющей непосредственное отношение к делу. Более того, в Конгрессе отсутствует право на отказ от дачи показаний, и являются недопустимыми ложь или утаивание части информации. Отметим, что препятствием к проведению опроса не могут быть секретные материалы, в том числе составляющие государственную тайну. Обратим внимание и на то, что за отказ отвечать на вопросы комитетов или за иное сопротивление деятельности уполномоченных лиц предусмотрена ответственность в виде наложения штрафа или тюремного заключения сроком до одного года.

Одним из самых ярких примеров практического применения парламентского расследования стал Уотергейтский скандал, в итоге которого 9 августа 1974 г. под угрозой импичмента Президент США Ричард Никсон на добровольной основе сложил с себя полномочия и ушел в отставку.

Несмотря на то, что полномочия Конгресса по проведению расследований широки, они не безграничны и ограничены его конституционными полномочиями. Например, Конгресс не может расследовать сугубо частное дело обычного гражданина, а также дела, переданные на усмотрение президента.

На законодательном уровне итоговый доклад парламентского расследования на современном этапе не рассматривается в качестве повода к возбуждению уголовного дела. Таким образом, парламент не имеет возможности в полном объеме инициировать процедуру уголовного преследования при установлении фактов преступных деяний, выявленных в ходе парламентского расследования. Доклад носит информативный характер. Однако если расследование Конгресса выявит доказательства преступной деятельности, Конгресс может передать

дело в Министерство юстиции для расследования и, возможно, следственно-судебного преследования.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что механизмы реализации парламентского расследования в США и России имеют много схожего:

1) отсутствие полномочий предъявлять уголовное обвинение, так как итоговый доклад, который содержит результаты парламентского расследования, является актом исключительно информативного и рекомендательного характера;

2) расследование реализуется в рамках специально создаваемых органов;

3) широкий спектр предоставленных полномочий в рамках действующих в государствах законодательств.

Ключевым отличием является возможность в США осуществления данной процедуры в отношении президента (инициации процедуры импичмента). Кроме того, сама процедура парламентского расследования в США значительно упрощена.

В Российской Федерации же нет сформированной эффективной практики реализации данной процедуры, что свидетельствует о необходимости качественной проработки уже имеющегося нормативной базы, в частности упрощения процедуры инициирования парламентского расследования. Принятый обсуждаемый в статье федеральный закон за весь период своего существования ни разу не применялся, поэтому можно говорить о том, что данный закон является фактически «правоприменительной фикцией».

Список источников

1. *Абаева З.Р.* Парламентское расследование как форма парламентского контроля в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 26-31. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-3-26-31, https://elibrary.ru/kwszkl
2. *Чимаров Н.С.* Сущностные признаки Российской модели парламентского расследования в контексте конституционализма // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 1 (58). С. 63-66. https://elibrary.ru/ghrwft
3. *Федченко Е.А., Васина Д.М.* К проблеме формирования нормативно-правового регулирования парламентского контроля в Российской Федерации // Бухучет в здравоохранении. 2020. № 5. С. 50-57. https://doi.org/10.33920/med-17-2005-06, https://elibrary.ru/enjpwz
4. *Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М.* Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64-72. https://doi.org/10.31857/S102694520024304-5, https://elibrary.ru/xeaqeb
5. *Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В.* Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51-62. https://doi.org/10.31857/S102694520021788-7, https://elibrary.ru/imtjuc
6. *Зелепукин Р.В., Холиков И.В., Кроткова Н.В., Землин А.И.* Тенденции и проблемы современного права. Обзор VII Международной научно-практической конференции «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако» // Государство и право. 2023. № 10. С. 167-175. https://doi.org/10.31857/S102694520028159-5, https://elibrary.ru/mdcfby
7. *Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др.* Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59-67. https://doi.org/10.31857/S102694520023301-2, https://elibrary.ru/xhovfe
8. *Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю.* Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132-148. https://doi.org/10.12737/jrl.2022.122, https://elibrary.ru/abbllm
9. *Холиков И.В.* Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4 (24). С. 547-555. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555, https://elibrary.ru/lyihul

10. *Дамаскин О.В.*, *Холиков И.В.* Актуальные проблемы защиты российской государственности и национального суверенитета в современных условиях // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 4 (155). С. 1-5. https://elibrary.ru/yzkccv
11. *Дамаскин О.В., Холиков И.В.* Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4 (65). С. 121-128. https://elibrary.ru/apxxib
12. *Зубарев А.С.* Об отражении правоприменительной практики в законодательстве о парламентском расследовании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2 (29). С. 72-85. https://elibrary.ru/wfydia
13. *Смирнов Е.Е.* Основные цели и особенности Закона «О парламентском контроле» // Аудитор. 2013. № 7 (221). С. 3-9. https://elibrary.ru/rbzhyf
14. *Волчкова Н.Н.* Парламентский контроль в зарубежных странах // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 1-2. С. 43-49. https://elibrary.ru/tqmnwr
15. *Сущенко П.В.* Некоторые вопросы конституционно-правовой регламентации парламентского контроля // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 2. С. 61-72. https://elibrary.ru/wmjgaj
16. *Баранова Е.А.* К вопросу о значении парламентских расследований: зарубежный и отечественный опыт развития (историко-правовой аспект) // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 86-89. https://elibrary.ru/tkqliz
17. *Гусева Д.Е.* Современные институты парламентского контроля европейских государств (Германия, Франция, Великобритания, Россия) // PolitBook. 2016. № 3. С. 168-181. https://elibrary.ru/ygklqr
18. *Кочиева О.А.* Конституционно-правовые основы парламентского контроля в Республике Южная Осетия // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 10 (131). С. 191-201. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.131.10.191-201, https://elibrary.ru/hbbhhm

References

1. Abaeva Z.R. (2023). Parliamentary investigation as a form of parliamentary control in the constituent entities of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, no. 3, pp. 26-31. (In Russ.) https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-3-26-31, https://elibrary.ru/kwszkl
2. Chimarov N.S. (2023). Essential features of the Russian model parliamentary investigation in the context constitutionalism. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, no. 1 (58), pp. 63-66. (In Russ.) https://elibrary.ru/ghrwft
3. Fedchenko E.A., Vasina D.M. (2020). The problem of the formation of legal regulation of parliamentary control in the Russian Federation. *Bukhuchet v zdravookhranenii = Accounting in Healthcare*, no. 5, pp. 50-57. (In Russ.) https://doi.org/10.33920/med-17-2005-06, https://elibrary.ru/enjpwz
4. Naumov P.Yu., Zakhartsev S.I., Kholikov I.V., Bol'shakova V.M. (2023). The value of law and legal values in a globalizing world (axiological review of the book "State and Law: Human Rights and the World Order Based on the Rule of Law"). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 9, pp. 64-72. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S102694520024304-5, https://elibrary.ru/xeaqeb
5. Kholikov I.V., Bol'shakova V.M., Naumov P.YU., Zelepukin R.V. (2022). Values and meanings of the main judicial act of the 20th century: axiological concepts of the book A.N. Savenkov "Nuremberg: a Verdict for Name of Peace" (discussion materials). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 10, pp. 51-62. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S102694520021788-7, https://elibrary.ru/imtjuc
6. Zelepukin R.V., Kholikov I.V., Krotkova N.V., Zemlin A.I. (2023). Trends and problems of modern law. Review of the 7th international scientific and practical conference "Plevako Tambov Legal Readings". *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 10, pp. 167-175. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S102694520028159-5, https://elibrary.ru/mdcfby
7. Gavrilov S.O., Glebov I.N., Chukin S.G. et al. (2022). Law at the bifurcation point: discussion of the conceptual study military problems of international law (Discussion in the format of the "Round Table" based on the materials of Chapter 6 "Military problems of International Law" Volume 3 of the monograph "Military Law"). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 12, pp. 59-67. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S102694520023301-2, https://elibrary.ru/xhovfe
8. Kholikov I.V., Milovanovich A., Naumov P.Yu. (2022). Dynamics of functioning of international law in the conditions of transformation of modern world order: post-classic approach. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 26, no. 11, pp. 132-148. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/jrl.2022.122, https://elibrary.ru/abbllm

9. Kholikov I.V. (2022). Theoretical and legal characteristics of modern global challenges and threats in the field of healthcare. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 4 (24), pp. 547-555. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555, https://elibrary.ru/lyihul
10. Damaskin O.V., Kholikov I.V. (2017). Current problems of protection of the Russian state system and national sovereignty in modern conditions. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem = Representative Power – 21st Century: Legislation, Commentary Problems*, no. 4 (155), pp. 1-5. (In Russ.) https://elibrary.ru/yzkccv
11. Damaskin O.V., Kholikov I.V. (2018). Key issues of legal support of defence and security assets of Russia in modern armed conflicts. *Vestnik Akademii voennykh nauk* [Bulletin of the Academy of Military Sciences], no. 4 (65), pp. 121-128. (In Russ.) https://elibrary.ru/apxxib
12. Zubarev A.S. (2017). Towards the question about reflection of law enforcement practice in legislation on parliamentary investigation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, no. 2 (29), pp. 72-85. (In Russ.) https://elibrary.ru/wfydia
13. Smirnov E.E. (2013). The main objectives and features of the law "On parliamentary control". *Auditor*, no. 7 (221), pp. 3-9. (In Russ.) https://elibrary.ru/rbzhyf
14. Volchkova N.N. (2015). Parliamentary control in foreign states. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, no. 1-2, pp. 43-49. (In Russ.) https://elibrary.ru/tqmnwr
15. Sushchenko P.V. (2019). Some questions of the constitutional-legal regulation of parliamentary control. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu = Electronic Supplement to Russian Juridical Journal*, no. 2, pp. 61-72. (In Russ.) https://elibrary.ru/wmjgaj
16. Baranova E.A. (2015). K voprosu o znachenii parlamentskikh rassledovanii: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt razvitiya (istoriko-pravovoi aspekt). *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, no. 1, pp. 86-89. (In Russ.) https://elibrary.ru/tkqliz
17. Guseva D.E. (2016). Modern institutions of parliamentary control of European states (Germany, France, UK, Russia). *PolitBook*, no. 3, pp. 168-181. (In Russ.) https://elibrary.ru/ygklqr
18. Kochieva O.A. (2021). Constitutional and legal foundations of parliamentary control in the republic of South Ossetia. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, vol. 16, no. 10 (131), pp. 191-201. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.131.10.191-201, https://elibrary.ru/hbbhhm

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 06.09.2023
Поступила после рецензирования / Revised 10.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО
SUBSTANTIVE LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 343.3/.7
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-558-568
Шифр научной специальности 5.1.4

Преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и меры профилактики

© АБРАМОВА Василиса Игоревна,
ассистент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, https://orcid.org/0000-0002-4482-1498, cilvectr90@mail.ru
© КАШИРСКАЯ Екатерина Михайловна,
старший лейтенант полиции, инспектор, подразделение по делам несовершеннолетних оперативного управления уголовного преследования и подразделения по делам несовершеннолетних межмуниципального отдела Министерства внутренних дел России «Мичуринский», Российская Федерация, Тамбовская обл., Мичуринский р-н, 393749, с. Заворонежское, ул. Строителей, 25, https://orcid.org/0009-0003-1868-9029, ekaterina.kaschirskaja@yandex.ru
© МЕНТЮКОВА Мария Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, https://orcid.org/0000-0001-8639-2559, mariya_men2003@mail.ru

Аннотация

Постановка проблемы в сфере преступности несовершеннолетних обусловлена происходящими событиями за последние три года. Эпидемиологическая обстановка в стране и мире, проведение специальной военной операции на Украине и последовавшие в связи с этим изменения в социально-экономической сфере не только в Тамбовской области, но и в России в целом повлияли на статистику преступлений, а также на меры их профилактики. Цель – исследование тенденции совершаемых преступлений несовершеннолетними, их количества и категорий, а также создание модели их профилактики. Методологическую основу составляют такие современные общенаучные методы и приемы познания, как системный метод, метод анализа, статистический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы и др. Рассмотрены основные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность правоохранительных органов, а также меры профилактики преступлений. Проведен анализ статистики преступлений за последние три года (2020–2022 гг.), выделено увеличение совершения преступлений средней тяжести, а также заинтересованность несовершеннолетних в занятии экстремистской деятельностью. Установлено, что комплексность мероприятий, исключение формализма в проводимой работе, а также ин-

дивидуальный подход способствуют плодотворной профилактике преступлений среди несовершеннолетних, снижают вовлечение в занятие экстремисткой деятельностью.

Ключевые слова
преступления различной степени тяжести, несовершеннолетние, профилактика, экстремизм, экстремистская деятельность

Для цитирования
Абрамова В.И., Каширская Е.М., Ментюкова М.А. Преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и меры профилактики // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 558-568. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-558-568

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-558-568

Juvenile delinquency: criminological characteristics and preventive measures

© Vasilisa I. ABRAMOVA,
Assistant of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-4482-1498, cilvectr90@mail.ru
© Ekaterina M. KASHIRSKAYA,
Senior Police Lieutenant, Inspector, Juvenile Affairs Department of the Criminal Prosecution Operational Directorate and Juvenile Affairs Department of the Intermunicipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Michurinsky", 25 Stroiteley St., Zavoronezhskoye Village, 393749, Michurinsk District, Tambov Region, Russian Federation, https://orcid.org/0009-0003-1868-9029, ekaterina.kaschirskaja@yandex.ru
© Mariya A. MENTIUKOVA,
PhD (Law), Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0001-8639-2559, mariya_men2003@mail.ru

Abstract
The statement of the problem in the sphere of juvenile delinquency is conditioned by the events that have taken place over the last three years. The epidemiological situation in the country and in the world, the special military operation in Ukraine and the changes in the socio-economic sphere that followed in connection with it not only in the Tambov region but also in Russia influenced crime statistics as well as the measures of their prevention. The purpose is to research the trend of crimes committed by minors, their number and category, as well as to create a model for their prevention. The methodological basis is formed by such modern general scientific methods and techniques of cognition as system method, method of analysis, statistical, formal-legal and comparative-legal methods, etc. The research is based on the main normative-legal methods. The main normative legal acts regulating the activities of law enforcement agencies, as well as crime prevention measures are considered. The analysis of crime statistics for the last three years (2020–2022) is carried out, the increase in the commission of crimes of medium gravity, as well as the interest of minors in engaging in extremist activities is highlighted. It is established that the complexity of measures, the exclusion of formalism in the carried out work, as well as an individual approach contribute to a fruitful prevention of crimes among juvenile, reduce involvement in extremist activities.

Keywords
crimes of varying severity, juvenile, prevention, extremism, extremist activity

For citation
Abramova, V.I., Kashirskaya, E.M., & Mentiukova, M.A. (2023). Juvenile delinquency: criminological characteristics and preventive measures. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 558-568 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-558-568

Введение. Постановка проблемы

В соответствии с Конституцией Российской Федерации дети являются важнейшим приоритетом государственной политики. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к окружающим. На протяжении различных исторических периодов существования нашего государства можно выделить специфические особенности преступности несовершеннолетних и механизмов, которые определяют ее социальное проявление [1, с. 57].

Молодые правонарушители, совершающие правонарушения в настоящее время, представляют собой группу, которая может стать значительным и продуктивным источником преступности в будущем. Важно отметить, что данная группа включает самые опасные и потенциально вредоносные элементы преступности в долгосрочной перспективе [2, с. 21].

В последнее десятилетие обеспечение благополучного и безопасного детства стало одним из основных национальных приоритетов Российской Федерации. Защита прав каждого ребенка, создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушения самих детей определены ключевыми задачами Десятилетия детства, объявленного Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240, Концепцией развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г. и планом мероприятий на 2021–2025 гг. по ее реализации, утвержденные Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р, Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также иными другими федеральными законами и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Сотрудниками органов внутренних дел по Тамбовской области на постоянной основе проводятся мероприятия по выявлению и постановке на профилактический учет в подразделения по делам несовершеннолетних неблагополучных родителей, оказывающих отрицательное влияние на своих детей, и несовершеннолетних по основаниям, предусмотренными нормативно-правовыми актами.

Встречаются случаи, когда подростки, не получающие должного родительского внимания и ощущающие отчуждение со стороны общества, присоединяются к рядам преступников, включая террористов и экстремистов. Основными причинами экстремистского поведения в подростковой среде является:

– социальное неравенство;

– желание самоутвердиться в мире взрослых;

– недостаточная социальная зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно неопределенный социальный статус[1].

Вопрос регулирования борьбы с экстремисткой деятельностью и профилактикой вовлечения в нее несовершеннолетними контролируется следующими нормативно-правовыми актами: положениями Конституции Российской Федерации, Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, Уголовным кодексом Российской Федерации.

Встречаются случаи, когда подростки, не получающие должного родительского внимания и ощущающие отчуждение со стороны общества, присоединяются к рядам преступников, включая террористов и экстремистов. Основными причинами экстремистского поведения в подростковой среде является:

– социальное неравенство;

– желание самоутвердиться в мире взрослых;

– недостаточная социальная зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно неопределенный социальный статус[2].

[1] Экстремизм в подростковой среде: сущность, характерные признаки, ответственность и профилактические меры // Отдел по вопросам законности, правопорядка и безопасности. 2023. URL: http://www.kirnews.ru/news/2023-03-20/ekstremizm-v-podrostkovoy-srede--sushchnost-kharakternye-priznaki-otvetstvennost-i-profilakticheskie-mery/ (дата обращения: 17.07.2023).

[2] Там же.

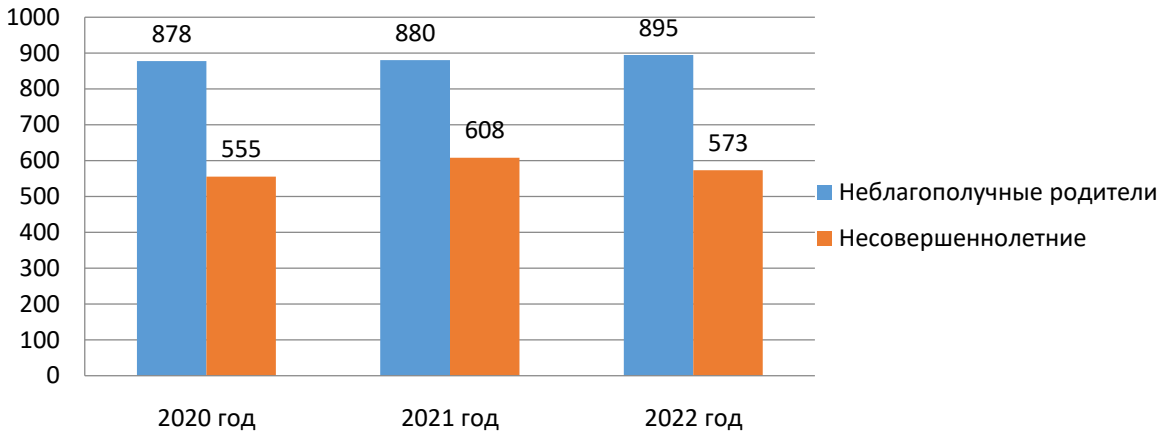

Рис. 1. Количество лиц, состоящих на профилактических учетах в ОВД Тамбовской области, 2020–2022 гг.
Fig. 1. Number of persons on preventive registers in the Tambov Region Internal Affairs Bodies, 2020–2022

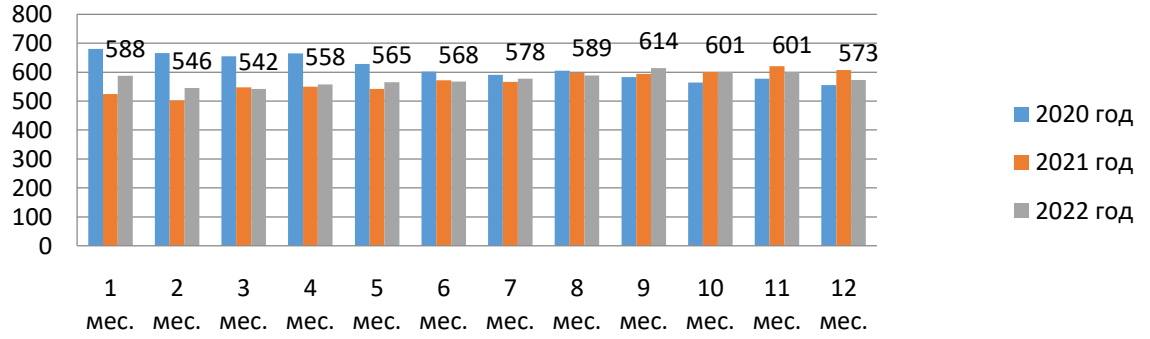

Рис. 2. Динамика количества несовершеннолетних, состоящих на учете в ОВД Тамбовской области, 2020–2022 гг.
Fig. 2. Dynamics of juvenile number registered in the Tambov Region Internal Affairs Bodies, 2020–2022

Встречаются случаи, когда подростки, не получающие должного родительского внимания и ощущающие отчуждение со стороны общества, присоединяются к рядам преступников, включая террористов и экстремистов. Основными причинами экстремистского поведения в подростковой среде является:

– социальное неравенство;

– желание самоутвердиться в мире взрослых;

– недостаточная социальная зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно неопределенный социальный статус[3].

Вопрос регулирования борьбы с экстремисткой деятельностью и профилактикой вовлечения в нее несовершеннолетними контролируется следующими нормативно-правовыми актами: положениями Конституции Рос-

[3] Экстремизм в подростковой среде: сущность, характерные признаки, ответственность и профилактические меры // Отдел по вопросам законности, правопорядка и безопасности. 2023. URL: http://www.kirnews.ru/news/2023-03-20/ekstremizm-v-podrostkovoy-srede--sushchnost-kharakternye-priznaki-otvetstvennost-i-profilakticheskie-mery/ (дата обращения: 17.07.2023).

сийской Федерации, Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, Уголовным кодексом Российской Федерации.

Составы преступлений экстремистской направленности изложены в следующих статьях Уголовного кодекса Российской Федерации: статья 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), статья 282 (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), статья 282.1 (организация экстремистского сообщества), статья 282.2 (организация деятельности экстремистской организации), статья 357 (геноцид) и другие преступные деяния.

Изучение различных исторических периодов существования и развития нашего государства позволяет сделать вывод, что преступность несовершеннолетних и факторы, влияющие на ее возникновение в обществе, имели свои особенности. Таким образом, основными преступлениями, которые совершались несовершеннолетними в дореволюционной России, были «незначительные кражи», обычно связанные с нищенством и бродяжничеством. В большинстве случаев основным мотивом для совершения преступлений против собственности, которые составляли основную часть, была необходимость получить материальные средства, необходимые для обеспечения или поддержания жизнедеятельности несовершеннолетних (в то время это называлось «нуждой») [1, с. 57]. В 2022 г. несовершеннолетними было совершено 170 различных преступлений, из них: 45 тяжких и особо тяжких, 73 средней тяжести и 52 преступления небольшой тяжести (рис. 1–2). Также 138 преступлений совершены против собственности, 19 преступлений относятся к категории совершенных против личности, 83 преступления совершены в общественных местах, 7 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Зарегистрировано 1 убийство, а также 2 умышленного причинения вреда здоровью, совершенные несовершеннолетними[4]. В 2022 г. в Тамбовской области было зарегистрировано 10 преступлений экстремистской направленности[5].

Анализом динамики преступности просматривается рост общего количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, при росте количества тяжких и особо тяжких преступлений, рост преступлений средней тяжести и снижение количества преступлений небольшой тяжести (рис. 3–4).

Результаты исследования

В 2022 г. зарегистрировано 92 кражи чужого имущества несовершеннолетними, из которых 32 совершены с проникновением, 25 – из квартир и домов, 8 – с банковского счета, 12 краж сотовых телефонов, 11 краж транспортных средств, 7 грабежей, 2 разбойных нападения, а также 2 факта мошенничества, 4 факта вымогательства и 23 факта неправомерного завладения транспортными средствами (рис. 5–6).

Большинство преступлений совершаются местными жителями, возрастом 16–17 лет, мужского пола, учащиеся старших классов СОШ или средних специальных учебных заведений (рис. 7).

Для подростков в целом характерна повышенная потребность в общении не только со сверстниками, но и с более старшими по возрасту, в процессе которой возможна криминализация несовершеннолетних. Совершение ими преступлений как по собственной инициативе для реализации своих потребностей, так и под воздействием взрослого члена группы, особенно имеющего преступный опыт. Как правило, находясь в группе, подростки совершают преступления, которые никогда не совершили бы в одиночку (рис. 8–10). В связи с этим сотрудниками ОВД при выявлении преступной группы проводятся профилактические мероприятия, направленные на разобщение ее членов. Личностные характеристики, которые привели к совершению преступления, не исчезают после его совершения, они могут изменяться в процессе расследования, судебного процесса, отбывания наказания и других обстоятельств [3, с. 84].

[4] Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 17.07.2023).

[5] Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf (дата обращения: 17.07.2023).

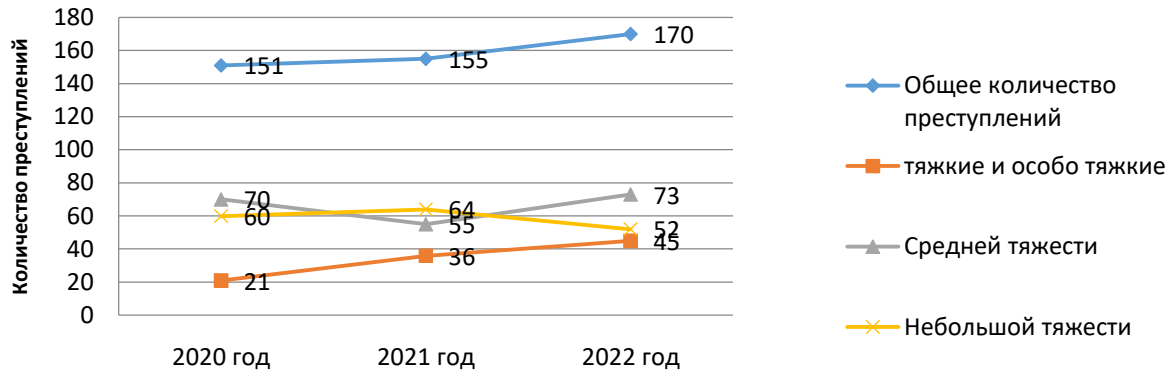

Рис. 3. Динамика преступности несовершеннолетних, 2020–2022 гг.
Fig. 3. Dynamics of juvenile delinquency, 2020–2022

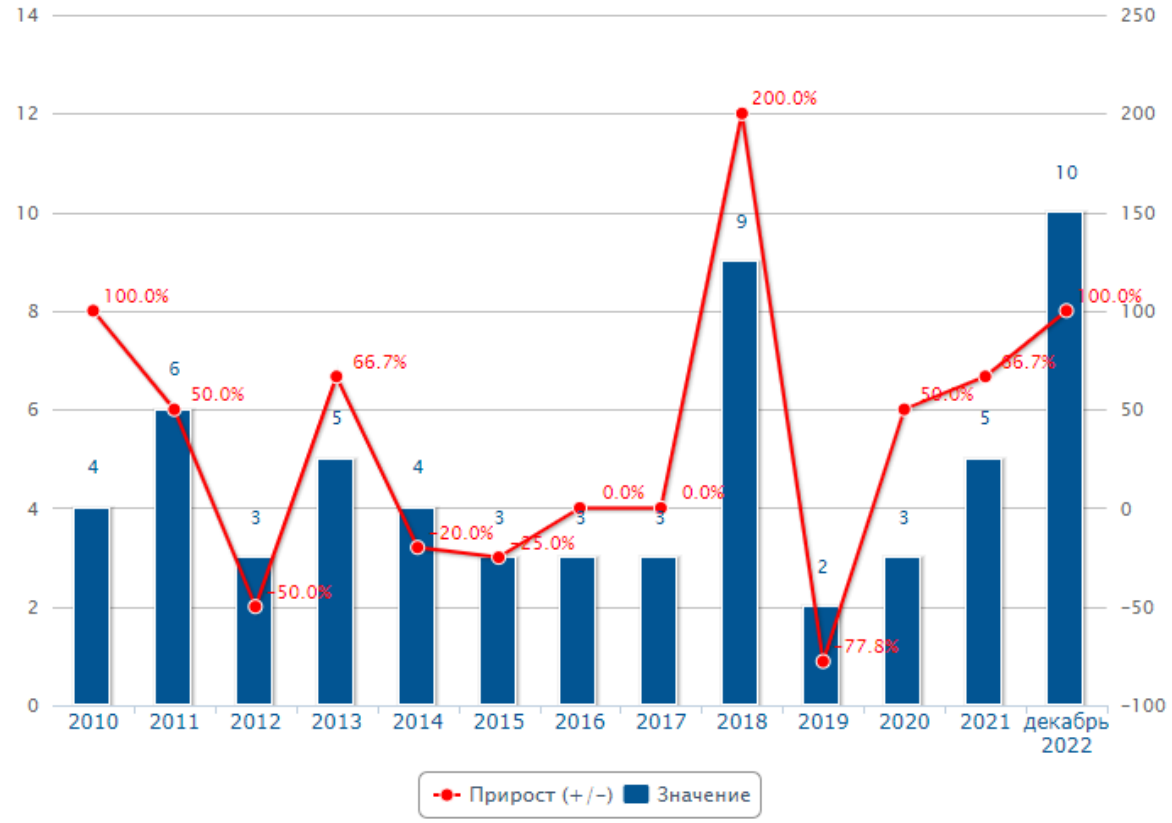

Рис. 4. Динамика по показателю «Зарегистрировано преступлений экстремисткой направленности» по Тамбовской области, 2010–2022 гг.
Fig. 4. Dynamics of the "Extremist crimes registered" indicator in the Tambov region, 2010–2022

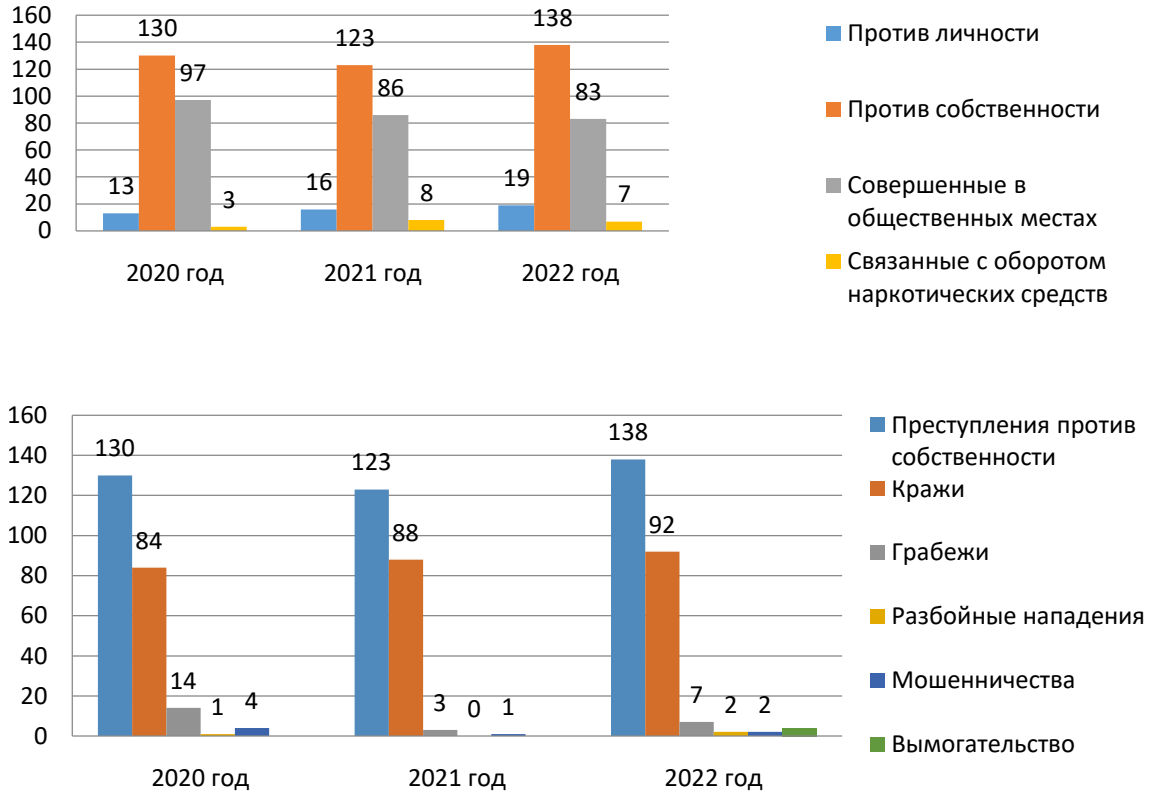

Рис. 5. Сведения по преступлениям, совершенных несовершеннолетними, 2020–2022 гг.
Fig. 5. Information on crimes committed by juveniles, 2020–2022

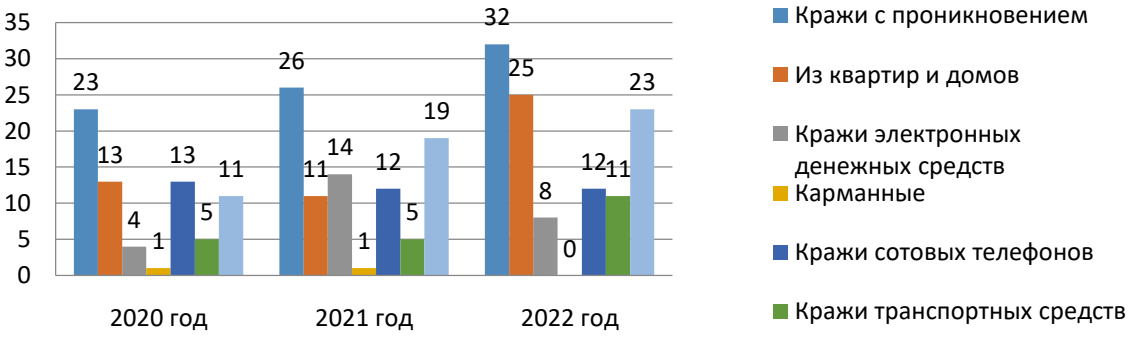

Рис. 6. Характеристика краж, совершенных несовершеннолетними, 2020–2022 гг.
Fig. 6. Characteristics of thefts committed by juveniles, 2020–2022

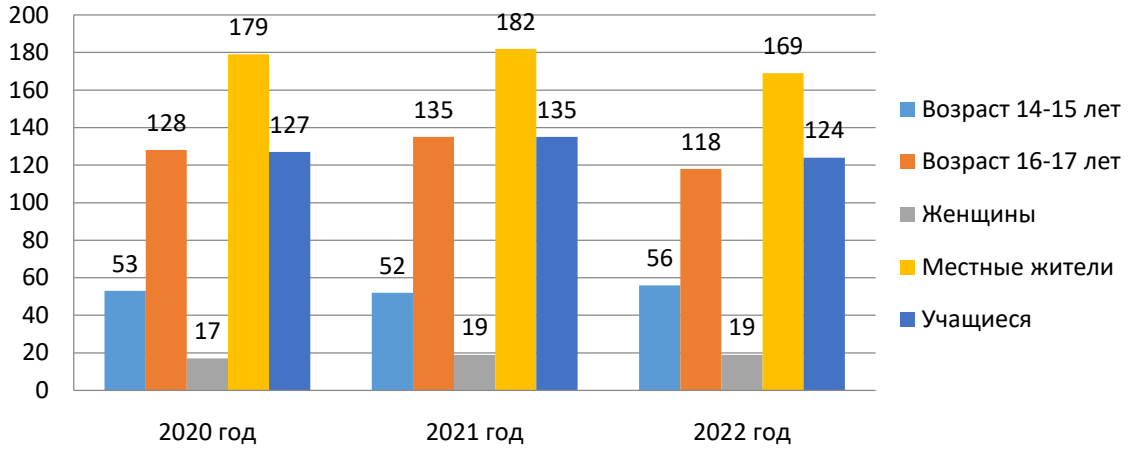

Рис. 7. Социальная характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления, 2020–2022 гг.
Fig. 7. Social characteristics of juveniles who committed crimes, 2020–2022

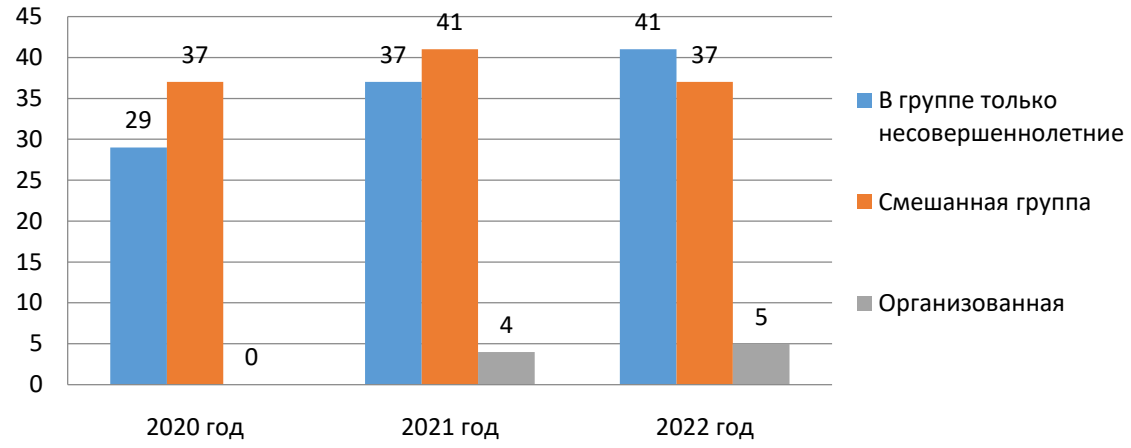

Рис. 8. Сведения о групповой преступности, 2020–2022 гг.
Fig. 8. Information on group delinquency, 2020–2022

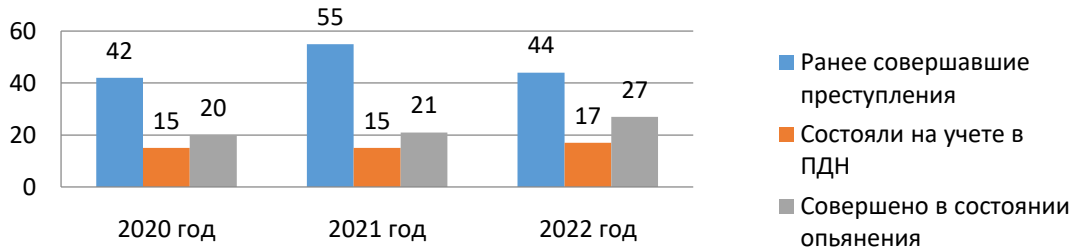

Рис. 9. Дополнительные сведения о несовершеннолетних, 2020–2022 гг.
Fig. 9. Additional information on juveniles, 2020–2022

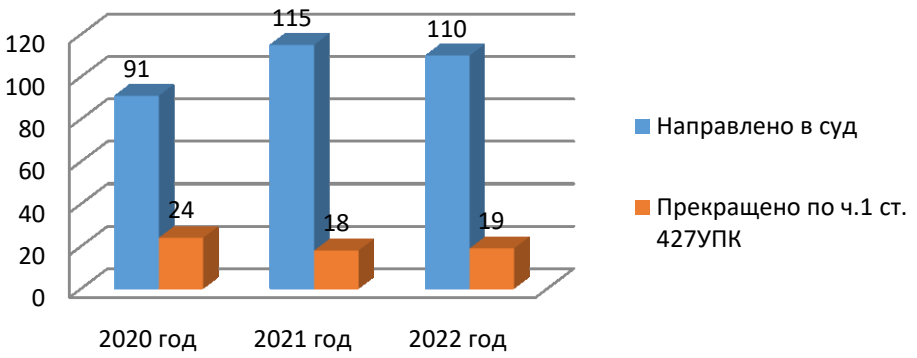

Рис. 10. Результаты рассмотрения уголовных дел по преступлениям, совершенных несовершеннолетними, 2020–2022 гг.
Fig. 10. Results of criminal case processing for crimes committed by juveniles, 2020–2022

В систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел. В указанных органах, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации, могут создаваться учреждения, осуществляющие отдельные функции по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Знание основ организационно-тактического обеспечения работы следователя, методов раскрытия и расследования преступлений, этических основ следственной работы, безукоризненное знание материального и процессуального уголовного законодательства, – все это является минимальными требованиями, предъявляемыми к лицу, занимающемуся расследованием преступлений несовершеннолетних [4, с. 201].

Семья – основа первичной социализации личности и основной источник детского благополучия. Именно в семье начинается процесс усвоения ребенком общественных норм и культурных ценностей, формируются как продуктивные, так и деструктивные паттерны поведения[6]. Исследование Д.А. Шестакова показывает, что негативное воздействие семьи на подростка может иметь последствия, проявляющиеся только в долгосрочной перспективе [5]. Согласно проведенному им исследованию, у каждого третьего взрослого преступника обнаруживается связь между его преступными наклонностями и негативным влиянием, которое он подвергся в семейной среде в период подросткового возраста[7]. Как показывает практика, одной из основных причин «становления» подростков на путь преступления являются семейное неблагополучие, безнадзорность и беспризорность. У несовершеннолетних, проживающих в таких семьях, сформировалась устойчивая модель противоправного поведения, попустительский, оправдательный стиль воспитания со стороны родителей несовершеннолетних, которая также играет негативную роль в формировании законопослушного поведения подростков. Преступность несовершеннолетних создает социальную основу для преступности взрослых и представляет реальную угрозу общественной безопасности и нормальному развитию общества и государства [6, с. 42].

[6] Старший инспектор ПДН Ю.В. Федорова «Профилактика семейного благополучия» // Газета «Сельчанка» Новичихинского района Алтайского края. 2022. URL: http://selchanka.com/articles/myi-i-zakon/profilaktika-semeynogo-blagopoluchiya.htm (дата обращения: 17.07.2023).

[7] Преступность молодежи в современной России: причины, тенденции, пути противодействия. URL: http://nauka-rastudent.ru/16/2522/ (дата обращения: 17.07.2023).

Таким образом, необходимо акцентировать внимание не только на несовершеннолетнем, а обязательно оценивать влияние членов семьи, рассматривать не только следствие, но и выяснять причины, которые привели к совершению несовершеннолетним правонарушения. Изучение преступности несовершеннолетних позволяет распознать различные виды и характеристики криминальной субкультуры, которые могут распространяться в случае отсутствия должного контроля со стороны общества. Таким образом, преступность несовершеннолетних имеет связь с прошлым, настоящим и будущим криминальной субкультуры [7, с. 20]. Необходимость разработки современной концепции формирования правовой культуры и правового сознания несовершеннолетних, а также создание условий для эффективной реализации права и повышения правовой активности воспитанников и выпускников воспитательных учреждений вызвана проводимыми реформами в сфере образования и государственной поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и принятием новых нормативных правовых предписаний [8, с. 5].

Вторым по значимости институтом социализации ребенка является школа, основной задачей которой является подача систематических знаний в основных областях человеческой деятельности. Важнейшую роль в школе играют высокообразованные педагоги со стойкой психологической подготовленностью в работе с трудными подростками, школьные психологи, которые могут работать не только с отдельной личностью ребенка, но также и с группой детей, а в случае необходимости и с семьей. При профилактике экстремизма среди несовершеннолетних особенно важно учитывать две группы причин: внешние факторы и психолого-возрастные особенности. Особую актуальность приобретает формирование установок толерантного поведения к окружающим, вовлечение в социально-одобряемый досуг, а также противодействие и конструктивная профилактика различных видов экстремизма среди несовершеннолетних [9].

Заключение

По вопросу профилактики преступности несовершеннолетних имеется множество законов и подзаконных актов, регулирующих данную сферу. Кроме уже перечисленных выше, можно привести в пример приказы МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», от 19 января 2015 г. № 31дсп «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов», от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении «Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», где практически пошагово прописаны алгоритмы действий в тех или иных случаях, права и обязанности сотрудников различных подразделений МВД.

У иных субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних имеются свои ведомственные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность в данной сфере.

Деятельность по профилактике детской преступности многогранна, иногда внешне не заметна, эмоционально сложна, но основными моментами деятельности в данной сфере являются:

– комплексность деятельности всех субъектов профилактики;

– исключение формализма в проводимой работе;

– индивидуальный подход к каждому подростку, с тщательным изучением его личности и обстоятельств, способствующих совершению правонарушения.

– возрождение досуговых центров;

– создание детских общественных организаций;

– совершенствование методов, направленных на повышение роли семьи в формировании личности;

– использование СМИ для профилактики и искоренения экстремизма и насилия в РФ[8].

[8] Профилактика экстремизма среди несовершеннолетних // Азбука воспитания. Это надо знать: профилактика экстремизма среди несовершеннолетних и в молодежной среде. URL: https://www.azbyka.ru/deti/ (дата обращения: 17.07.2023).

Список источников
1. *Васкэ Е.В.* Несовершеннолетние правонарушители. М.: Юрайт, 2023. 175 с.
2. Данелян Р.С., Мещерякова Т.Ф., Павленко Е.М. Преступность несовершеннолетних. М.: Юрайт, 2023. 221 с.
3. *Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И.* Криминология и предупреждение преступлений. М.: Юрайт, 2023. 356 с.
4. *Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И., Халиуллина А.Ф.* Общетеоретические основы расследования преступлений несовершеннолетних. М.: Юрайт, 2023. 205 с.
5. *Мулюкова А.А.* Каталонский кризис: история и современность // Правовая система современности: взгляд молодежи: материалы 8 Всерос. науч. конф. среди первокурсников / сост. Б.Н. Жунусова, В.В. Меньков, А.С. Маренков. Саратов: ИЦ «Приволжская книжная палата», 2018. 615 с.
6. *Ветошкин С.А.* Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. М.: Юрайт, 2023. 242 с.
7. Криминология и предупреждение преступлений: преступность несовершеннолетних / под ред. А.В. Ростокинского, Р.С. Данелян. 2-е изд. М.: Юрайт, 2023. 220 с.
8. *Сапогов В.М.* Правовая культура и правосознание несовершеннолетних. Работа с воспитанниками закрытых государственных учреждений. М.: Юрайт, 2023. 273 с.
9. *Рыжевалова А.Д.* Профилактика экстремизма среди несовершеннолетних // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 11 (62). С. 1173-1180. https://elibrary.ru/wqonrx

References
1. Vaske E.V. (2023). *Nesovershennoletnie pravonarushiteli* [Juvenile Delinquents]. Moscow, Urait Publ., 175 p. (In Russ.)
2. Danelyan R.S., Meshcheryakova T.F., Pavlenko E.M. (2023). *Prestupnost' nesovershennoletnikh* [Juvenile Delinquency]. Moscow, Urait Publ., 221 p. (In Russ.)
3. Afanas'eva O.R., Goncharova M.V., Shiyan V.I. (2023). *Kriminologiya i preduprezhdenie prestuplenii* [Criminology and Crime Prevention]. Moscow, Urait Publ., 356 p. (In Russ.)
4. Makarenko I.A., Zainullin R.I., Khaliullina A.F. (2023). *Obshcheteoreticheskie osnovy rassledovaniya prestuplenii nesovershennoletnikh* [General Theoretical Basis for the Investigation of Juvenile Delinquency]. Moscow, Urait Publ., 205 p. (In Russ.)
5. Mulyukova A.A. (2018). Katalonskii krizis: istoriya i sovremennost' [Catalan crisis: history and modernity]. *Materialy 8 Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii sredi pervokursnikov «Pravovaya sistema sovremennosti: vzglyad molodezhi»* [Materials of the 8th All-Russian Scientific Conference among the First-Year Students "Legal System of Modernity: the View of Youth"]. Saratov, Publishing Center "Privolzhskaya Book Chamber", 615 p. (In Russ.)
6. Vetoshkin S.A. (2023). *Profilaktika beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh* [Prevention of Child Neglect and Juvenile Delinquency]. Moscow, Urait Publ., 242 p. (In Russ.)
7. Rostokinskii A.V., Danelyan R.S. (eds.). (2023). *Kriminologiya i preduprezhdenie prestuplenii: prestupnost' nesovershennoletnikh* [Criminology and Crime Prevention: Juvenile Delinquency]. Moscow, Urait Publ., 220 p. (In Russ.)
8. Sapogov V.M. (2023). *Pravovaya kul'tura i pravosoznanie nesovershennoletnikh. Rabota s vospitannikami zakrytykh gosudarstvennykh uchrezhdenii* [Legal Culture and Legal Consciousness of Juveniles. Work with Inmates of Closed State Institutions]. Moscow, Urait Publ., 273 p. (In Russ.)
9. Ryzhevalova A.D. (2021). Profilaktika ehkstremizma sredi nesovershennoletnikh [Prevention of extremism among juveniles]. *Alleya nauki* [Alley of Science], vol. 1, no. 11 (62), pp. 1173-1180. (In Russ.) https://elibrary.ru/wqonrx

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 27.09.2023
Поступила после рецензирования / Revised 01.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 347.775
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-569-577
Шифр научной специальности 5.1.3

Правовой режим оборота информации

© БЛИНКОВА Елена Викторовна,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», Российская Федерация, 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева», Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское ш., 34, https://orcid.org/0000-0002-0748-1252, elenablinkova@inbox.ru
© АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», Российская Федерация, 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1, https://orcid.org/0000-0001-6971-5491, a.e.o.77@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрены проблемные вопросы совершения сделок с уникальным объектом, которым является информация. Рассмотрено определение информации посредством анализа нормативно-правовых актов и ее значимости в современный период времени. Сегодня такой объект сделки может особым образом повлиять на различные сферы деятельности, например, такие как сельское хозяйство, развитие IT-отрасли, переход государства на отечественные цифровые форматы и многое другое. Особую важность приобретает возмездное предоставление информации в связи с тотальной привязкой всех сфер жизни граждан к дебетовым и кредитным картам. Такая информация при ее распространении либо утрате кредитными организациями несет достаточно проблемные процессы для гражданского общества, ведь на ее основе достаточно легко провести анализ и вычислить не только место нахождения человека, его интересы, но и даже сферу деятельности и увлечения. Слабая защищенность персональных данных позволяет разрабатывать новые технологии психологического воздействия на граждан и уже с их помощью переводить средства потерпевших, накопленные на персональных счетах, в сторонние организации и чужую собственность. Искаженная и ничем не поддерживаемая информация, которую могут освещать средства массовой информации, уже имеющие имя и репутацию ответственных и честных информационных компаний, способна создать негативное мнение как у определенной категории граждан, так и у мирового сообщества. Такие действия с искажением приобретенной информации могут даже повлиять на политическую и экономическую ситуацию во всем мире. Итак, информация, ее приобретение, распространение, искажение, многоразовое использование и защита в XXI веке является самым грозным, влиятельным и одним из ведущих сегментов для деятельности в любом направлении развития человечества, в том числе и в коммерческой сфере.

Ключевые слова

гражданское законодательство, информация, договор купли-продажи, информационные технологии и ресурсы, общественные связи, гражданская и уголовная ответственность, защита данных

Для цитирования
Блинкова Е.В., Ананьева Е.О. Правовой режим оборота информации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 569-577. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-569-577

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-569-577

Legal regime of information turnover

© Elena V. BLINKOVA,
Dr. habil. (Law), Professor, Professor of Civil Law and Procedure Department, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russian Federation; Professor of Civil and Business Law Department, Samara National Research University, 34 Moskovskoe Rte., Samara, 443086, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-0748-1252, elenablinkova@inbox.ru
© Ekaterina O. ANAN'EVA,
PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Civil Law and Procedure Department, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0001-6971-5491, a.e.o.77@yandex.ru

Abstract
The study examines the problematic issues of making transactions with a unique object, which is information. We consider the definition of information through the analysis of normative legal acts and its significance in the modern period of time. Today, such a transaction object can have a special impact on various fields of activity, for example, such as agriculture, the development of the IT industry, the transition of the state to domestic digital formats, and much more. The provision of information for a fee is of particular importance in connection with the total linking of all spheres of citizens' lives to debit and credit cards. Such information, when it is distributed or lost by credit organizations, carries quite problematic processes for civil society, because on its basis it is easy enough to analyze and calculate not only the location of a person, his interests and even the sphere of activity and hobbies. The weak protection of personal data makes it possible to develop new technologies of psychological impact on citizens and already with their help transfer victims' funds accumulated in personal accounts to third-party organizations and other people's property. Distorted and unsupported information that can be covered by mass media that already have the name and reputation of responsible and honest information companies can create a negative opinion among both a certain category of citizens and the world community. Such actions with the distortion of acquired information can even affect the political and economic situation around the world. So, information, its acquisition, dissemination, distortion, reusable use and protection in the 21st century is the most formidable, influential and one of the leading segments for activities in any direction of human development, including in the commercial sphere.

Keywords
civil legislation, information, agreement of sale and purchase, information technologies and resources, public relations, civil and criminal liability, data protection

For citation
Blinkova, E.V., & Anan'eva, E.O. (2023). Legal regime of information turnover. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 569-577 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-569-577

Введение

Развитие любого субъекта экономической деятельности в современную эпоху связано с разработкой и внедрением в производство новейших технологий. Это приводит к появлению специальных слов и терминов. Активные деловые и торговые связи расширяют возможности общения носителей языка с носителями других языков. В процессе развития и расширения современного бизнеса особенно важны отрасли, связанные с изучением бизнес-терминологии. Результатом многих таких процессов является появление целых блоков информации, которые иногда становятся одной из важней-

ших составляющих развития любой отрасли, политики и развития торговых процессов.

Информация является одним из дорогостоящих объектов для проведения сделок. Это ценный товар, на который устанавливается цена. В текущем веке молниеносное развитие современных технологий, связанных со Всемирной паутиной, заменили для человечества почти все сферы жизнедеятельности. Виртуальные магазины, новостные интернет-источники, беспилотное такси – цифровизация коснулась абсолютного большинства общественных сфер. Тем не менее, появление новых технологий и их активное внедрение в жизнь общества предопределило возникновение ранее неизвестных социальных рисков, способных представлять угрозу для всего человечества. Кроме того, подобное развитие, которое непосредственным образом связано с привязкой конкретной личности к виртуальным счетам и картам, стало причиной практически полной зависимости человека от Интернета. Пиком развития такой привязки стала ситуация, сложившаяся в 2019–2020 гг. в связи с массовым заболеванием, когда основной возможностью приобретения товаров, в том числе лекарственных средств, стали покупки посредством онлайн-заказов. Все для человека привязаны к пластиковым картам, которые содержат достаточно большое количество привязанных к ним персональных данных личности.

Проблемы теории и практики оборота информации находятся в центре внимания исследователей общественных отношений в эпоху цифровизации, что нашло отражение в работах, посвященных вопросам легального закрепления информации в качестве объекта гражданских прав (например, в работах Д.С. Лебедева и А.О. Яценко [1], М.Б. Смоленского и Н.С. Левшина [2]), защите персональных данных в условиях развития информационного общества (например, научные труды И.П. Волошина [3], Л.А. Еникеевой и А.П. Дурандиной [4], Т.Ф. Шайхутдиновой [5]), правам человека и гражданина в сфере пользования информацией (например, работа А.А. Шаповой [6]), юридической ответственности в сфере применения информационных технологий (например, работы С.Н. Клименко [7], Л.К. Терещенко [8]), отдельным вопросам создания и использования информационных продуктов, а также характеристике реализующих их рынка (например, в трудах А.С. Байрамуковой [9], Н.П. Кононовой и Э.Д. Кононова [10], Е.А. Пятковой и Т.А. Серебряковой [11]).

Результаты исследования

В мире, где информация становится все более ценным ресурсом, она может стать объектом возмездного договора. Информация может быть возмездно приобретена в виде баз данных, программного обеспечения, патентов, авторских прав и мн. др. Однако перед тем, как заключить сделку, необходимо убедиться в том, что информация является законным объектом договора. Достаточно длительное время персональные данные пользователей, которые распространялись ими в сети Интернет, являлись бесплатным инструментом для бизнес-структур. Для представителей бизнеса существовал единственный вопрос, касающийся лишь организационных моментов: сбора, анализа и использования.

В настоящий момент ситуация коренным образом меняется, что предопределено развитием правового регулирования в данной сфере. Так, регулирующие органы посредством принятия законов существенно ограничивают возможности ИТ-компаний и предоставляют широкий спектр прав и свобод пользователям, включая возможность осуществления контроля над предоставляемой информацией. В результате этого укрепляет свои позиции точка зрения о том, что информация имеет свою цену, и почти за каждым действием, которое пользователи совершают в Интернете, стоит какая-то форма манипулирования их личной информацией.

Это больше не устраивает пользователей – опросы, проведенные в Сети, свидетельствуют о росте общественного негатива из-за того, как компании справляются с персональными данными. В первую очередь, необходимо убедиться в том, что информация не нарушает авторских прав. Если информация была аккумулирована (собрана) другим лицом, то правообладатель должен иметь право на ее отчуждение. В противном случае, приобретатель может

столкнуться с юридическими проблемами в будущем[1].

Кроме того, необходимо убедиться, что информация не является конфиденциальной. Если информация была получена от третьих лиц в рамках режима конфиденциальности, то правообладатель не имеет права на ее отчуждение без согласия этих лиц. В противном случае, приобретатель может столкнуться с юридическими проблемами в будущем. Также необходимо убедиться в том, что информация не нарушает законодательства. Например, передача информации о клиентах без их согласия может нарушать законы о защите персональных данных. В таком случае, покупатель может столкнуться с юридическими проблемами в будущем. Бывшему канцлеру Германии А. Меркель принадлежит идея о необходимости прикрепления ценников к личным данным пользователей в целях сокращения разрыва между бизнесом в традиционном понимании и ИТ-сектором, а также повышения уровня осознания ценности личной информации. Таким образом, персональные данные предлагается рассматривать с юридической точки зрения в качестве материала для ведения бизнеса[2].

Однако с экономической точки зрения данное предложения видится весьма необоснованным в силу того, что достаточно сложно описать информацию и включить ее в концептуальные рамки. Более того, использование информации представляется неограниченным ресурсом, в отличие, например, от природных ресурсов. Помимо этого, в отдельных случаях информация, ранее будучи ресурсом, становится результатом работы, что является особым полем для юридических и технологических дискуссий.

Качественное изменение общественной жизни в зависимости от происходящего прогресса информационных технологий привело к модернизации норм и гражданского законодательства, а именно регламентации новых видов объектов гражданских прав. В 2019 г. на рубеже разделения жизни человечества на до и постпандемийное существование с помощью Федерального закона № 34-ФЗ в гражданском законодательстве закрепляется новая категория объектов гражданских прав – цифровые права, которая включают в себя цифровые технологии по оплате (цифровые деньги, бесконтактные платежи и иное), сбору информации, личные данные пользователей мировой Сети. Но стоит помнить, что перед заключением договора о возмездном предоставлении информации необходимо убедиться в ее актуальности и точности. Если информация устарела или содержит ошибки, то приобретатель может потерять деньги и время на ее использование.

В настоящий момент собственный аккаунт имеет практически каждый член общества, на котором хранятся принадлежащие ему персональные данные, а также различная информация личного характера, включая фото- и видеоматериалы[3]. Более того, платежи, денежные переводы и иные денежные операции могут осуществляться посредством личных аккаунтов. Такие цифровые платформы, которые напрямую связаны с конкретным человеком, могут послужить основой для создания системы умного дома. И именно в отношении этих объектов гражданских прав в последние годы направлено особенно сильное влияние криминального элемента [12, с. 15].

Однако, анализируя бизнес-сферу, основанную на продаже информации, стоит обратить внимание на активно расширяющийся перечень организаций инфобизнеса. В мире, где информация становится все более ценным ресурсом, инфопродукты становятся все более популярными. Инфопродукты представляют собой различные виды информации, которые могут быть проданы или куплены в виде комплекса книг, видеоуроков, онлайн-курсов, аудиокниг и мн. др. Спрос высок, рост бизнеса не ограничен. При грамотном управлении инфобизнес может приносить от нескольких тысяч до нескольких миллионов рублей в месяц. Однако перед тем как определить стоимость инфопродукта, необходимо убедиться в его ценности. В пер-

[1] Смена парадигмы // Хабр. 2018. 2 авг. URL: https://habr.com/ru/company/cloud_mts/blog/419067/ (дата обращения: 01.07.2023).

[2] Как продать персональные данные, или почему сложно повесить ценник на информацию // Пасрес Харбра. 2018. 2 авг. URL: http://habrparser.blogspot.com/2018/08/blog-post_52.html (дата обращения: 01.06.2023).

[3] О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция). Допуск из СПС КонсультантПлюс.

вую очередь, необходимо убедиться в том, что инфопродукт содержит актуальную и полезную информацию. Если информация устарела или неполна, то она может быть бесполезной для приобретателя. Кроме того, необходимо убедиться в том, что информация представлена в удобном и понятном формате. Если информация трудно воспринимается или плохо организована, то она может не иметь ценности для приобретателя.

Необходимо учитывать авторитетность автора инфопродукта. Если автор является признанным экспертом в своей области, то его инфопродукт может иметь большую ценность для приобретателя. Кроме того, репутация автора может повлиять на доверие приобретателя к инфопродукту.

Также необходимо учитывать конкуренцию на рынке инфопродуктов. Если на рынке уже есть множество аналогичных инфопродуктов, то цена на новый инфопродукт может быть ниже. В таком случае автору необходимо проявить креативность и предложить что-то уникальное и ценное для приобретателя. Кроме того, стоит просчитать затраты на создание инфопродукта. Если автор потратил много времени и средств на его создание, то его цена может быть выше. Однако высокая цена на инфопродукт может отпугнуть потенциальных приобретателей. Анализ такого товара означает, что определение его стоимости зависит от многих факторов, таких как актуальность и полезность информации, авторитетность автора, конкуренция на рынке и затраты на создание инфопродукта. При определении цены на инфопродукт необходимо учитывать все эти факторы и предложить приобретателю ценность, которая будет соответствовать его ожиданиям и потребностям.

В Российской Федерации инфобизнес начал свое становление относительно недавно, около 10 лет назад, однако с развитием интернет-продаж стал активно использоваться в основе многих интернет-продуктов, включая образовательные программы. Отметим, что этому во многом поспособствовали социальные сети, которые являются «двигателем» таких товаров. На сегодняшний день инфобизнес представляет собой перспективное и востребованное направление, в связи с чем быстро набирает обороты и вовлекает в свои ряды не только представителей профессиональной сферы бизнеса, но и отдельных категорий граждан, желающих заработать крупные денежные суммы. Специфика инфорпродуктов основывается на нескольких уже устоявшихся критериях. Особенность продажи такого товара основывается на том, что единожды созданный инфотовар подлежит неоднократному использованию, ценность инфотовара всегда зависит от репутации и мнения авторитетного эксперта, а главное – всегда обывателю будет сложно определить реальную цену такого продукта[4].

Основной смысл функционирования подобного вида бизнеса заключается не только в создании продукта, отвечающего стандартам качества, но и правильном подборе и сопровождении рекламной компании. Отметим, что существует некоторая формула, согласно которой единоразовое создание продукта должно повлечь за собой многократные продажи. Исходя из этого, одним из актуальных вопросов в продвижении данного направления является поиск потенциальных клиентов. Остается только разобраться с тем, что такое инфопродукт и как его сделать наиболее привлекательным для продажи.

«Информационные продукты (продукция) – документированная информация, подготовленная в соответствии с потребностями пользователей и предназначенная или применяемая для удовлетворения потребностей пользователей» [13]. Проблематика определения данного понятия является весьма актуальной в научных кругах, поскольку рассмотрение и установление теоретических основ развития информационных технологий представляют собой особое значение для дальнейшей законодательной регламентации.

В соответствии с ГОСТ 7.0-99 информационный продукт определяется как «документы и базы данных, информационные массивы и услуги, созданные в результате функционирования информационных систем

[4] Руководство: как продавать инфопродукты в Интернете // Openbusiness.ru. 2020. 4 апр. URL: https://www.openbusiness.ru/biz/business/kak-prodavat-infoprodukty/ (дата обращения: 01.07.2023).

и компаний»[5]. Таким образом, в качестве информационного продукта можно рассматривать все программы, статьи, баннеры и даже целые веб-сайты.

Причины интереса к созданию и продвижению инфопродуктов достаточно просты и объясняются тем, что при правильном и эффективном использовании такого продукта появляется возможность создания постоянного финансового и доходного потока. Продавать одну и ту же информацию порой возможно в течение нескольких лет. Исключения в данном случае могут составлять бьютиндустрия, маркетинг, реклама и сфера фондового рынка. Тиражирование инфопродукции не предполагает индивидуальной работы с конкретным клиентом и чаще всего ставится на поток. Одна и та же информация имеет возможное применение в различных сферах жизни: строительство, приобретение финансовых продуктов, поиск рабочих и т. д. Такое свойство профессионалами инфорынка называется индивидуализацией продукта, которое связано исключительно с легкой промышленностью, направленной на широкие массы населения. Раскрутка рекламных предложений не требует на интернет-просторах больших затрат, а при достаточно большой аудитории обходится небольшим капиталом. При сегодняшних технологиях и наличии алгоритма действий заниматься подобной раскруткой может даже школьник.

Однако стоит обратить внимание на то, что цифровые платформы по предоставлению инфопродуктов основаны на цифровой оплате. Cookies файлы и обязательное согласие на обработку персональных данных, в которые может вноситься различная информация личного характера о посетителе сайта, предоставляет возможность мошенникам отслеживать посетителей в целях хищения личных данных и денежных средств.

Существенное упрощение процедуры сбора информации предопределяет наличие риска утечки личных данных, включающих в себя данные о личной жизни, о местоположении, имуществе и др., заинтересованным третьим лицам для последующего использования в преступных целях. Как правило, правообладатели сайтов не дают доступа к своим ресурсам без согласия лица на предоставление личной информации и согласия на ее обработку. В современном мире, где информация играет огромную роль, защита данных становится все более важной. Каждый день мы передаем и храним огромное количество информации, начиная от личных данных до банковских и корпоративных данных. Поэтому обеспечение безопасности информации является ключевым фактором для предотвращения кражи данных и других преступлений.

В первую очередь, необходимо понимать, что защита информации начинается с нас самих. Необходимо быть осторожными при передаче личных данных через Интернет, таких как пароли, номера кредитных карт и других конфиденциальных данных. Никогда не следует передавать такую информацию через ненадежные сайты или по электронной почте. Кроме того, необходимо использовать надежные пароли для своих аккаунтов и периодически менять их. Пароль должен содержать как буквы, так и цифры, а также символы. Также необходимо использовать различные пароли для разных аккаунтов, чтобы в случае утечки данных одного аккаунта другие аккаунты остались защищенными. Для защиты данных на компьютере или мобильном устройстве необходимо использовать антивирусное программное обеспечение и периодически обновлять его. Только такое обеспечение также относится к категории информации и инфопродукта, а значит может содержать в себе определенные моменты, связанные с возможностью взлома и несанкционированного сбора данных (кражи).

Также можно использовать файрвол для блокировки несанкционированного доступа к вашему устройству. Специалисты предлагают использовать VPN-сервисы для шифрования данных при передаче через общественные сети. Однако с 1 марта 2024 г. в России ожидается блокировка таких сервисов, и пока остается непонятным, какие из них перестанут действовать в российском сегменте рынка инфоуслуг.

[5] Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу информационно-библиотечная деятельность, библиография. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200004287 (дата обращения: 01.06.2023).

Кроме того, необходимо быть осторожными при использовании общественных Wi-Fi сетей, так как они могут быть небезопасными и подвержены взлому. Говоря об этической стороне применения современных информационных технологий, следует указать на право человека на справедливость, а также на общественную потребность в защите со стороны государства при возникновении новых рисков и угроз. Новообразованные отношения затрагивают абсолютное большинство общественных групп, а также сложную иерархию нормативных правовых актов в Российской Федерации.

Выводы

На сегодняшний день общество развивается достаточно быстрыми темпами, остановить которые не представляется возможным. Информационные продукты и услуги, призванные улучшить и определенным образом упростить жизнь человека, стали повседневной и неотъемлемой потребностью каждого представителя общественности. В связи с активным становлением данных направлений наблюдается процесс трансформации в части законодательства, например, появились новые объекты гражданских прав (статья 128 ГК РФ) [14, с. 158]. Тем не менее, вопрос защиты цифровых данных, носящих личный характер, на данный момент времени не определен, что подтверждается утечкой информации, собираемой в том числе органами государственной власти.

Таким образом, информация может стать объектом возмездного договора, но перед заключением сделки необходимо убедиться в том, что информация является законным объектом договора и не нарушает законодательство. Кроме того, ее актуальность и точность, а также правовая регламентация в действующем законодательстве поможет избежать юридических проблем в будущем и защитить интересы приобретателя.

Список источников

1. *Лебедев А.С., Яценко А.О.* Информация как объект гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 163-167. https://elibrary.ru/uqwacy
2. *Смоленский М.Б., Левшин Н.С.* К дискуссии о легальном закреплении информации в качестве объекта гражданских прав // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12 (103). С. 105-107. https://elibrary.ru/yovzzj
3. *Волошин И.П.* Защита информации в информационных системах персональных данных // Информационная безопасность регионов. 2016. № 1 (22). С. 12-15. https://elibrary.ru/vsbrkr
4. *Еникеева Л.А., Дурандина А.П.* Организация защиты персональных данных в банковских информационных системах Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. 2018. № 4. С. 102-119. https://elibrary.ru/yrydad
5. *Шайхутдинова Т.Ф.* Защита информации как приоритетная задача обеспечения информационной безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 262-265. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-262-265, https://elibrary.ru/iahjbs
6. *Шапова А.А.* Конституционное право свободно производить информацию в системе информационных прав личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 4. С. 462-468. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-4-462-468, https://elibrary.ru/fdoqpv
7. *Клименко С.Н.* К вопросу о юридической ответственности за нарушения законодательства Российской Федерации в области информационной безопасности: проблемы, перспективы // Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82). С. 87-94. https://elibrary.ru/vdghwf
8. *Терещенко Л.К.* Тенденции установления административной ответственности в информационной сфере // Журнал российского права. 2017. № 10 (250). С. 61-71. https://doi.org/10.12737/article_59c4d75ed92366.10449669, https://elibrary.ru/zigcgh
9. *Байрамукова А.С.* Рынок информационных продуктов и услуг: особенности формирования, структура // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 2-3. С. 65-69. https://elibrary.ru/pqlfvv

10. *Кононова Н.П., Кононов Э.Д.* Специфика информационного продукта и информационного рынка // Омский научный вестник. 2006. № 5 (39). С. 150-153. https://elibrary.ru/hvovub
11. *Пяткова Е.А., Серебрякова Т.А.* Государственное регулирование рынка информационных услуг и продуктов // Вестник науки. 2018. № 2 (2). С. 61-62. https://elibrary.ru/xsnuvf
12. *Ананьева Е.О., Бондаренко А.В., Лукьянов М.Ю.* Гражданско-правовое регулирование вопросов цифровизации общества // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 14-18. https://elibrary.ru/fsqnug
13. *Олатойе М.Э.* «Информационные продукты» и «информационные услуги» в современном обществе // Вестник МГУКИ. 2009. № 5 (31). С. 196-201. https://elibrary.ru/kyzryj
14. *Ананьева Е.О., Ивлиев П.В.* Правовое регулирование цифровых объектов гражданских прав // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 157-159. https://elibrary.ru/jwnzmu

References

1. Lebedev A.S., Yatsenko A.O. (2017). Information as an object of civil law. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, vol. 3 (69), no. 4, pp. 163-167. (In Russ.) https://elibrary.ru/uqwacy
2. Smolenskii M.B., Levshin N.S. (2018). K diskussii o legal'nom zakreplenii informatsii v kachestve ob"ekta grazhdanskikh prav [On the discussion about the legal consolidation of information as an object of civil rights]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, no. 12 (103), pp. 105-107. (In Russ.) https://elibrary.ru/yovzzj
3. Voloshin I.P. (2016). Data protection in information systems with personal data. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov = Information Security of Regions*, no. 1 (22), pp. 12-15. (In Russ.) https://elibrary.ru/vsbrkr
4. Enikeeva L.A., Durandina A.P. (2018). Organization of the personal data protection in the banking information systems in the Russian Federation. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal = Petersburg Economic Journal*, no. 4, pp. 102-119. (In Russ.) https://elibrary.ru/yrydad
5. Shaikhutdinova T.F. (2023). Information protection as a priority task of ensuring information security in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1, pp. 262-265. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-262-265, https://elibrary.ru/iahjbs
6. Shapova A.A. (2019). The constitutional right of everyone to freely produce information in the system of personal information rights. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, no. 4, pp. 462-468. (In Russ.) https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-4-462-468, https://elibrary.ru/fdoqpv
7. Klimenko S.N. (2015). About legal responsibility for violations of the low of the Russian Federation in the field of information security: problems and prospects. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, no. 10 (82), pp. 87-94. (In Russ.) https://elibrary.ru/vdghwf
8. Tereshchenko L.K. (2017). Trends in the establishment of administrative responsibility in the information sphere. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 10 (250), pp. 61-71. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/article_59c4d75ed92366.10449669, https://elibrary.ru/zigcgh
9. Bairamukova A.S. (2008). Rynok informatsionnykh produktov i uslug: osobennosti formirovaniya, struktura [Market of information products and services: features of formation, structure]. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta = Economic Herald of Rostov State University*, no. 2-3, pp. 65-69. (In Russ.) https://elibrary.ru/pqlfvv
10. Kononova N.P., Kononov E.D. (2006). Specific features of informational product and informational market. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, no. 5 (39), pp. 150-153. (In Russ.) https://elibrary.ru/hvovub
11. Pyatkova E.A., Serebryakova T.A. (2018). Gosudarstvennoe regulirovanie rynka informa-tsionnykh uslug i produktov [State regulation of the market of information services and products]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], no. 2 (2), pp. 61-62. (In Russ.) https://elibrary.ru/xsnuvf
12. Anan'eva E.O., Bondarenko A.V., Luk'yanov M.Yu. (2022). Civil law regulation of issues of digitalization of society. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, no. 8 (171), pp. 14-18. (In Russ.) https://elibrary.ru/fsqnug
13. Olatoie M.E. (2009). «Informatsionnye produkty» i «informatsionnye uslugi» v sovremennom obshchestve ["Information products" and "information services" in modern society]. *Vestnik MGUKI = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, no. 5 (31), pp. 196-201. (In Russ.) https://elibrary.ru/kyzryj

14. Anan'eva E.O., Ivliev P.V. (2022). Legal regulation of digital objects of civil rights. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, no. 4 (167), pp. 157-159. (In Russ.) https://elibrary.ru/jwnzmu

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 29.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 02.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 343.237
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-578-585
Шифр научной специальности 5.1.4

Институт соучастия в российском уголовном праве на современном этапе

© ВАСИЛЕНКО Александра Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, https://orcid.org/0000-0003-4029-8502, ScopusID: 57191278848, vasilenko-as@rudn.ru

Аннотация

Рассмотрена тема соучастия в преступлении, актуальность которой не вызывает сомнений и подтверждается приведенными статистическими данными, а также приведенным освещением дискуссионных вопросов, связанных с заявленной тематикой. В качестве объекта исследования выступают общественные отношения, связанные с выявлением и установлением ответственности за умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступного деяния. Предмет исследования составили доктринальные подходы к соучастию и его формам, нормы отечественного уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления, а также практика правоприменения этих норм. Цель исследования предполагает комплексное изучение института соучастия в преступлении в российском уголовном праве. Проанализированы виды (исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник) и формы (группа лиц без предварительного сговора, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество) соучастия. В заключение отмечено, что правовая природа соучастия базируется на признании в доктрине уголовного права двух групп признаков – объективных и субъективных, которые имеют значение для определения количественного состава преступников, их умысла на совершение преступления, связи между ними.

Ключевые слова

соучастие, виды соучастия, формы соучастия, организатор преступления, преступное сообщество

Для цитирования

Василенко А.С. Институт соучастия в российском уголовном праве на современном этапе // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 578-585. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-578-585

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-578-585

Institute of complicity in Russian criminal law at the present stage

© Alexandra S. VASILENKO,
PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklouho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0003-4029-8502, ScopusID: 57191278848, vasilenko-as@rudn.ru

Abstract

The topic of complicity in a crime is considered, the relevance of which is beyond doubt and is confirmed by the statistical data provided, as well as the given coverage of controversial issues related to the stated topic. The object of the study is social relations related to the identification and establishment of responsibility for the intentional joint participation of two or more persons in the commission of a criminal act. The subject of the study was doctrinal approaches to complicity and its forms, the norms of domestic criminal legislation regulating liability for the intentional joint participation of two or more persons in the commission of a crime, as well as the practice of law enforcement of these norms. The purpose of the study involves a comprehensive study of the institution of complicity in a crime in Russian criminal law. The types (perpetrator, organizer, instigator and accomplice) and forms (group of persons without prior agreement, group of persons with prior agreement, organized group, criminal community) of complicity are analyzed. In conclusion, it is noted that the legal nature of complicity is based on the recognition in the doctrine of criminal law of two groups of characteristics – objective and subjective, which are important for determining the quantitative composition of criminals, their intent to commit a crime, and the connection between them.

Keywords

complicity, types of complicity, forms of complicity, crime organizer, criminal community

For citation

Vasilenko, A.S. (2023). Institute of complicity in Russian criminal law at the present stage. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 578-585 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-578-585

Введение

Тема соучастия в преступлении является одной из ключевых для уголовного права как с теоретической, так и с практической точки зрения, что обусловлено рядом предпосылок. Во-первых, преступления, совершенные несколькими лицами, априори, отличаются своей повышенной общественной опасностью. Во-вторых, преступления, совершенные несколькими лицами, требуют особого внимания со стороны правоохранительных и судебных органов.

Институт соучастия прошел длительный путь своего закрепления в уголовном законодательстве России. Учитывая комплексный и сложный характер его содержания, можно отметить сохраняющуюся актуальность исследования этого правового института на современном этапе. В этом контексте в научной литературе, по нашему мнению, справедливо отмечается, что понятие соучастия «требует четких позиций в понимании всех уголовно-правовых институтов и выработки рекомендаций, необходимых практике» [1, с. 3]. Полагаем, что особое значение данный институт имеет для отправления правосудия и квалификации преступного деяния, совершенного несколькими лицами. Законодательному регулированию соучастиия на современном этапе посвящена глава VII Уголовного кодекса РФ[1], где установлены признаки, виды и формы соучастия.

На современном этапе количество преступлений, совершенных в соучастии, является достаточно высоким. Статистические данные, приведенные в отчете Главного аналитического центра МВД России, свидетельствуют о том, что за 2022 г. преступления, совершенные организованными группами или преступ-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

ными сообществами, возросли на 21,4 % по сравнению с 2021 г. (26 тыс. преступлений)[2]. В дополнение к этому важно отметить, что отдельные преступные деяния отличаются постоянностью, например, преступления, совершенные несовершеннолетними. Так, среди преступлений несовершеннолетних, совершенных организованной группой либо преступным сообществом (преступной организацией), в 2020 г. выделено 429, в 2021 – 634, в 2022 – 512[3]. Несмотря на то, что в количественном соотношении этих показателей прослеживается и динамика снижения преступлений несовершеннолетних при соучастии, однако их удельный вес по-прежнему продолжает быть достаточно большим среди иных преступлений.

На современном этапе доктринальные походы к соучастию в совершении преступлений нашли отражение в трудах А.В. Шеслера [2; 3], А.А. Берсенева и А.В. Мирошниченко [4], Н.С. Грудинина [5], Л.М. Прозументова [6] и др. Вместе с этим вопросы, связанные с формами и видами соучастия в преступлениях, их спецификой, тенденциями и перспективами регламентации в уголовном законодательстве, требуют дальнейшего теоретического изучения в логичной взаимосвязи с действующим законодательством и сложившейся на данный момент юридической практикой.

Результаты исследования

Институт соучастия является одним из сложных, но вместе с тем важнейшим в системе уголовного права. Его значение велико не только в теории, но и на практике, поскольку именно посредством признания соучастия можно правильно решить вопрос об уголовной ответственности лиц, которые не выступали в роли непосредственных исполнителей преступления, но играли не менее важные роли, способствующие совершению преступления – организатора, подстрекателя, пособника. С помощью института соучастия можно проанализировать роль каждого лица в совершении совместного преступного деяния, характеризуемого более повышенной общественной опасностью, правильно квалифицировать действие (бездействие) каждого из лиц, задействованных в этом процессе.

Согласно статье 33 УК РФ, перечень видов соучастия включает в себя исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника. Все эти роли предполагают совершение определенного перечня действий (бездействия), которые в совокупности образуют соучастие в преступлении. Как мы видим из перечня видов соучастников преступления, установленных в УК РФ, предусматривается одна роль, которая связана с непосредственным участием в осуществлении объективной стороны преступления (исполнитель), а также иные роли, которые непосредственно не выполняют действия, образующие объективную сторону преступления (организатор, подстрекатель, пособник). Поэтому справедливо полагать, что в качестве основной цели, которую преследует законодатель при определении видов соучастников преступления, выступает правильное обоснование особых условий уголовной ответственности всех лиц, так или иначе относящихся к совершению преступного деяния.

При этом необходимо отметить, что на современном этапе сохраняется дискуссионность в вопросе классификации соучастников преступления. Общепринято, что в основе данной классификации находится критерий фактического участия в совершении преступления. К примеру, А.А. Пионтковский выступал за деление всех соучастников на главных и второстепенных, учитывая в качестве критерия такого деления степень вины каждого лица [7, с. 566]. П.Ф. Тельнов подчеркивает важность признания объективных критериев для характеристики каждой из ролей соучастников, полагает, что правильная интерпретация роли каждого соучастника способствует более законной квалификации совместно совершенного преступления и установлению за него ответственности [8, с. 67].

Это прослеживается и в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», где говорится о том, что судом при определении степени общественной

[2] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2023. 20 янв. URL: https://media.mvd.ru/files/application/4683439 (дата обращения: 15.07.2023).

[3] Там же.

опасности преступления учитывается роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии[4].

Вместе с видами соучастия действующее уголовное законодательство предусматривает такие формы соучастия: группа лиц без предварительного сговора, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество.

Преступлением, совершенной группой лиц без предварительного сговора, признается умышленное, согласованное, совместное участие двух и более лиц, каждое из которых в полном или частичном объеме совершает преступное посягательство без предварительного соглашения или договоренности.

В российской доктрине выделяются «два вида группы лиц без предварительного сговора: конклюдентно образованная группа и группа со сговором на стадии покушения» [9, с. 234-236].

Так, конклюдентно образованная группа характеризуется отсутствием какого-либо внешнего выражения согласованности или соглашения между субъектами преступления, при этом совместность их деяний достигается согласно конкретной ситуации, в которой они прибывают. Отметим, что под внешним выражением понимаются слова, жесты и иные объективно существующие проявления поведения человека.

Что касается группы со сговором на стадии покушения, то данный вид определяется в качестве группового объединения, в котором соглашение и согласованность деяний имеет внешнее выражение и проявляется на стадии непосредственного исполнения преступления. Таким образом, между участниками преступного деяния договоренность до начала осуществления действий не существовала и возникла в момент покушения.

Для группы лиц по предварительному сговору характерными чертами будут являться предварительные договоренность или соглашение, согласованность действий, наличие субъективной связи между участниками, возникающей на стадии приготовления к реализации преступных целей, а также возможность участия иных лиц, помимо исполнителей.

Особое внимание обратим на особенности группы лиц по предварительному сговору, в частности, на то, что данная форма характеризуется такой формулировкой, как «заранее договорившиеся». Тем не менее, степень договоренности и согласованности между такими лицами находится на достаточно низком уровне, что предопределено объединением непосредственно перед началом выполнения задуманных целей. По мнению А.П. Козлова, «участники обсуждают возможность совершения преступления, но место и время его совершения не всегда оговаривают, глубоко не планируют детали преступления и не конкретизируют роли каждого участника» [9, с. 245].

Помимо этого, важной характеристикой группы лиц по предварительному сговору в отличие от организованной группы будет являться направленность на единичное преступление. Таким образом, участники рассматриваемой группы не ставят пред собой цели совершить несколько противоправных деяний, запрещенных уголовным законодательством. Как правило, их деятельность направлена на совершение конкретного преступления, после чего такая группа распадается.

Еще одной отличительной чертой группы лиц по предварительному сговору является отсутствие ее устойчивости. Нельзя не согласиться с тем, что довольно часто для совершения единичного конкретного преступления требуется значительное время подготовки, техническая оснащенность и иное, тем не менее, это не может свидетельствовать об устойчивости такой группы.

Как отмечается в российской доктрине, утверждение о том, что преступная группа, объединившаяся для совершения только одного преступления, а после его совершения распалась, может обладать признаком устойчивости, представляется спорным. В подтверждение этого высказывается точка зрения о том, что в случае, если «группа лиц по предварительному сговору после совершения задуманного преступления сохранила свой «костяк» для совершения последующих преступлений, то следует говорить о формировании организованной группы» [10].

[4] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 58 // Российская газета. 2015. № 295.

Организованная группа – самостоятельная форма соучастия, характеризующаяся устойчивым характером деятельности субъектов преступлений и повышенной общественной опасностью. Согласно части 3 статьи 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой в случае, если оно содеяно устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для реализации преступного умысла. Помимо этого, организованная группа характеризуется в равной степени как объективными, так и субъективными составляющими.

Отдельного внимания заслуживает признак управляемости, который вносит в организованную группу четкую систему принятия решений, которая может основываться на единоначалии и жесткой иерархии или на коллегиальности. Так или иначе, принимаемые решения должны признаваться абсолютными всеми участниками организованной группы. По мнению А.В. Кисина, именно такая система «обеспечивает планомерность деятельности группы по достижению целей» [11, с. 89].

Что касается лица, признаваемого организатором, руководителем или лидером преступной группы, то ему отводится особая роль по формированию группы, а также по осуществлению общего руководства. Тем не менее, данный признак не может быть признан безусловным, поскольку на практике встречаются случаи, когда такая фигура в составе преступления отсутствует.

Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ в рассмотрении дела с участием организованной группы по статье 209 УК РФ пришла к выводу о том, что виновные действовали в течение короткого временного промежутка, в результате чего у группы не был сформирован лидер. Исходя из этого, судебная коллегия по уголовным делам приняла решение о прекращении дела по указанной статье за отсутствием состава преступления.

Президиум Верховного суда РФ не согласился с таким решением, указав на диспозицию статьи 209 УК РФ, согласно которой «ответственность за организацию или участие в банде не связывается ни со сроком ее существования, ни с наличием лидера»[5]. Помимо этого, судом было дано указание на то, что члены преступной группы находились в родственных отношениях, подразумевающих деятельность группы «на равных правах» без выделения лидера, что не исключает преступность деяния и уголовно-правовую ответственность за него.

Проведенный анализ позволил привести следующий перечень признаков, которые, на наш взгляд, достаточно полно отражают сущность рассматриваемого понятия: запланированное создание преступного объединения, стабильность состава участников, распределение их ролей; устойчивость организованной группы, которая включает в себя совокупность объективно-субъективных особенностей рассматриваемой формы соучастия; иерархия, которая предполагает наличие руководителя или лидера (в том числе и неявного), которые осуществляют общее руководство преступной деятельностью; определенный, как правило, длительный временной промежуток реального осуществления деятельности организованной группой. Перечень признаков организованной группы не получил законодательного закрепления, а в российской доктрине уголовного права представлен достаточно широко. Поэтому рассматриваемый перечень не является исчерпывающим, в результате чего не может в полной мере отразить сущность организованной группы.

Наибольшей степенью общественной опасности характеризуется такая форма соучастия, как преступное сообщество, представляющее собой устойчивое объединение лиц. Как правило, деятельность преступного сообщества направлена на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, подразумевающих под собой особые негативные последствия для общественных отношений и государственной безопасности. Стоит указать на то, что данной форме присущи максимальная степень сплоченности, организованности, а также стойкость асоциальных установок поведения участников преступного сообщества.

Особого внимания заслуживает Постановление Пленума Верховного суда РФ от

[5] Обзор судебной практики Верховного суда РФ за II квартал 1999 г. (по уголовным делам) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 1.

10 июня 2010 г. № 12[6], положения которого направлены на разрешение дискуссионных вопросов касательно юридической оценки преступного сообщества. Так, преступное сообщество по сравнению с организованной группой характеризуется «более сложной внутренней структурой, наличием цели на совершении именно тяжких и особо тяжких преступлений». Верховный суд не обходит стороной и нацеленность на получение выгоды от преступной деятельности, в частности, закрепляя, что «результатом такой деятельности является получение денежных средств, а также иного имущества в пользу как самих участников преступного сообщества, так и третьих лиц»[7].

Анализируя как уголовный закон, так и правовые позиции Пленума РФ, невозможно не отметить, что законодатель не указывает на различия между правовыми категориями «преступное сообщество» и «преступная организация». Так, преступное сообщество может существовать в двух формах: структурированная организованная группа и объединение таких групп под единым руководством. В то же время обе формы будут характеризоваться наличием общей преступной цели.

Структурированная организованная группа, осуществляющая свою деятельность посредством подразделений, характеризуется стабильностью состава и согласованностью действий его участников. Помимо этого, ей присуще тесное взаимодействие между структурными подразделениями, объединенными общим руководством, с целью наиболее эффективного и качественного достижения результата. Такие подразделения могут иметь специализации, тем самым являясь неотъемлемым звеном всей преступной организации.

В структуру преступного сообщества, согласно российскому уголовному законодательству, могут входить объединения организаторов или руководителей преступного сообщества. Как правило, целью таких объединений является выстраивание внутренней политики, планирование, координирование деятельности, а также установление наиболее благоприятных условий для реализации преступных деяний. По мнению Н.А. Ныркової, несмотря на то, что данный перечень представляется открытым, «его роль в ориентировании правоприменительных органов на различные формы преступной деятельности трудно переоценить» [12, с. 77].

Что касается такой формы преступного сообщества, как объединение организованных групп, то в таком случае предполагается наличие единого руководства и устойчивых связей между отдельными самостоятельными организованными группами, которые проявляются в общем планировании и совместном выполнении действий, связанных с функционированием преступного сообщества.

Деятельность объединенных организованных групп охвачена некоторым противоречием, поскольку, с одной стороны, каждая из организованных групп действует самостоятельно, однако, с другой стороны, они подчинены единому руководству. Е.В. Благов приходит к выводу о том, что в рамках данной формы преступного сообщества «организованные группы, объединенные под общим руководством, должны быть совместно действующими» [13, с. 71], несмотря на достаточный уровень самостоятельности.

Итак, преступное сообщество состоит из двух единиц – структурированной организованной группы и объединения самостоятельных организованных групп, объединенных общим руководством. Для обеих форм преступного сообщества характерен такой признак, как структурированность, который в ранее принятых редакциях Уголовного кодекса РФ трактовался как «сплоченность».

Структурированность преступного сообщества подразумевает под собой четкое внутреннее устройство, которое устанавливает принципы деятельности, отчетность, распределение ролей и взаимодействие между отдельными подразделениями. Иными словами, признак структурированности предполагает иерархию сообщества, главной целью деятельности которого является совершение преступных деяний.

Заключение

Фактическая роль каждого из соучастников является тем обстоятельством, которое позволяет правоприменителям более кон-

[6] О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 № 12 // Российская газета. 2010. № 130.

[7] Там же.

кретно оценить уровень общественной опасности деяния каждого лица, задействованного в преступном процессе. Поэтому в настоящее время может возникнуть сложность теоретико-прикладного характера в решении вопроса об основаниях и пределах ответственности соучастников преступления. Правовая природа соучастия базируется на признании в доктрине уголовного права двух групп признаков – объективных и субъективных, которые имеют значение для определения количественного состава преступников, их умысла на совершение преступление, связи между ними.

Вопрос о конкретных видах соучастников преступления на законодательном уровне определен в статье 33 УК РФ. Так, в соответствии с ней к кругу соучастников преступления отнесены исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. Анализируя вопрос о видах соучастников преступления, можно подчеркнуть, что здесь важна именно роль, которую играет каждый соучастник в совместном преступлении. Это проявляется даже в формулировках, которые использует законодатель в нормах УК РФ, а именно слова: «склонил», «организовал», «руководил», «содействовал», «совершил».

Уголовным законодательством предусмотрены четыре формы соучастия: группа лиц без предварительного сговора, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество. Отдельного внимания требует выявление и установление признаков преступного сообщества. Важной характеристикой преступного сообщества является наличие единого руководства, что подтверждается и положениями УК РФ в части установления ответственности для организаторов и руководителей, и положениями Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10 июня 2012 г. № 12. В частности, деятельность руководителя направлена на выстраивание общей системы преступного сообщества, планирования, распределения ролей, установления и поддержания строгой дисциплины и иное. Руководство как признак является объединяющим фактором, направленным на создание и объединение всего преступного сообщества. Кроме того, отличительными признаками преступного сообщества являются структурированность, единое руководство, а также цель специального характера – совершение тяжких и особо тяжких преступлений для получения финансовой или иной материальной выгоды. Кроме того, при анализе такой формы соучастия как преступное сообщество необходимо обратить внимание на вопросы, касающиеся уголовно-правовой ответственности. Так, действия участников преступного сообщества подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 210 УК РФ и соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Участники преступного сообщества несут уголовно-правовую ответственность только за те преступления, участие в которых они принимали. Иначе обстоит дело с организатором или руководителем преступного сообщества, который несет ответственность не только за организацию и руководство, но и за все совершенные в рамках сообщества преступления, охваченные общим умыслом.

Список источников

1. *Пинчук В.И.* Соучастие в преступлении. СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т ген. прокуратуры РФ, 2002. 44 с.
2. *Шеслер А.В.* Особенности причинной связи при соучастии в преступлении // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 33-38. https://doi.org/10.17223/23088451/19/6, https://elibrary.ru/bkdmxu
3. *Шеслер А.В*. Соучастие в преступлении. Новокузнецк: Кузбас. ин-т ФСИН России, 2014. 83 с.
4. *Берсенев А.А., Мирошниченко А.В.* История становления и развития форм соучастия в преступлении в российском уголовном законодательстве и праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-2 (68). С. 214-216. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-5-2-214-216, https://elibrary.ru/jjfpiu
5. *Грудинин Н.С.* Институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 71-74. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-71-74, https://elibrary.ru/gmrhdn
6. *Прозументов Л.М.* Организованная группа как форма соучастия в преступлении в действующем российском законодательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 60-69. https://doi.org/10.17223/22253513/18/8, https://elibrary.ru/vavpjd

7. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. 666 с.
8. *Тельнов П.Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юрид. лит., 1974. 208 с.
9. *Козлов А.П.* Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 359 с.
10. *Колесникова Т.В.* Соотношение уголовно-правовых и криминалистических признаков организованной преступной группы и преступного сообщества // Право и политика. 2010. № 5. С. 944-952. https://elibrary.ru/neyfnf
11. *Кисин А.В.* Признаки организованной преступной группы // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 2. С. 85-90. https://elibrary.ru/nudsov
12. *Ныркова Н.А.* Преступное сообщество (преступная организация): вопросы толкования и влияния на ответственность // Вестник российской таможенной академии. 2008. № 3. С. 75-81. https://elibrary.ru/kcpxrr
13. *Благов Е.В.* Преступное сообщество (преступная организация): проблемы понимания // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 4 (79). С. 68-72. https://doi.org/10.24411/1999-625X-2020-11011, https://elibrary.ru/pejsdt

References

1. Pinchuk V.I. (2002). *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in Crime]. St. Petersburg, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 44 p. (In Russ.)
2. Shesler A.V. (2022). Specificity of causal connection in criminal complicity. *Ugolovnaya yustitsiya = Criminal Justice*, no. 19, pp. 33-38. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/23088451/19/6, https://elibrary.ru/bkdmxu
3. Shesler A.V. (2014). *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in Crime]. Novokuznetsk, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 83 p. (In Russ.)
4. Bersenev A.A., Miroshnichenko A.V. (2022). The history of the formation and development of forms of complicity in crime in Russian Criminal Legislation and Law. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 5-2 (68), pp. 214-216. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-5-2-214-216, https://elibrary.ru/jjfpiu
5. Grudinin N.C. (2022). The institution of complicity in crime in the Russian Criminal Law. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 71-74. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-71-74, https://elibrary.ru/gmrhdn
6. Prozumentov L.M. (2015). Organized criminal group as a form of complicity in a crime under current legislation in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, no. 4 (18), pp. 60-69. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/22253513/18/8, https://elibrary.ru/vavpjd
7. Piontkovskii A.A. (1961). *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu* [The Doctrine of Crime in Soviet Criminal Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 666 p. (In Russ.)
8. Tel'nov P.F. (1974). *Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii* [Responsibility for Complicity in a Crime]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 208 p. (In Russ.)
9. Kozlov A.P. (2001). *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Complicity: Tradition and Reality]. St. Petersburg, "Yuridicheskii tsentr Press" Publ., 359 p. (In Russ.)
10. Kolesnikova T.V. (2010). Sootnoshenie ugolovno-pravovykh i kriminalisticheskikh priznakov organizovannoi prestupnoi gruppy i prestupnogo soobshchestva [The relationship between criminal law and forensic characteristics of an organized criminal group and a criminal community]. *Pravo i politika = Law and Politics*, no. 5, pp. 944-952. (In Russ.) https://elibrary.ru/neyfnf
11. Kisin A.V. (2011). Attributes of an organized criminal group. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, no. 2, pp. 85-90. (In Russ.) https://elibrary.ru/nudsov
12. Nyrkova N.A. (2008). Criminal association (criminal organization): interpretation of concept and influence on responsibility. *Vestnik rossiiskoi tamozhennoi akademii = Vestnic of Russian Customs Academy*, no. 3, pp. 75-81. (In Russ.) https://elibrary.ru/kcpxrr
13. Blagov E.V. (2020). Criminal community (crime organization): problems of comprehension. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, vol. 26, no. 4 (79), pp. 68-72. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/1999-625X-2020-11011, https://elibrary.ru/pejsdt

Поступила в редакцию / Received 26.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 06.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 343.542.1
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-586-593
Шифр научной специальности 5.1.4

Противодействие обороту порнографии в России и Китае: сравнительно-правовой анализ

© ВОЗНЯК Андрей Михайлович,
прокурор третьего отдела, Управление по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел и юстиции прокуратуры г. Москвы, Российская Федерация, 109992, г. Москва, пл. Крестьянская Застава, 1, https://orcid.org/0009-0008-3158-6047, voznjak1347@mail.ru

Аннотация

Актуальность темы исследования заключается в наметившейся тенденции ежегодного роста количества выявляемых преступлений в сфере незаконного оборота порнографических материалов и предметов. Отечественные правовые механизмы в рассматриваемой сфере недостаточно эффективны, поскольку распространенность незаконного оборота порнографии не соотносится с числом привлекаемых к уголовной ответственности лиц. Данный тезис подтверждается и статистическими материалами, согласно которым относительная распространенность порнографической продукции на душу населения в России превышает те же показатели в Китайской Народной Республике. В качестве задач сравнительно-правового исследования определено изучение опыта Китайской Народной Республики в регламентации оборота порнографии, выявление отличительных особенностей, которые могут быть использованы для оптимизации отечественного уголовного законодательства. Такой выбор обусловлен сходством в вопросах противодействия обороту порнографии в России и Китае, которое заключается в том, что обе страны опираются на единые международно-правовые стандарты. Нормативную основу исследования составили положения российского, китайского и международного законодательства в сфере противодействия обороту порнографии, эмпирической основой выступили статистические данные и интернет-исследования. Рассмотрены имеющиеся сходства и различия в подходах российских и китайских законодателей к противодействию обороту порнографии. На основе проведенного анализа обоснована потребность в корректировке содержания уголовно-правовых норм с учетом положительного зарубежного опыта.

Ключевые слова

порнография, порнографические предметы, порнографические материалы, незаконный оборот порнографии, уголовная ответственность за порнографию в Китае, порнография в Китае

Для цитирования

Возняк А.М. Противодействие обороту порнографии в России и Китае: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 586-593. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-586-593

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-586-593

Counteraction to pornography traffic in Russia and China: comparative legal analysis

© Andrei M. VOZNYAK,
Prosecutor of the Third Department, Administration for Supervision of Criminal Procedure and Operational and Investigative Operations of the Internal Affairs and Justice Bodies of the Moscow Prosecutor's Office, 1 Krestyanskaya Zastava Sq., Moscow, 109992, Russian Federation, https://orcid.org/0009-0008-3158-6047, voznjak1347@mail.ru

Abstract

The importance of the research topic lies in the emerging trend of annual growth in the number of detected crimes in the sphere of illegal traffic in pornographic materials and subjects. Domestic legal mechanisms in this sphere are not effective enough, because the prevalence of illegal trafficking in pornography does not correlate with the number of persons brought to criminal liability. This thesis is confirmed by statistical materials, according to which the relative prevalence of pornographic products per capita in Russia exceeds the same indicators in the People's Republic of China. As the tasks of comparative legal research the study of the experience of the People's Republic of China in regulating the pornography traffic, identification of distinctive features that can be used to optimize the domestic criminal legislation. This choice is conditioned by the similarity in the issues of counteraction to pornography traffic in Russia and China, which consists in the fact that both countries rely on common international legal standards. The research is based on the provisions of Russian, Chinese and international legislation in the sphere of counteraction to pornography traffic, while the empirical basis is statistical data and Internet research. The similarities and differences in the approaches of Russian and Chinese legislators to counteracting pornography traffic are analyzed. On the basis of the analysis, the need to adjust the content of criminal legal norms taking into account the positive foreign experience is substantiated.

Keywords

pornography, pornographic subjects, pornographic materials, illegal pornography traffic, criminal liability for pornography in China, pornography in China

For citation

Voznyak, A.M. (2023). Counteraction to pornography traffic in Russia and China: comparative legal analysis. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 586-593 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-586-593

Введение

В последнее время отмечается последовательное сближение на международной арене Российской Федерации (далее – Россия, РФ) и Китайской Народной Республики (далее – Китай, КНР), отношения между странами характеризуются как всеобъемлющее партнерство и стратегическое сотрудничество[1]. Китайская цивилизация является одной из древнейших в мире, со своей глубокой традиционной культурой, оказавшей существенное влияние на образ мышления и поведения китайской нации [1].

Изучение зарубежного опыта регулирования оборота порнографии имеет значительный научный потенциал, поскольку результаты исследований сравнительно-правового характера можно использовать для совершенствования и оптимизации национальной правовой системы.

Учитывая, что правовая система КНР оригинальная и развивается в социалистическом направлении, повышенный научный интерес представляет исследование подходов китайского законодателя к вопросам противодействия обороту порнографии – деянию, посягающему на общественные отношения в сфере нравственности.

[1] *Путин В.В.* Россия и Китай – партнерство, устремленное в будущее: статья в «Жэньминь Жибао» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2023. 19 марта. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70743 (дата обращения: 08.06.2023).

Результаты исследования

Следует отметить, что относительная распространенность порнографической продукции на душу населения в Китае меньше, чем в России. Так, ежедневно в Китае пользователи скачивают чуть более полутора миллионов торрентов[2], содержащих порнографию, что составляет 63 % от всего торрент-трекинга. В России каждый день скачивается более 800 000 аналогичных файлов, что составляет 8 % от ежедневного потока торрентов[3].

В средствах массовой информации отмечается, что китайское правительство последовательно придерживается идеи, что информация о порнографии вредна, поскольку наносит серьезный вред физическому и психическому здоровью подрастающего поколения, а также она оказывает серьезное развращение социального духа. Например, в 2010 г. власти КНР запретили деятельность на территории страны транснациональной корпорации “Google”, являющейся одним из наиболее популярных интернет-поисковиков, обвинив ее в распространении информации, подрывающей авторитет китайской власти, в том числе порнографии [2]. Эти обстоятельства представляют собой важнейшие аргументы, обусловливающие криминализацию оборота порнографии в Китае, поскольку китайские культурные традиции и моральные ценности не позволяют непристойной и порнографической информации беспрепятственно распространяться в Интернете[4].

Сходство в вопросах противодействия обороту порнографии в России и в Китае заключается в том, что обе страны опираются на единые международно-правовые стандарты. Оба государства являются участниками принятой столетие назад и действующей до настоящего времени Международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (далее – Конвенция 1923 года)[5]. При этом КНР являлась одной из договаривающихся стран. Союз ССР ратифицировал Конвенцию 1923 года в 1935 г., после чего ЦИК СНК СССР принял постановление «Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений или торговлю ими»[6] [3].

В Уголовном кодексе КНР[7] (далее – УК КНР) преступления, связанные с изготовлением, продажей и распространением порнографической продукции, выделены в отдельный девятый параграф «Преступления, связанные с изготовлением, продажей, распространением порнографической продукции», который отнесен к главе 6 «Преступления против порядка управления и общественного порядка». Данный параграф содержит пять статей, с 363 по 367. Такая структура УК КНР указывает на то, что преступления, связанные с распространением порнографии, посягают на порядок управления и общественный порядок. В отечественном уголовном законе нормы об ответственности за незаконный оборот порнографии включены в главу 25 УК РФ[8], и объектом рассматриваемого вида преступлений признаются общественные отношения в сфере охраны общественной нравственности.

Однако, если обратиться к содержанию УК КНР, можно заметить, что не все преступления, связанные с незаконным оборотом порнографических материалов, содержатся исключительно в девятом параграфе Кодекса. Так, статья 152 УК КНР, входящая

[2] Пиринговый P2P сетевой протокол для кооперативного обмена файлами через Интернет, при помощи которого файлы передаются частями, а каждый клиент, который скачивает файлы, в то же время отдает их другим пользователям.

[3] По данным интернет-портала “I know what you download”. URL: https://iknowwhatyoudownload.com/en/stat/RU/daily/q?statDate=2023-11-07 (дата обращения: 08.07.2023).

[4] Китай усиливает чистку онлайн-порно на фоне усиления цензуры // Агентство Реутерс. URL: https://www.reuters.com/article/us-china-internet-pornography-idUSBREA3K07B20140421 (дата обращения: 03.01.2023).

[5] Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими. Женева, 1923. 12 сент. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1936. Отдел II. № 21. Ст. 179.

[6] Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений или торговлю ими: Постановление ЦИК СНК СССР от 17.10.1935 // Собрание законодательства СССР. 1935. № 56. Ст. 457.

[7] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики // Посольство КНР в Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://ru.china-embassy.gov.ch/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm?ysclid=lo88pgi3rr160216706 (дата обращения: 27.07.2023).

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

в параграф 2 «Контрабанда» главы 3 «Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка», предусматривает уголовную ответственность за контрабанду с целью извлечения прибыли или распространения порнографических кинофильмов, видеокассет, аудиокассет, картинок, печатной продукции и иных порнографических материалов. Тогда как российский уголовный закон в свою очередь не относит контрабанду порнографических материалов и предметов к деяниям, посягающим на общественные отношения в сфере экономической деятельности.

В отличие от отечественного уголовного закона, УК КНР содержит легальное определение порнографической продукции, изложенное в статье 367. Под такой продукцией понимаются печатные издания, кинофильмы, видеокассеты, аудиокассеты, картины и иная продукция сексуального характера, подробно описывающая сексуальные действия и откровенно пропагандирующая секс. Кроме того, в статье 367 УК КНР отражены обстоятельства, исключающие преступность деяния, исходя из особенностей предмета посягательства, согласно которым научные издания по физиологии человека и медицинским знаниям, произведения литературы и искусства эротического содержания, имеющие художественную ценность, не являются порнографией.

Указанный подход к определению порнографической продукции сложно признать удачным, поскольку в нем отражены лишь некоторые виды порнографической продукции, часть из которых можно назвать устаревшей с точки зрения современного развития рынка порнографической продукции. Так, например, аудио- и видеокассеты давно вышли из оборота и заменены современными средствами обмена информацией, а перечисленные в уголовно-правовой норме предметы, относимые к порнографической продукции, имеют открытый перечень. Это порождает неконкретность уголовного запрета и позволяет давать его расширительное толкование. Видится, что подобное не допустимо после отказа китайского законодателя от возможности применения уголовного закона по аналогии [4, с. 180-182]. Важно заметить, что в представленном в законе определении отсутствуют критерии разграничения порнографии и эротики, а используемое указание на медицинскую, образовательную, научную и художественную ценность не может в полной мере являться отличительным признаком того или иного понятия и устранять неопределенность уголовного запрета.

Наибольший интерес для целей исследования представляют вопросы отнесения законодателем Китая тех или иных деяний, связанных с порнографией, к уголовно-наказуемым, то есть вопросы криминализации и определения в законе признаков объективной стороны преступления.

Так, статья 363 УК КНР предусматривает уголовную ответственность за изготовление, размножение, издание, продажу, распространение порнографической продукции в целях получения прибыли.

Наказуемым также является предоставление другим лицам типографского клише для печатания порнографических изданий.

В статье 364 УК КНР установлен уголовно-правовой запрет организации показа порнографических кинофильмов, видеофильмов и иной аудио- и видеопродукции.

Установленный Национальным управлением радио и телевидения КНР запрет на порнографию является полным, а значит режиссерам, продюсерам и актерам, участвующим в порнографических фильмах, запрещено участвовать в любых киноконкурсах. У любой киностудии, уличенной в нарушении, может быть отозвана лицензия.

Распространение порнографической продукции среди лиц, не достигших 18 лет, наказывается более строго в пределах санкции соответствующей части статьи 364 УК КНР.

В диспозиции статьи 365 УК Китая изложен специфический уголовно-правовой запрет на организацию проведения порнографического представления.

В отличие от российского, законодательство Китая допускает уголовную ответственность организацией. Более трети деяний, описанных в Особенной части УК КНР, допускают уголовную ответственность юридических лиц, при этом не имеет значения, зарегистрирована организация в качестве юридического лица или нет [5]. Так, в статье 366 УК КНР указано, что если преступления, упомянутые в статьях 363, 364, 365 УК

КНР, совершены организацией, то по отношению к ней применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица наказываются в соответствии с указанными статьями.

Например, компания «Цичжоу», предоставившая зарегистрированным пользователям сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет возможность просмотра видеороликов порнографического содержания, была приговорена на основании пункта 1 статьи 363, статей 366 и 367 УК КНР к штрафу в размере одного миллиона юаней (около 12 млн руб.), а весь вырученный доход, средства и орудия преступления конфискованы в доход государства [6].

Как известно, в Российской Федерации юридические лица к уголовной ответственности не могут быть привлечены [7]. В связи с этим необходимо обратить внимание на положения статьи 6.20 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за изготовление, приобретение, хранение, перевозку, распространение, публичную демонстрацию либо рекламирование юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Таким образом, юридические лица в Российской Федерации, в отличие от Китая, могут привлекаться к ответственности лишь в случае совершения вышеописанных альтернативных действий, связанных с детской порнографией, тогда как за изготовление, сбыт, рекламирование, публичную демонстрацию и иные действия от имени или в интересах юридического лица возможно лишь уголовное преследование виновных физических лиц.

Статья 152 УК КНР предусматривает уголовную ответственность за контрабанду с целью извлечения прибыли или распространения порнографических кинофильмов, видеокассет, аудиокассет, картинок, печатной продукции и иных порнографических материалов.

Анализ указанных норм уголовного законодательства Китая позволяет заключить, что хранение порнографических материалов является законным, равно как и контрабанда данных материалов при отсутствии корыстного мотива и цели распространения, то есть перемещение через государственную границу порнографических материалов в личных целях не наказуемо. Аналогичным образом распространение порнографических материалов без цели получения прибыли и при отсутствии отягчающих обстоятельств не является преступлением.

Для правильной квалификации преступлений исследование субъективных признаков составов преступлений является важнейшим методом постижения закономерностей формирования личности лица, совершившего преступление [8, с. 8].

Анализ субъективной стороны рассматриваемых деяний указывает на схожесть правого регулирования России и Китая. В обоих случаях уголовное преследование за незаконный оборот порнографии наступает только при умышленном совершении действий, входящих в объективную сторону преступлений, поскольку, согласно части 2 статьи 24 УК РФ и части 2 статьи 15 УК КНР, неосторожное деяние признается преступным лишь в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части кодексов.

Существенное значение для квалификации преступлений, согласно китайскому законодательству, имеет мотив незаконного оборота порнографии. В статье 363 УК КНР обязательным признаком назван корыстный мотив. В отечественном уголовном законе этот мотив является квалифицирующим признаком и влияет на дифференциацию уголовной ответственности.

В результате изучения судебно-следственной практики не удалось выявить ни одного приговора за совершение преступления, предусмотренного пунктом «в» части 3 статьи 242 УК РФ, что, на наш взгляд, обусловлено сложностью доказывания размера извлеченного дохода в результате незаконного оборота порнографических предметов. В этом смысле, используемая китайским законодателем формулировка о корыстном мотиве видится более удачной. Использование такого подхода при совершенствовании российского законодательства позволит «оживить» отечественную уголовно-правовую норму.

Субъект рассматриваемых преступлений общий – им выступает вменяемое и достигшее шестнадцатилетнего возраста физическое лицо. Как уже отмечалось, сущест-

венная разница в особенностях субъективного состава в России и Китае делает возможным привлечение к уголовной ответственности юридических лиц.

Переходя к вопросам пенализации, следует отметить суровость китайского уголовного закона, что указывает на нетерпимость китайского общества к коммерческому распространению порнографических предметов. Так, Уголовный кодекс КНР предусматривает наказание за совершение преступления, предусмотренного статьей 363 УК КНР в виде лишения свободы на срок до трех лет, ареста или надзора и дополнительно штраф; те же деяния, совершенные при отягчающих обстоятельствах, наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом; за те же деяния, совершенные при особо отягчающих обстоятельствах, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или пожизненным лишением свободы и дополнительно штрафом или конфискацией имущества.

В китайском законодательстве, в отличие от отечественного, не существует дифференциации уголовной ответственности в зависимости от возраста изображаемых или описываемых лиц, ответственность за детскую порнографию отдельно не выделяется и наказывается в рамках вышеуказанных статей, что позволяет сделать вывод, что хранение детской порнографии является законным, а ее распространение при отсутствии специальных условий также правомерно.

Помимо уголовного законодательства оборот порнографической продукции в Китае также регулируется Законом об административных наказаниях за общественную безопасность Китая[9], согласно статье 68 которого лицо, которое производит, перевозит, дублирует, продает или передает взаймы порнографические материалы, включая книги, периодические издания, фотографии, фильмы и аудио-видеопродукцию, или распространяет порнографическую информацию с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, телефонов и других средств связи, подлежит задержанию на срок от 10 до 15 суток со штрафом в размере до 3 000 юаней (около 38 000 руб.) или без такового. В случае, если обстоятельства совершенного деяния не значительны, виновные подлежат задержанию на срок до пяти суток или штрафу в размере до 500 юаней (около 6000 руб.).

За организацию трансляции порнографических аудио- или видеозаписей, организацию непристойных преставлений или их проведение, а также присоединение к толпе для участия в распущенных действиях на основании статьи 69 вышеуказанного закона предусмотрено наказание в виде ареста сроком от 10 до 15 суток со штрафом в размере от 500 до 1000 юаней. При этом отдельно оговорено, что лицо, создающее условие для совершения указанных действий, достоверно знающее об их характере, подлежит привлечению к ответственности по указанной статье.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что по китайскому законодательству оборот порнографии полностью запрещен. Существует дифференциация ответственности от штрафа в размере 500 юаней до пожизненного лишения свободы исходя из характера и общественной опасности деяния. Нормы о запрете оборота порнографии содержатся не только в УК КНР, но и в законе, предусматривающем наказание за деяния, схожие с административными правонарушениями по российскому законодательству.

Нормы, предусматривающие уголовную ответственность за оборот порнографии, кроме статьи о контрабанде, сгруппированы в отдельной главе уголовного закона, в которой также имеется законодательное определение рассматриваемого явления. В отличие от отечественного уголовного права, в Китае объектом рассматриваемого вида преступлений считаются общественные отношения в сфере порядка управления и общественного порядка, а обязательным признаком субъективной стороны является корыстный мотив.

Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображе-

[9] Закон об административных наказаниях за общественную безопасность Китая. Обнародован 21.01.2021, вступил в силу 15.07.2021. URL: https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/law-on-administrative-penalties-for-public-security-20121026/intro (дата обращения: 08.06.2023).

ниями несовершеннолетних не выделяется в отдельное деяние и фактически является отягчающим наказание обстоятельством.

Несовершенство действующей отечественной уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконный оборот порнографии порождает трудности правоприменения, в результате которых, несмотря на распространенность порнографии [9, с. 3], к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 242–242.2 УК РФ, в 2022 г. привлечено лишь чуть более 700 лиц[10], что среди прочего указывает на потребность в корректировке содержания уголовно-правовых норм с учетом положительного зарубежного опыта.

[10] По данным сводного статистического отчета по форме 10-А Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2022 г.

Список источников

1. *Чжу Жуйшуан*. Образ моральных ценностей у китайцев // Вопросы психолингвистики. 2016. № 29. С. 316-322. https://elibrary.ru/wworof
2. *Трощинский П.В.* Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования // Право и цифровая экономика. 2021. № 1 (11). С. 44-58. https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.11.1.044-058, https://elibrary.ru/wkfsuj
3. *Коновалов Н.Н.* Ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в международном, зарубежном и российском уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 15-18. https://doi.org/10.18572/2071-1190-2021-2-15-18, https://elibrary.ru/lvgigk
4. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева, А.И. Коробеева, пер. с китайского Хуан Даосю. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2021. 312 с.
5. *Федоров А.В.* Уголовная ответственность за корпоративные преступления в Китайской Народной Республике // Российский следователь. 2022. № 10. С. 73-80. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-10-73-80, https://elibrary.ru/rkunjc
6. *Федоров А.В.* Корпоративное преступление и его состав в китайском уголовном законодательстве // Российский следователь. 2022. № 9. С. 73-80. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-9-73-80, https://elibrary.ru/lrgyrh
7. *Наумов А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц // Lex Russica. 2015. № 7 (104). С. 57-63. https://elibrary.ru/ujipgv
8. *Рарог А.И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М.: Проспект, 2021. 232 с. https://elibrary.ru/xuaowp
9. *Зазирная М.В.* Преступления в сфере оборота порнографических материалов и предметов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 213 с. https://elibrary.ru/gvneoe

References

1. Chzhu Zhuishuan. (2016). Character of Chinese ethical value. *Voprosy psikholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*, no. 29, pp. 316-322. (In Russ.) https://elibrary.ru/wworof
2. Troshchinskii P.V. (2021). Digital China before and during the coronavirus period: specifics of normative legal regulation. *Pravo i tsifrovaya ehkonomika = Law and Digital Economy*, no. 1 (11), pp. 44-58. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.11.1.044-058, https://elibrary.ru/wkfsuj
3. Konovalov N.N. (2021). Liability for the manufacture and circulation of files or objects with pornographic images of minors in international, foreign and Russian criminal law. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, no. 2, pp. 15-18. (In Russ.) https://doi.org/10.18572/2071-1190-2021-2-15-18, https://elibrary.ru/lvgigk
4. Chuchaev A.I., Korobeev A.I. (gen. eds.). (2021). *Ugolovnyi kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Criminal Code of the People's Republic of China]. Moscow, "Law Firm Contract" LLC, 312 p. (In Russ.)
5. Fedorov A.V. (2022). Criminal liability for corporate crimes in the People's Republic of China. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, no. 10, pp. 73-80. (In Russ.) https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-10-73-80, https://elibrary.ru/rkunjc
6. Fedorov A.V. (2022). A corporate crime and its constituent elements in Chinese criminal laws. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, no. 9, pp. 73-80. (In Russ.) https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-9-73-80, https://elibrary.ru/lrgyrh

7. Naumov A.V. (2015). Criminal responsibility of legal entities. *Lex Russica*, no. 7 (104), pp. 57-63. (In Russ.) https://elibrary.ru/ujipgv
8. Rarog A.I. (2021). *Problemy kvalifikatsii prestuplenii po sub"ektivnym priznakam* [Problems of Qualifying Crimes by Subjective Characteristics]. Moscow, Prospect Publ., 232 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/xuaowp
9. Zazirnaya M.V. (2016). *Prestupleniya v sfere oborota pornograficheskikh materialov i predmetov: dis. ... kand. yurid. nauk* [Crimes in the Sphere of Traffic Pornographic Materials and Subjects. PhD (Law) diss. abstract]. Moscow, 213 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 26.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 05.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 343.01
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-594-600
Шифр научной специальности 5.1.4

К вопросу о позитивном поведении в уголовном праве

© КОЛОСОВСКИЙ Олег Валерьевич,
аспирант, кафедра уголовного права, ФГБОУ ВА «Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева», Российская Федерация, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, https://orcid.org/0009-0002-7235-1814, oleg.kolosovsky@mail.ru

Аннотация

Решение законодателем вопроса о криминализации и декриминализации деяний неразрывно связано с выработкой отношения к тому или иному деянию как положительному, нейтральному или общественно опасному. Акцентировано внимание на том, что, в конечном счете, социальное назначение уголовно-правовых норм – оценка и направление в социально-полезное русло поведения индивидов. Рассмотрен вопрос о том, какое поведение в уголовном праве можно считать позитивным. Дана характеристика содержательной стороны данного понятия с учетом его исторической изменчивости. Отмечено, что позитивное поведение в доктрине уголовного права недостаточно рассматривать только в границах посткриминального поведения. Обращение к философскому пониманию ценностей и к наработкам конфликтологии позволило обосновать отличительный признак позитивного поведения – социальную полезность. Обосновано, что социальная полезность для целей уголовного права должна пониматься не в восприятии самого субъекта, который может понимать ее искаженно, а в объективном ключе. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что освобождение от уголовной ответственности в силу исполнения приказа или распоряжения имеет иное социально-правовое обоснование по сравнению с остальными основаниями, исключающими преступность деяния.

Ключевые слова

позитивное поведение, уголовное право, социальная полезность, освобождение от уголовной ответственности, преступление, оценочные понятия

Для цитирования

Колосовский О.В. К вопросу о позитивном поведении в уголовном праве // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 594-600. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-594-600

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-594-600

On the issue of positive behavior in criminal law

© Oleg V. KOLOSOVSKY,
Post-Graduate Student, Criminal Law Department, Ural State Law University named after. V.F. Yakovleva, 21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation, https://orcid.org/0009-0002-7235-1814, oleg.kolosovsky@mail.ru

Abstract

The legislator's decision on the issue of criminalization and decriminalization of acts is inextricably linked with the development of an attitude towards a particular act as positive, neutral or socially dangerous. We focus on the fact that ultimately the social purpose of criminal law norms is the assessment and direction of individual behavior in a socially useful way. The question of what kind of behavior in criminal law can be considered positive is considered. The content of this concept is characterized taking into account its historical variability. It is concluded that positive behavior in the doctrine of criminal law can't be limited within the scope of post-criminal behavior. Turning to the philosophical understanding of values and the developments of conflictology made it possible to substantiate the distinctive feature of positive behavior is social utility. The conducted research made it possible to conclude that exemption from criminal liability due to the execution of an order or instruction has a different social and legal justification compared to other grounds that exclude the criminality of an act.

Keywords

positive behavior, criminal law, social utility, exemption from criminal liability, crime, evaluative concepts

For citation

Kolosovsky, O.V. (2023). On the issue of positive behavior in criminal law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 594-600 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-594-600

Введение

Одно из значимых направлений уголовно-правовых исследований связано с социальным назначением уголовно-правовых норм. Влияние, которое уголовно-правовые нормы способны и должны оказывать на общественные отношения, в той или иной мере становится предметом внимания исследователя любого уголовно-правового феномена, ведь смысл каждого из них в конечном итоге сводится к оценке и направлению поведения индивидов в желательное для общества русло.

В связи с указанным представляется, что достижение с помощью правовых средств позитивного поведения – это один из главных критериев эффективности применения норм уголовного права. Однако попытка осмыслить сущность позитивного поведения в уголовном праве подводит исследователя, заинтересовавшегося данным явлением, к проблеме понятийного свойства.

В юридической литературе высказываются опасения в связи с тем, что нестабильность в законодательной оценке одного и того же поведения нарастает, категория преступления «пугающими темпами» превращается во все более переменную величину [1, с. 123]. Позитивистский подход, таким образом, приводит к существенным затруднениям при попытке установить ту грань, которая отделяет социально приемлемое от недопустимого в поведении индивидов с учетом того, что точка зрения законодателя в данном вопросе может существенно варьироваться с течением времени.

Как справедливо отмечает Ю.В. Голик, в природе не существует преступлений и преступности. Люди договариваются считать преступлением определенные действия, совершенные при определенных условиях и в определенное время [2, с. 22]. Независимо от того, понимать ли данную договоренность в позитивистском ключе как договоренность субъектов правотворчества, достигнутую в процессе законотворчества или (вслед за философами, разрабатывавшими теорию общественного договора) как соглашение, согласно которому частные лица уступают часть своих естественных прав в об-

мен на безопасность и гарантированность других прав [3, p. 3], открытым остается вопрос о том, какова конечная цель упомянутой договоренности в практической плоскости – какое поведение является допустимым, желательным и поощряемым с точки зрения уголовного права.

Результаты исследования

Одним из первых в отечественной доктрине уголовного права категорию позитивного поведения разрабатывал Р.А. Сабитов, который обособил два вида посткриминального поведения: положительное (правомерное) и отрицательное (неправомерное), а также обособил виды правомерного посткриминального поведения [4, с. 22-23].

Необходимое направление для дальнейших исследований связано с выявлением сферы применения понятия позитивного поведения вне рамок только лишь посткриминального поведения. Доктрине и уголовному законодательству наряду с основаниями освобождения от уголовной ответственности, связанными с посткриминальным поведением, известны также и обстоятельства, исключающие преступность деяния. Данные обстоятельства также могут выступать как разновидности позитивного поведения, поскольку поведение лица, действовавшего при наличии одного из указанных обстоятельств, не запрещено законом, а последствия для него более благоприятны по сравнению с правовыми последствиями для лица, совершившим то же деяние при отсутствии какого-либо из данных обстоятельств.

Эмпирически можно было бы утверждать, что позитивное поведение в уголовном праве – это всякое поведение, которое способно при соблюдении предусмотренных законом условий повлечь за собой наступление для лица правовых последствий в виде освобождения лица от уголовной ответственности или наказания. Однако данное определение описывало бы лишь внешнюю сторону позитивного поведения, наблюдаемую в условиях действующего законодательства, и, как будет показано ниже, не во всех случаях точно. В рамках же научного исследования позитивного поведения представляется необходимым установление тенденций развития законодательного подхода к позитивному поведению, а также конструирования модели того, какое поведение *de lege ferenda* должно влечь за собой улучшение правового положения лица либо недопущение наступления для него неблагоприятных последствий в виде уголовного преследования.

Согласно основам действующего конституционного строя человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Следует подчеркнуть, что право каждого на жизнь не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах (часть 2 статьи 20, часть 3 статьи 56 Конституции РФ). Указанное законодательное решение является существенным шагом вперед в защите прав личности по сравнению с известным истории отечественного права решением.

Так, например, Конституция СССР 1936 г.[1] закрепляла лишь право на неприкосновенность личности для граждан СССР, которая сводилась к тому, что никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора (статья 127 Конституции СССР 1936 г.), но не закрепляла не подлежащее ограничению право человека на жизнь.

В данном историко-правовом контексте имелись формально-юридические предпосылки для принятия приказа народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. № 227 (далее – приказ № 227)[2].

Военно-историческая оценка влияния данного приказа на последующий ход Великой Отечественной войны не входит в предмет настоящего исследования. В рамках уголовно-правового дискурса необходимо обратить внимание на то, что вышеназванным приказом фактически ограничивалось право на жизнь военнослужащих штрафных

[1] Постановление Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик от 5.12.1936 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 г. М.: НКИД, 1938.

[2] О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций: приказ народного комиссара обороны СССР № 227 от 28.07.1942. URL: https://rg.ru/2023/04/14/prikaz-o-merah-po-ukrepleniiu-discipliny-i-poriadka-v-krasnoj-armii-i-zapreshchenii-samovolnogo-othoda-s-boevyh-pozicij.html (дата обращения: 15.06.2023).

батальонов Красной армии, которым прямо приказывалось «искупить кровью свои преступления перед Родиной». Отступление с боевых позиций без приказа высшего командования пресекалось заградительными отрядами, которые в соответствии с приказом № 227 были уполномочены расстреливать отступающих на месте.

При этом основания попадания в состав штрафных батальонов не всегда были справедливыми. В числе состава указанных батальонов оказывались в том числе и военнослужащие, которые сумели с боем вырваться из окружения и отойти к своим войскам, и лица, которые по религиозным соображениям отказались брать в руки оружие, и те, кто неосторожно продемонстрировал отличное владение немецким языком – языка противника [5].

Изложенное приводит к ряду вопросов правового и морально-этического характера. (1) За всяким ли преступлением может следовать положительное поведение? (2) Как соотносится право на жизнь и другие личные права индивида с общественными интересами в контексте индивидуального положительного поведения? (3) Допустимо ли считать положительным поведением отказ от выполнения юридических обязанностей по религиозно-нравственным соображениям? (4) Является ли положительным поведением причинение вреда при исполнении приказа? Ответы на поставленные вопросы позволят очертить сферу применения и отличительные признаки позитивного поведения в уголовном праве.

Буквальное прочтение первого вопроса, казалось бы, приводит к отрицательному ответу. Так, например, в конкретно-историческом контексте действия приказа № 227 отступление с боевых позиций без приказа трактовалось как преступное предательство, полностью исключающее шанс на какое-либо дальнейшее положительное поведение (влекущее расстрел на месте). Однако заслуживает поддержки тезис английского юриста Дж. Остина (Austin) о том, что «приказы, относящиеся к определенному событию или особой ситуации», нельзя называть «законом в собственном смысле слова», отличительной чертой которого является универсальный характер [6, p. 11, 14].

Не существует универсальных ценностей, которые могли бы безоговорочно оправдать такую высокую цену, как лишение человека фундаментального права на жизнь против его воли. В этом смысле представляет интерес философская трактовка идеи ценности, предполагающая, что ценности носят по своей сути субъективный характер.

Понятие «ценность» обязано устойчивостью своего употребления философии Ф. Ницще. Именно с влиянием последней М. Хайдеггер связывает то, что «идея ценности стала нам привычной» [7, с. 71]. По мнению Ф. Ницше, объективных ценностей не существует (цит. по: [8, p. 235]). Анализируя воззрения Ф. Ницше, М. Хайдеггер отмечает, что разговоры об универсальных «ценностях в себе» либо пусты (представляют собой «безмыслие»), либо фальшивы, подчеркивая: «… «ценность» по своему существу есть «точка зрения» [7].

При взгляде с данной позиции следует признать, что ограничение права человека на жизнь помимо его воли (на этом необходимо остановиться ниже) – это не что иное, как диктат воли сильного, который под своим углом зрения высшего арбитра определяет, должен ли тот или иной человек пожертвовать собой ради «высших ценностей», заслуживает ли он права на жизнь и исправление (или на служение обществу иным способом, чем тот, который от него требуется). Подобный подход не может быть признан удовлетворительным.

Напротив, *de lege ferenda* шанс на коррекцию поведения должен быть обеспечен каждому. Важно отметить, что данный тезис не просто представляется верным с точки зрения справедливости, но и более осуществим с практической точки зрения, чем может казаться на первый взгляд. Согласно результатам исследований, принятие коррекционных мер даже к преступникам из группы, в которой риск рецидива объективно высокий (в силу психических заболеваний или по другой причине), позволяет добиться «как позитивных перемен в жизни, так и общественной безопасности» [9].

Необходимо подчеркнуть, что выше имеется в виду именно недобровольный характер ограничений. Героизм людей, сделавших выбор в пользу защиты своих соотечественников

с оружием в руках, бесспорно, заслуживает должного признания. В то же время если система религиозно-нравственных соображений человека не позволяет ему взять в руки оружие ни при каких обстоятельствах, даже под угрозой расстрела, то принудительно бросать его под пули – жестоко и бессмысленно.

Коллизия между публичными и частными интересами в обозначенном случае подводит к вопросу о том, может ли поведение человека быть одновременно конфликтным и положительным. В конфликтологии выделены различные стратегии поведения человека при конфликте. Анализ указанных стратегий позволяет утверждать, что само по себе наличие конфликта интересов не означает с неизбежностью, что одна из сторон действует недобросовестно и стремится удовлетворить только свои интересы в ущерб другим. Подобная линия поведения, как отмечено в литературе, характерна для такой стратегии поведения при конфликте, как конкуренция (соперничество), однако существуют и другие стратегии, например, компромисс и сотрудничество, позволяющие искать альтернативные решения [10].

С учетом указанного видится, что отказ от выполнения юридической обязанности может, тем не менее, представлять собой положительное поведение, если протест против выполнения обязанности не является самоцелью человека, и его поведение явно свидетельствует о намерении внести равноценный или больший вклад для общественных интересов иным способом, а не тем, который требуется при исполнении обязанности. В пользу практической состоятельности данной позиции свидетельствует наличие в отечественном законодательстве института замены военной службы альтернативной гражданской службой в случае, если несение воинской службы противоречит убеждениям или вероисповеданию лица либо оно относится к коренному малочисленному народу Российской Федерации и отвечает критериям, закрепленным в законе[3].

Изложенное позволяет выделить такой признак позитивного поведения, как социальная полезность. Важно отметить, что речь идет об объективной пользе. Лицо может быть убежденным, что его деяние несет пользу для социума, однако его субъективная точка зрения сама по себе не делает деяние социально полезным. Так, например, в системе ценностей человека может присутствовать убеждение, что самовольное возмездие за причиненный ему лично или чувствительным для него интересам вред не только допустимо, но и желательно, и под влиянием данного убеждения причинить ущерб другому лицу не ради предотвращения вреда, который уже наступил в прошлом, а в порядке мести. В свете изложенного в доктрине уголовного права справедливо в качестве объективного признака поведения обороняющегося лица при необходимой обороне выделяется своевременность защиты [11, с. 465], а сама необходимая оборона расценивается как «правомерное, общественно полезное поведение» [12, с. 83], чего нельзя сказать о мести.

В науке уголовного права представлена точка зрения, в соответствии с которой «деяния, совершаемые при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, вполне заслуживают конкретного поощрения со стороны государства» [13, с. 149], с которой можно согласиться лишь отчасти. Более точно исходить из того, что выявление обстоятельств, исключающих преступность деяния, позволяет методом исключения сделать вывод об отсутствии в содеянном общественной опасности [14, с. 104], однако из отсутствия общественной опасности в деянии не следует с необходимостью, что оно социально полезно. С учетом изложенного не все виды деяний при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, следует расценивать как положительное поведение (и, соответственно, поощрять).

Так, субъект, действующий во исполнение незаконного приказа, способен причинить вред охраняемым уголовным законом интересам. И в отличие от других обстоятельств, исключающих преступность деяния, за причинение вреда в результате исполнения незаконного приказа уголовная ответственность наступает, однако несет ее лицо отдавшее, а не исполнившее приказ. Думается, что непоследовательно считать за-

[3] Об альтернативной гражданской службе: Федеральный закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3030.

служивающим поощрения поведение исполнителя общественно опасного деяния и одновременно настаивать на привлечении к уголовной ответственности лица, отдавшего приказ о совершении этого же самого деяния.

Спорно и утверждение, что «наличие общественно полезной цели является субъективным основанием правомерности причинения вреда при исполнении приказа или распоряжения» [15, с. 285]. Основанием освобождения от уголовной ответственности в порядке статьи 42 УК РФ[4] выступает не то, что у субъекта обязательно была общественно полезная цель, а то, что незаконность приказа или распоряжения не была для него очевидна. И поэтому исполнитель посчитал себя обязанным подчиниться – независимо от того, воспринимал ли он свой поведенческий акт как нацеленный на общественно полезный результат или нет. Как справедливо отмечено в литературе, в ряде случаев исполнитель «может предвидеть наступление общественно опасных последствий исполнения приказа или распоряжения… но не обладает всей полнотой информации для того, чтобы оценить этот приказ как законный или незаконный» [16, с. 210].

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Заключение

На основе предпринятого исследования следует сделать следующие выводы.

1. Позитивное поведение может следовать за любым преступлением.

2. Сфера применения понятия «позитивное поведение в уголовном праве» шире рамок одного лишь посткриминального поведения, оно применимо также по отношению к ряду оснований, исключающих преступность деяния.

3. Указанное понятие является оценочным, его содержание носит исторически-изменчивый характер и зависит от того, в какой степени гарантировано право на жизнь и иные фундаментальные права человека в условиях конституционного строя, действующего в конкретный период развития государства.

4. Признаком позитивного поведения выступает социальная полезность, понимаемая в объективном смысле, а не в субъективном восприятии лица, совершающего то или иное деяние.

5. Освобождение лица от уголовной ответственности само по себе не всегда свидетельствует об оценке его поведения как позитивного. В определенных случаях деяние лица может быть дозволенным, но не позитивным.

Список источников

1. *Медведев Е.В.* Социальное назначение уголовного права // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. № 4. С. 122-133. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.4.122-133, https://elibrary.ru/cayzsz
2. *Голик Ю.В.* Истина в уголовном праве: Аналитический доклад. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2013. 53 с.
3. *Weber T.M.* Examining social contract theory // Praxis. 2014. Vol. 1. № 1. P. 2-8.
4. *Сабитов Р.А.* Посткриминальное поведение. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. 193 с. https://elibrary.ru/htdvlb
5. *Дайнес В.* Штрафбаты и заградотряды Красной Армии. М.: Эксмо, 2008. 444 с.
6. *Austin J.* Lectures on Jurisprudence (abridged by Robert Campbell). L., 1920. 475 p.
7. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. и комм. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
8. *Langsam H.* How to combat nihilism: reflections on Nietzsche's critique of morality // History of Philosophy Quarterly. 1997. Vol. 14. № 2. P. 235-253.
9. *Skeem J.L., Polaschek D.L.L.* High risk, not hopeless: correctional intervention for people at risk for violence // Marquette Law Review. 2020. Vol. 103. Issue 3. P. 1130-1148.
10. *Багаева В.В.* Стратегии поведения в конфликте // Сибирский торгово-экономический журнал. 2015. № 1 (20). С. 91-92. https://elibrary.ru/vhgfpp
11. *Сабитов Р.А.* Теория и практика уголовно-правовой квалификации. М.: Юрлитинформ, 2013. 592 с. https://elibrary.ru/tmukyt
12. *Колосовский В.В.* Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. М.: Статут, 2011. 398 с. https://elibrary.ru/qseppl

13. *Абрамян К.О.* Виды уголовно-правового поведения и их значение для решения задач уголовного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 143-149. https://elibrary.ru/xythox
14. *Благов Е.В.* Об основании уголовной ответственности // Lex Russica. 2019. № 1 (146). С. 97-105. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.097-107, https://elibrary.ru/yvpcyp
15. *Сидоров Б.В., Гумеров И.А.* Исполнение приказа или распоряжения: социально-правовая природа, вопросы ответственности, наказания и совершенствования уголовного закона за деяния, совершаемые во исполнение приказа или распоряжения // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 283-287. https://elibrary.ru/ulqzlb
16. *Леонова Т.Ю.* Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Правовая культура. 2011. № 1 (10). С. 206-214. https://elibrary.ru/opglot

References

1. Medvedev E.V. (2022). Social Purpose of Criminal Law. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, vol. 164, no. 4, p. 122-133. (In Russ.) https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.4.122-133, https://elibrary.ru/cayzsz
2. Golik Yu.V. (2013). *Istina v ugolovnom prave: Analiticheskii doklad* [Truth in Criminal Law: Analytical Report]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 53 p. (In Russ.)
3. Weber T.M. (2014). Examining social contract theory. *Praxis*, vol. 1, no. 1, pp. 2-8.
4. Sabitov R.A. (1985). *Postkriminal'noe povedenie* [Post-Criminal Behavior]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 193 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/htdvlb
5. Daines V. (2008). *Shtrafbaty i zagradotryady Krasnoi Armii* [Penal Battalions and Barrage Detachments of the Red Army]. Moscow, Eksmo Publ., 444 p. (In Russ.)
6. Austin J. (1920). *Lectures on Jurisprudence (abridged by Robert Campbell)*. London, 475 p.
7. Heidegger M. (1993). *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 447 p. (In Russ.)
8. Langsam H. (1997). How to combat nihilism: reflections on Nietzsche's critique of morality. *History of Philosophy Quarterly*, vol. 14, no. 2, pp. 235-253.
9. Skeem J.L., Polaschek D.L.L. (2020). High risk, not hopeless: correctional intervention for people at risk for violence. *Marquette Law Review*, vol. 103, issue 3, pp. 1130-1148.
10. Bagaeva V.V. (2015). Strategii povedeniya v konflikte [Strategies for Dealing with Conflict]. *Sibirskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal* [Siberian Trade and Economic Journal], no. 1 (20), pp. 91-92. (In Russ.) https://elibrary.ru/vhgfpp
11. Sabitov R.A. (2013). *Teoriya i praktika ugolovno-pravovoi kvalifikatsii* [Theory and Practice of Criminal Legal Qualifications]. Moscow, Urlitinform Publ., 592 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/tmukyt
12. Kolosovsky V.V. (2011). *Teoreticheskie problemy kvalifikatsii ugolovno-pravovykh deyanii* [Theoretical Problems of Qualification of Criminal Acts]. Moscow, Statut Publ., 398 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qseppl
13. Abramyan K.O. (2018). Types of criminal and legal behavior and their value for solving tasks of the criminal legislation. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, no. 4 (123), pp. 143-149. (In Russ.) https://elibrary.ru/xythox
14. Blagov E.V. (2019). The basis of criminal responsibility. *Lex Russica*, no. 1 (146), pp. 97-105. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.097-107, https://elibrary.ru/yvpcyp
15. Sidorov B.V., Gumerov I.A. (2015). Performance of the order or order: the social and legal nature, questions of responsibility, punishment and improvement of the criminal law for the acts made in pursuance of the order or the order. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, Law and Sociology*, no. 3, pp. 283-287. (In Russ.) https://elibrary.ru/ulqzlb
16. Leonova T.Yu. (2011). The execution of the order or the instruction, as the circumstance excluding criminality of act. *Pravovaya kul'tura = The Legal Culture*, no. 1 (10), pp. 206-214. (In Russ.) https://elibrary.ru/opglot

Поступила в редакцию / Received 12.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 15.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 343.9:004
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-601-609
Шифр научной специальности 5.1.4

Экстремизм и терроризм в сети Интернет как преступления в сфере компьютерной информации мирового масштаба

© ПОПОВА Елена Альбертовна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, https://orcid.org/0000-0002-6903-1775, elenap2672@yandex.ru
© КУЗНЕЦОВА Ирина Сергеевна
секретарь судебного заседания, Тамбовский областной суд, Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Коммунальная, 8, https://orcid.org/0009-0006-4301-1967, irinakis_is15@mail.ru

Аннотация
В современных условиях информатизации население сталкивается с проблемами, имеющими разный характер, а также различные формы проявлений. Рассмотрена проблема, у которой всеобщий характер, которая в мировом масштабе представляет собой распространение идеологии терроризма и экстремизма. На данный момент мировое сообщество прилагает огромные силы, чтобы разработать новейшие способы и средства борьбы с рассматриваемыми особо тяжкими преступлениями, такими как экстремизм и терроризм, их последствия являются жестокими и иногда даже непоправимыми. При изучении вопросов, связанных с экстремизмом и терроризмом в Интернете, применялись известные теоретические методы: дедукция и индукция, анализ и синтез. Использование формально-юридического метода частного права позволило исследовать и провести оценку текстов нормативных правовых актов. Целью исследования является анализ общей характеристики экстремизма и терроризма в сети Интернет как противоправного деяния, совершенного в сфере компьютерной информации, мирового масштаба, а также выявление и разрешение наиболее актуальных и спорных вопросов как в теоретическом, так и в практическом плане применительно к рассматриваемой проблеме. Сегодня террористы и экстремисты все чаще используют сферу телекоммуникаций и компьютерной информации для реализации своих преступных намерений. Отметим, что преступления экстремистской и террористической направленности, совершаемые именно с использованием сферы компьютерной информации, несут глобальные угрозы, являются очень опасными, серьезными не только для российского общества и государства, но и в целом для мирового сообщества. Ущерб, который наносится данными видами преступлений, растет с геометрической прогрессией.

Ключевые слова
информация, информационное общество, компьютерная информация, сфера телекоммуникаций, сеть Интернет, терроризм, экстремизм, преступления в сфере компьютерной информации, противодействие

Для цитирования
Попова Е.А., Кузнецова И.С. Экстремизм и терроризм в сети Интернет как преступления в сфере компьютерной информации мирового масштаба // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 601-609. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-601-609

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-601-609

Extremism and terrorism on the Internet as crimes in the field of computer information on a global scale

© Elena A. POPOVA,
PhD (Law), Associate Professor, Head of Criminal Law and Procedure Department, Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-6903-1775, elenap2672@yandex.ru
© Irina S. KUZNETSOVA
Court Secretary, Tambov Regional Court, 8 Kommunalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, https://orcid.org/0009-0006-4301-1967, irinakis_is15@mail.ru

Abstract
In modern conditions of informatization, the population is faced with problems of a different nature, as well as various forms of manifestation. The problem is considered, which has a universal character, which on a global scale represents the spread of the ideology of terrorism and extremism. At the moment, the world community is making enormous efforts to develop the latest methods and means of combating these particularly serious crimes, such as extremism and terrorism, their consequences are cruel and sometimes even irreparable. When studying issues related to extremism and terrorism on the Internet, well-known theoretical methods were used: deduction and induction, analysis and synthesis. The use of the formal legal method of private law made it possible to study and evaluate the texts of regulatory legal acts. The purpose of study is to analyze the general characteristics of extremism and terrorism on the Internet as an illegal act committed in the field of computer information on a global scale, as well as to identify and resolve the most pressing and controversial issues, both theoretically and practically, in relation to the problem under consideration. Today, terrorists and extremists are increasingly using the sphere of telecommunications and computer information to realize their criminal intentions. Let us note that extremist and terrorist crimes committed specifically using the sphere of computer information pose global threats, are very dangerous and serious not only for Russian society and the state, but also for the world community in general. The damage caused by these types of crimes is growing exponentially.

Keywords
information, information society, computer information, telecommunications sector, Internet, terrorism, extremism, crimes in the field of computer information, counteraction

For citation
Popova, E.A., & Kuznetsova, I.S. (2023). Extremism and terrorism on the Internet as crimes in the field of computer information on a global scale. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 601-609 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-601-609

Введение

Сегодня, в XXI веке, в период информационного общества цифровая информация имеет особую, уникальную ценность как социальную, так и экономическую, правовую. Веком энергетики был назван многими учеными XX век, в то время как XXI столетие стали называть веком информационных ресурсов. Согласно известному афоризму немецкого банкира Натана Ротшильда: «кто владеет информацией – тот владеет миром». Отметим, что эта фраза в полной мере отражает суть нашей эпохи, где доступ к информации и умение правильно ее использовать становятся основой успеха и профессионального роста.

Научно-технический прогресс привел к появлению фундаментальных технологических инноваций, которые практически незаменимы для современного человека. Массовое внедрение этих технологий привело к появлению информационных ресурсов. Сегодня информация имеет определенную реальную цену и стала особо ценным товаром в связи с развитием и совершенствованием технологий. Все это так же является стимулом появления и развития новых форм преступлений, в первую очередь, конечно, компьютерных.

Безусловно, на данный момент информация, которая хранится в электронном виде, является базой материального благосостояния достаточно многих людей, с помощью нее разрабатываются системы государственной безопасности, движутся вперед без нее открытия в современной науке.

Компьютерная информация играет значительную роль во всех общественных сферах общества, поэтому сегодня особо актуально охранять частные, общественные и государственные интересы в сфере информационных технологий.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за последние «пять лет количество преступлений, связанных с компьютерной информацией, увеличилось более чем в 11 раз, а удельный вес в общей структуре преступности вырос с 2 до 25 %. Большая часть преступлений в сфере компьютерной информации совершается с использованием сети Интернет (почти 58 % от всех преступлений) или при помощи средств мобильной связи (42 %). Также среди способов совершения компьютерных преступлений фигурируют расчетные (пластиковые) карты, компьютерная техника, программные средства» [1, с. 489].

Все это обусловливает актуальность данной темы и предопределяет необходимость детального рассмотрения теоретических и практических аспектов предмета заявленного исследования.

Результаты исследования

Преступления, совершаемые с использованием электронно-вычислительных машин и имеющие глобальное измерение, получили правильную и обоснованную оценку международного сообщества, что нашло свое отражение в Конвенции о киберпреступности. Конвенция является одним из основных и ключевых документов в области борьбы с компьютерными преступлениями. Конвенция была принята Советом Европы в Будапеште в 2001 г. Документ подписали не только европейские страны, но и Аргентина, Япония, а также США.

Важность и значимость вышеуказанной Конвенции неоднократно отмечались в научных работах, и здесь ее также следует подчеркнуть. Во-первых, Конвенция предусматривает такие компьютерные преступления, как:

– преступления против неразглашения и открытости компьютерных систем и данных;

– преступления, связанные с использованием компьютеров (компьютерный подлог, компьютерное мошенничество);

– «преступления, связанные с содержанием данных (детская порнография);

– преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав;

– преступления, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем» [2, с. 171].

Во-вторых, такая Конвенция ставит достаточно важные и существенные процессуальные вопросы, вопросы взаимодействия правоохранительных органов государств, а также вопросы юрисдикции, которые определяются определенной характеристикой государства, в том числе территориальной.

До настоящего времени Российская Федерация не стала участником Конвенции. Считается, что статья 32 Конвенции «противоречит российскому законодательству и нарушает суверенитет государства» [3, с. 39], поскольку в ней говорится, что такие действия могут быть предприняты без своевременного уведомления и без согласия стороны, против которой предпринимаются действия.

Выделим, что понимается под компьютерными преступлениями. Конечно, это, в первую очередь, противоправное деяние, где компьютер является или объектом, против которого совершается преступление, или инструментом, используемый для совершения преступных действий. Также это такие преступления, которые совершаются с использованием компьютерной информации, где компьютерная информация – предмет и (или) средство совершения направленных против закона действий.

Согласно действующему Уголовному кодексу РФ преступлениями в сфере компьютерной информации являются преступления, совершаемые в области обработки информации и нарушения информационной безопасности.

Глава 28 УК РФ содержит нормы, регламентирующие ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Включение данной главы в действующий кодифицированный уголовный закон обусловлено коренными изменениями общественных отношений в Российской Федерации и формированием открытого информационного общества. Очевидная опасность данных преступлений обусловлена тем, что компьютеры и другие современные устройства, а также хранимая и передаваемая с их помощью информация соприкасаются со всеми сферами жизни современного общества.

Интересно отметить, что большая часть преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ, зарегистрирована по статье 272 УК РФ. Удельный вес данного преступления среди иных преступлений в сфере информационных технологий составляет 83,8 %. Затем идет состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность по статье 273 УК РФ. На него приходится 15,4 % от всех преступлений в киберпространстве. Если обратиться к статье 274 УК РФ, то следует подчеркнуть, что этот процент незначителен, и подобные преступления совершаются редко. В данном случае проблема не в том, что рассматриваемые действия не совершаются, напротив, существует множество трудностей с их квалификацией.

Как уже отмечалось выше, развитие современных информационных технологий и распространение компьютеризации коренным образом изменили криминальную среду не только на национальном, но и на глобальном уровне. Из-за отсутствия надлежащего и профессионального социального регулирования Интернет сегодня безнаказанно используется преступниками как место совершения не только традиционных преступлений, таких как кражи, но и более сложных, замаскированных и завуалированных хищений, таких как продажа конфиденциальной информации и вымогательство, а также многих иных видов преступлений.

Следует отметить, что особую опасность представляет экстремизм в Интернете и его крайняя предельная форма – терроризм, то есть поведение, нарушающее работу информационных систем и выводящее их из строя, «создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если они совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решения государственными органами, а также угроза совершения вышеуказанных действий в тех же целях» [4, с. 59].

Сегодня российская наука не содержит единого мнения по поводу определения понятия «кибертерроризм». Так, кибертерроризм – это совокупность общественно опасных действий в виртуальном пространстве, которые создают угрозу безопасности личности, общества, государства.

Кибертерроризм – это серьезная проблема всего человечества, ее можно даже сравнить с самыми разрушительными, уничтожающими видами современного оружия – бактериологическим, ядерным, химическим. Интересно отметить, что в этой области мировой опыт констатирует уязвимость, незащищенность государств, ведь у терроризма в сети Интернет нет каких-либо государственных границ. Террорист в виртуальном пространстве способен угрожать таким информационным системам, которые расположены в любой точке мира.

Можно привести примеры преступлений такой направленности в мировой истории. Например, «в 1996 г. против дипломатических представительств Шри-Ланки одна из террористических организаций провела сетевую атаку; в 2004 г. электронные ресурсы правительства Южной Кореи были подвергнуты массированной атаке; в 2005–2006 гг. было зафиксировано более 2 млн кибернападений на информационные ресурсы органов государственной власти, в том числе свыше 300 тыс. атак на интернет-представительство Президента РФ» [5, с. 120].

Интересно отметить, что кибертеракты могут быть совершены с помощью множества различных приемов:

– доступ к информации, представляющей собой разновидность конфиденциальной, банковской или личной информации, угроза разглашения такой информации третьим лицам либо передачи ее в свободный и широкий доступ;

– вмешательство в работу или повреждение различных физических элементов информационного пространства – использование вредоносных программ, нарушающих работу электросетей, создающих помехи или выводящих из строя аппаратуру;

– дезинформация и захват средств массовой информации для демонстрации силы террористических организаций и передачи их требований;

– уничтожение или активное подавление линий связи, неправильная адресация, перегрузка узлов коммуникации;

– проведение информационно-психологических операций и т. п.;

– кража либо ликвидация программ, данных информационных ресурсов посредством взлома систем защиты, разработки и внедрения вирусов и т. п.;

– влияние на информацию и программное обеспечение» [6, с. 171].

Подчеркнем, что террористы в киберпространстве имеют определенное финансирование и материальную поддержку. Безусловно, это делается с определенными целями. Например, можно выделить, в чем же состоится интерес финансирования кибертерроризма транснациональными корпорациями. Ответ достаточно прост: данным способом корпорации устраняются конкурентов, а также производят изменения в так называемом инвестиционном климате государств, где они непосредственно осуществляют свою деятельность.

Также интерес материальной поддержки кибертеррористов есть у отдельных государств, которые таким образом решают конкретные политические проблемы на различных уровнях, как на мировом, так и на локальном.

Мотивы преступника, занимающегося кибертеррористической деятельностью, также можно определить. Они практические не меняются и бывают либо финансовыми, либо политическими. Террористы в виртуальном пространстве достаточно грамотные люди, поэтому, безусловно, осознают факт серьезной зависимости государственных инфраструктур от информационно-телекоммуникационных сетей и пользуются этим в своих преступных целях. К примеру, «в статье Мохаммеда бен Ахмада ас-Салима «39 способов служить и участвовать в джихаде» вводится понятия «электронный джихад», который рассматривается как один из способов дестабилизации западных государств» [7, с. 48].

Эффективность противодействия кибертерроризму затрудняется, ведь он с каждым годом становится привлекательнее для преступников и имеет всемирные сетевые масштабы. Также подчеркнем, что дешевле и проще получить средства для совершения таких противоправных деяний, чем приобрести традиционное классическое оружие.

Н.В. Григорьев считает, что «в отличие от традиционных форм терроризма, компьютерный обладает более высокой степенью анонимности и в то же время устраняет необходимость в территориальной близости к цели» [8, с. 7], что, безусловно, делает его более популярным, ведь тогда уменьшается возможность захватить или уничтожить преступника во время атаки.

Последствия такого терроризма для огромного количества людей имеют глобальный характер. Стоит согласиться с мнением Фрэнка Барнаби, который пишет, «…что компьютерный террорист с ноутбуком в состоянии причинить больше вреда, чем террорист, вооруженный бомбами и иными видами традиционного оружия» [9, с. 171].

Аудитория пользователей сети Интернет за год увеличилась на 5,1 % (+6 млн человек) и теперь составляет 124 млн человек, это 85 % населения Российской Федерации. На основании данных показателей можно выделить, что террористы в киберпространстве могут оказывать прямое или косвенное воздействие на огромное количество российского населения.

Сегодня в России проводится ряд организационных мер по борьбе с терроризмом в сети Интернет. В 2013 г. ФСБ РФ были делегированы полномочия по созданию государственного механизма по обнаружению, предупреждению и ликвидации атак в российском виртуальном пространстве.

В 2016 г. была утверждена Доктрина информационной безопасности РФ, получившая дальнейшее развитие с принятием Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.

«Доктрина представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере»[1].

«Стратегия определяет цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов»[2].

Статья 280 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за открытые призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Вторая часть этой статьи предусматривает аналогичные действия, совершенные с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе средств массовой информации и Интернета.

Согласно пункту 1 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистской деятельностью признаются «публичные призывы к совершению преступлений по мотивам политической ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении к какой-либо социальной группы»[3].

Одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации является экстремистская деятельность националистических, радикальных социальных, религиозных, этнических и иных организаций и групп, направленная на «нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации»[4], дестабилизацию политической и социальной обстановки в стране.

Экстремизм в цифровом пространстве – это «форма экстремистской деятельности физических и юридических лиц по незаконному созданию, хранению и массовому распространению» [10, с. 60] экстремистской информации в информационно-коммуникационной сети Интернет. Отметим, что распространению экстремизма в виртуальном пространстве содействует достаточно низкая цена создания, применения сетевых ресурсов, ведь для человека, хорошо владеющего навыками программирования, не создаст каких-либо трудностей разработать сайт, открыть аккаунт, группу в социальной сети.

Приведем пример из судебной практики. *Антонов Д.В. зарегистрировался на сайте в сети Интернет, создав учетную запись пользователя, то есть ему была предоставлена возможность публиковать в ней разного рода графические, текстовые, видеоматериалы, аудиоматериалы, а также примечания, так называемые комментарии к ним.*

Воспользовавшись указанной возможностью, Антонов Д.В., испытывая чувство ненависти к представителям ФСИН России, имея прямой умысел на открытое обращение к неопределенному кругу лиц с призывом к осуществлению экстремистской деятельности посредством сети Интернет, 16 апреля 2020 г. по адресу своего места жительства вошел в открытую информационно-коммуникационную сеть Интернет, являющуюся общим и широко распространенным ресурсом социальных сетей, с помощью мобильного телефона, принадлежащего ему, разместил комментарии в группе к видеозаписи, содержащей призыв к насильственным действиям в отношении сотрудников ФСИН России[5].

Подчеркнем, что сегодня увеличилась эффективность, результативность работы правоохранительных органов в направлении обнаружения преступлений, связанных с

[1] Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5.12.2016 № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

[2] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9.05.2017 № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

[3] О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

[4] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.

[5] Приговор № 1-310/2020 от 27.07.2020 по делу № 1-310/2020. Доступ из интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)» (дата обращения: 20.04.2023).

экстремистской деятельностью. Их количество возросло более чем на четверть (1057, +26,9 %). Две трети (62,5 %) преступлений совершены с использованием сети Интернета (в 2020 г. – 56,8 %). Также в соответствии с анализом результатов деятельности правоохранительных органов отметим, что при совершении преступлений данной направленности активно используются социальные сети и мессенджеры. На такую статистику также повлиял рост числа преступлений по статье 280 УК РФ. Так, зарегистрировано 486 таких деяний. Количество фактов организации деятельности экстремистских организаций также возросло почти на треть – 278. В 2021 г. количество преступлений террористической направленности с использованием сети Интернет выросло на треть – 576[6].

На сегодняшний момент государство активно предпринимает меры для предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации. Данные меры нельзя назвать предотвращающими рассматриваемый вид преступных посягательств, а, наоборот, это больше контрмеры в ответ на уже совершенные преступные посягательства. Следует подчеркнуть, что современный преступник в виртуальном пространстве значительно быстрее, ловчее осваивает данные, инициативнее, динамичнее изучает и затем применяет в своей противоправной деятельности новейшие технические разработки.

Заключение

Под преступностью в сфере компьютерной информации понимаются деяния, совершаемые в виртуальном пространстве, включая неправомерное вмешательство в функционирование компьютеров, компьютерных программ и компьютерных сетей, несанкционированное изменение компьютерных данных и иные противоправные общественно опасные деяния, совершаемые с использованием компьютеров, компьютерных сетей и программ.

Компьютерные преступления имеют широкий масштаб незаконных, противоправных деяний, начиная от мошенничества, кражи личной информации и заканчивая преступлениями на почве ненависти и распространение наркотиков. Ежегодное увеличение компьютерных преступлений вызвано доходностью, минимальностью риска. Количество киберугроз, безусловно, росло, растет и будет расти, поэтому такую проблему следует поставить в приоритет каждому человеку, организациям и в целом государствам. На основании прогнозов к 2025 г. ущерб от компьютерных преступлений, который получит мировая экономика, может составить до $10 трлн.

Подчеркнем, что привлечь преступника к уголовной ответственности за различные действия в сети Интернет довольно сложно, ведь характер таких действий может быть многообразным, при этом в УК РФ отсутствует какая-либо иерархия тяжести совершенных лицом деяний.

В настоящее время потенциал экстремизма и терроризма в Сети огромен, в первую очередь, он используется как способ решения проблем экономического, политического, социального характеров. Часто определенные экстремисты, террористы либо группа экстремистов, террористов заявляют конкретные угрозы о выведении из строя, дестабилизации объектов жизнеобеспечения людей, предприятий, жилого фонда и т. д. Очевидно, что такие общественно опасные действия даже без выдвижения, к примеру, каких-либо политических требований, способны очень резко и серьезно нарушить спокойную обстановку в стране, стать так называемым спусковым крючком для организации различного рода несанкционированных, неразрешенных массовых выступлений, что неминуемо может привести к существенному снижению уровня как жизни населения, так и законности, легитимности государственной власти в стране.

[6] Количество экстремистских преступлений в РФ выросло более чем на четверть в 2021 г. // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/14478143?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 20.04.2023).

Список источников

1. *Стяжкина С.А.* Уголовно-правовые особенности квалификации нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (статья 274 УК РФ) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. № 3. С. 489-496. https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-3-489-496, https://elibrary.ru/cjnjmw
2. *Чернякова А.В.* Международный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия хищениям, совершаемым с использованием компьютерной информации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 168-179. https://elibrary.ru/yxrbdf
3. *Атнашев В.Р.* Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3 (29). С. 37-42. https://elibrary.ru/avhdyz
4. *Ищенко Е.П.* Виртуальный криминал. М.: Проспект, 2014. 228 с.
5. *Геворгян Е.М.* Кибертерроризм как угроза информационной безопасности Российской Федерации // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 6 (58). С. 118-122. https://elibrary.ru/puppdf
6. *Моторина Т.С., Шамсудинова В.В.* Кибертерроризм как угроза информационной безопасности Российской Федерации // Научные исследования XXI века. 2020. № 3 (5). С. 168-172. https://elibrary.ru/bbmfgg
7. *Серебренникова А.В.* Кибертерроризм: причины и условия // Colloquium-Journal. 2021. № 17 (104). С. 47-49. https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-17104-47-49, https://elibrary.ru/tjrxhe
8. *Григорьев Н.В.* Влияние кибертерроризма на молодежную среду // Вестник национального антитеррористического комитета. 2017. № 2. С. 5-8.
9. *Малик Е.Н.* Кибертерроризм как мировая угроза: вызовы и меры борьбы // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 169-173. https://elibrary.ru/qqjhod
10. *Бутенко А.С.* Экстремизм в сети Интернет: понятие и сущность // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 57-61. https://elibrary.ru/pxvdkl

References

1. Styazhkina S.A. (2021). Criminal-legal features of the qualification of violations of the rules of operation of means of storage, processing or transmission of computer information and information and telecommunications networks (article 274 of the criminal code of the Russian Federation). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo» = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, no. 3, pp. 489-496. (In Russ.) https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-3-489-496, https://elibrary.ru/cjnjmw
2. Chernyakova A.V. (2018). International and foreign experience of criminal law counteraction to thefts committed by using computer information. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 4 (46), pp. 168-179. (In Russ.) https://elibrary.ru/yxrbdf
3. Atnashev V.R. (2019). International cooperation on cybercrime and cyberterrorism. *Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, no. 3 (29), pp. 37-42. (In Russ.) https://elibrary.ru/avhdyz
4. Ishchenko E.P. (2014). *Virtual'nyi criminal* [Virtual Crime]. Moscow, Prospekt Publ., 228 p. (In Russ.)
5. Gevorgyan E.M. (2021). Cyber terrorism as a national safety's threat of Russian Federation. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki = Sciff. Questions of Student Science*, no. 6 (58), pp. 118-122. (In Russ.) https://elibrary.ru/puppdf
6. Motorina T.S., Shamsudinova V.V. (2020). Cyber terrorism as a national safety's threat of Russian Federation. *Nauchnye issledovaniya XXI veka* [Scientific Research of the 21st Century], no. 3 (5), pp. 168-172. (In Russ.) https://elibrary.ru/bbmfgg
7. Serebrennikova A.V. (2021). Cyber terrorism: causes and conditions. *Colloquium-Journal*, no. 17 (104), pp. 47-49. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-17104-47-49, https://elibrary.ru/tjrxhe
8. Grigor'ev N.V. (2017). Vliyanie kiberterrorizma na molodezhnuyu sredu [The impact of cyberterrorism on youth]. *Vestnik natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta = Herald of the National Antiterrorism Committee*, no. 2, pp. 5-8. (In Russ.)
9. Malik E.N. (2020). Cyberterrorism as a world threat: challenges and measures of struggle. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo institute = Bulletin of Prikamsky Social Institute*, no. 1 (85), pp. 169-173. (In Russ.) https://elibrary.ru/qqjhod

10. Butenko A.S. (2019). Extremism on the Internet: the concept and the essence. *Yurist"-Pravoved"* [Jurist-Lawyer], no. 2 (89), pp. 57-61. (In Russ.) https://elibrary.ru/pxvdkl

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 14.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 09.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 343.97
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-610-619
Шифр научной специальности 5.1.4

Киберпространство как место совершения преступлений: современные тенденции, особенности, меры предупреждения

© ТРУФАНОВА Александра Юрьевна,
юрист, ООО АФ «Реут», Российская Федерация, Курская область, Медвенский р-он, 307048, с. Верхний Реутец, https://orcid.org/0000-0002-9556-5789, trufanovaalexandra@gmail.com
© СИНЯЕВА Мария Ивановна,
старший преподаватель кафедры уголовного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, https://orcid.org/0000-0002-9556-5789, mari_sinyaeva@mail.ru

Аннотация

Актуальность данной темы обусловлена тем, что развитие технологий, распространенность компьютерной техники и сети Интернет среди населения привели к возникновению глобальной для общества проблемы – киберпреступности. Цель настоящего исследования – провести анализ преступлений, совершенных в информационно-цифровом пространстве в Российской Федерации и определить меры предупреждения для различных сфер данного вида преступлений. На сегодняшний день мы еще не говорим о своевременном повсеместном предотвращения киберпреступности правоохранительными органами, считаем необходимым развивать законодательное регулирование этого направления деятельности и обеспечивать в обязательном порядке необходимую переподготовку правоохранительных органов для повышения знаний в области предупреждения, предотвращения и раскрытия киберпреступлений. Методологию составляют диалектический, структурный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ и синтез. Проанализирована история и причины возникновения преступлений в кибернетическом пространстве, исследованы особенности кибератак и киберпреступлений в различных сферах, а также предложены меры предупреждения для соответствующей преступности. Отмечено, что правовые механизмы ответственности за некоторые виды преступлений отсутствуют в законодательстве из-за постоянно изменяющихся способов совершения преступлений, при которых также возникает сложность их раскрытия у правоохранительных органов. Их решение видится в комплексном применении мер предупреждения, своевременном изменении законодательства и регулярной переподготовки правоохранительных органов.

Ключевые слова

киберпространство, кибернетическое пространство, информационные преступления, киберпреступность, Интернет, компьютеры, компьютерные сети, компьютерные программы

Для цитирования

Труфанова А.Ю., Синяева М.И. Киберпространство как место совершения преступлений: современные тенденции, особенности, меры предупреждения // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 610-619. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-610-619

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-610-619

Cyberspace as a crime scene: current trends, features, prevention measures

© Alexandra Yu. TRUFANOVA,
Lawyer, LLC AF "Reut", Verkhny Reutets Vlg. 307048, Medvensky District, Kursk Region, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-9556-5789, trufanovaalexandra@gmail.com
© Maria I. SINYAEVA,
Senior Lecturer of Criminal Law Department, Southwestern State University, 94 50 Let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-9556-5789, mari_sinyaeva@mail.ru

Abstract

The relevance of this topic is due to the fact that the development of technology, the prevalence of computer technology and the Internet among the population have led to the emergence of a global problem for society – cybercrime. The purpose of this study is to analyze crimes committed in the information and digital space in the Russian Federation and determine preventive measures for various areas of this type of crime. Today, we are not yet talking about the timely universal prevention of cybercrime by law enforcement agencies; we consider it necessary to develop legislative regulation of this area of activity and to ensure the necessary retraining of law enforcement agencies to increase knowledge in the field of prevention, prevention and detection of cybercrimes. The methodology consists of dialectical, structural, formal legal and comparative legal methods, analysis and synthesis. The history and causes of crimes in the cyberspace are analyzed, the features of cyber attacks and cybercrimes in various fields are studied, and preventive measures for the corresponding crime are proposed. It is noted that the legal mechanisms of responsibility for some types of crimes are absent in the legislation due to the constantly changing methods of committing crimes, which also make it difficult for law enforcement agencies to solve them. Their solution is seen in the comprehensive application of preventive measures, timely changes in legislation and regular retraining of law enforcement agencies.

Keywords

cyberspace, cybernetic space, information crimes, cybercrime, Internet, computers, computer networks, computer programs

For citation

Trufanova, A.Yu., & Sinyaeva, M.I. (2023). Cyberspace as a crime scene: current trends, features, prevention measures. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 610-619 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-610-619

Введение

Широкое развитие технологий в сфере информационной коммуникации началось в 1990-х гг., когда люди пришли к выводу, что внедрение компьютерных технологий в работу крупных организаций, государственных учреждений, школ, университетов повысит эффективность работоспособности всех сотрудников, а также обеспечит сокращение времени и простоту выполнения различных задач. В начале 1996 г. в связи с тем, что внутренняя политика государства начала стабилизироваться, в государстве начали появляться крупные фирмы, которым было необходимо подключение к IT-технологиям. Образовательный процесс, особенно в высших учебных заведениях, стал переходить к тенденции информационных технологий.

Понимая, как удобен мир технологий в любой сфере жизнедеятельности, люди начали стремиться к получению образования в сфере программирования и IT-технологий. Постепенно в стране начали появляться как специалисты в информационных технологиях, так и новые сами технологии, которые расширяли круг функций и возможностей.

Уже в 1992 г. появился Комитет информатизации при Минкомсвязи Российской Федерации. В 1994 г. президент России Б.Н. Ельцин издал Указ, согласно которому органы государственной власти должны были перейти на полное обеспечение инфор-

мационными технологиями. До 2006 г. активно развивались технологии именно в сфере государственного управления. Но, несмотря на это, гражданское общество также не останавливалось на месте, поэтому начали возникать предпосылки для создания правового регулирования в информационно-цифровом пространстве. В 2006 г. вступил в законную силу Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

За развитием информационных технологий последовало развитие и распространение уже глобальной сети Интернет. Так, к концу XX века число пользователей достигало всего 70 000 человек, а уже в 2009 г. – 2 300 000. К 2012 г. показатель количества пользователей увеличился почти в 3 раза и достиг численности – 8 700 000[1]. На сегодняшний день число пользователей составляет 5,16 миллиарда человек[2].

Эксперты связывают дальнейшее развитие информационных технологий с использованием нанотехнологий и суперкомпьютеров в XXI веке, для того чтобы выполнять различные процессы с использованием комбинированных вычислений в любом месте мира посредством сети Интернет [1, с. 37].

Развитие кибернетического пространства повлекло за собой возникновение нарушений прав граждан путем утечки информации в информационных системах, незаконного использования персональных данных, хакерских атак и взломов, внедрения вирусных технологий и других приемов, которые существуют наравне с деятельностью пользователей в информационно-правовой сфере.

Преступность в информационно-цифровом пространстве является актуальной сферой преступлений в XXI веке. При этом кибернетическое пространство выступает не только местом совершения преступлений, но и порождает возможности совершения преступлений путем использования информационно-цифровых возможностей, например, использование криптовалюты как средства оплаты заказных преступлений или как средства, на которое покушается преступник.

Наиболее распространенными являются преступления в экономической сфере, в сфере интеллектуальной собственности, в сфере экстремизма и терроризма, в сфере незаконного оборота наркотических средств.

В то же время кибернетическое пространство выступает полем для борьбы с вышеуказанной преступностью, так как в сети Интернет размещаются публикации, направленные на борьбу с преступностью, создаются группы, идеологией которых установлена цель по снижению преступности. После пандемии 2020 г. в России получило распространение дистанционное образование, в нашем случае оно также может выступать средством противодействия киберпреступности, то есть граждане могут проходить курсы по повышению грамотности в сфере антипреступности, а правоохранительные органы проходить дистанционную переподготовку по специализированным темам. Деятельность государства как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях связана с информирование граждан о тех или иных способах совершения преступлений в информационно-цифровом пространстве на личных порталах. Таким образом, кибернетическое пространство выступает не только полем совершения преступлений, но и полем для борьбы с такой преступностью.

Но, к сожалению, уровень преступности в кибернетическом пространстве с каждым годом не уменьшается, поэтому для снижения такого уровня требуется внедрение мер противодействия и предупреждения. Только путем данных профилактических мер преступность в информационно-цифровой сфере начнет снижаться.

Результаты исследования

История начала преступности в информационно-цифровом пространстве началась совсем недавно – с конца XX века. Данный промежуток времени определил новый этап развития человечества, который характеризуется оборотом информации в обществе. Информационное общество – это такой тип общества, в котором информация является

[1] Краткий пересказ: IT технологии // Steppe. URL: https://the-steppe.com/kcell-recap?i=it (дата обращения: 29.06.2023).

[2] Статистика Интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России // WebCanape. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/ (дата обращения: 28.06.2023).

наиважнейшей единицей, наблюдается тенденция распространения и применения информации во всех сферах жизнедеятельности, включая сферу кибернетического пространства. Такое общество не может существовать без информационно-коммуникационных технологий и различных сетей, посредством которых передается вся информация.

С развитием цифровых технологий появилась новая сфера деятельности, в которой происходят все технологические процессы – киберпространство.

Вследствие масштабного распространения технических средств, их доступностью среди населения возникла и продолжает развиваться опасная для общества проблема – киберпреступность. Под киберпреступлением понимают виновно совершенное общественно опасное уголовно наказуемое вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированная модификация компьютерных данных, а также иные общественно опасные деяния, совершаемые с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ, а также с помощью или посредством иных устройств доступа к моделируемому с помощью компьютера пространству [2, с. 10].

Выделяют несколько этапов преступности в информационно-цифровом пространстве.

Первый этап. В этот период только начинают появляться компьютерные технологии, поэтому как таковой киберпреступности в обществе нет, но начинают появляться предпосылки таких действий.

Интернет как безграничное пространство для передачи информации зарождается в 1960-х гг. Первым киберпреступником стал Дж. Дрейпер. Для тех времен телефонная связь была роскошью, которая была не у всех и очень дорого стоила, поэтому первые информационные преступления были связаны именно с незаконным использованием связи. Так, Дж. Дрейпер решил попробовать частоту звука от свистка, который всегда был подарком в коробке с кукурузными хлопьями. Удивительно, частота свистульки и частота электрического сигнала доступа в телефонную сеть дальней связи совпали. Так, злоумышленник путем звука свистка во время набора номера взламывал телефонную сеть и разговаривал бесплатно[3].

Второй этап. Данный период характеризуется появлением таких опасных для общества личностей – хакеров. Первой хакерской атакой занимались подростки, которые прозвали себя «группа 414». За 9 дней они взломали 60 компьютеров, в числе которых были компьютеры Лос-Аламосской государственной лаборатории, занимающейся исследованием ядерного оружия [3, с. 882].

Резкое поднятие уровня кибератак на компьютерные средства поспособствовало созданию Центра исследования интернет-безопасности CERT, который в настоящее время именуется как Компьютерная группа реагирования на чрезвычайные ситуации.

Третий этап. Этот период характеризуется началом 1990-х гг., когда технологии уже начинают приобретать более изученную совокупность программного обеспечения и всех специфических функций.

В это время совершается первое киберпреступление, субъектами которого оказался русский народ. В 1994 г. весь мир узнал о «деле Владимира Левина», которое получило статус «транснационального сетевого компьютерного преступления» [3, с. 882]. Им были похищены денежные средства из американского банка и переведены на счета тоже русских людей.

Четвертый этап. Данный период имеет свои особенности: деятельность массовых хакерских группировок и кибертерроризм. Временные рамки данного периода не ограничены – с зарождения хакерских группировок (примерно 2000-е гг.) и по настоящее время.

Опасность данного этапа заключается в том, что жертвой таких преступлений выступает чаще всего государство в лице его органов. Так, например, путем DoS атаки было осуществлено приостановление деятельности сайта администрации Курской области[4].

[3] Взлом телефона свистком из коробки хлопьев: история первого хакера // Яндекс Дзен. 2020. 4 июня. URL: https://dzen.ru/media/izzznanka/vzlom-telefona-svistkom-iz-korobki-hlopev-istoriia-pervogo-hakera-5ed8ff9f7275d0171ebef139 (дата обращения: 25.06.2023).

[4] Сайт администрации Курской области снова подвергся хакерской атаке // Курские известия. 2022.

Именно такими преступлениями характеризуется информационная война. В связи с началом специальной военной операции на Украине хакерские атаки увеличиваются. Данный способ незаконного получения информации дает возможность узнать тайную информацию, то есть служит разведкой для совершения опасных для общества деяний.

Таким образом, на сегодняшний день уровень опасности от совершаемых преступлений в информационно-цифровом пространстве достиг высокого развития. Такого рода преступления совершаются ежеминутно в международном пространстве: каждый день гражданам поступают звонки от неизвестных номеров, которые направлены на извлечение персональной информации, каждый день в сети Интернет публикуются материалы, которые призывают к совершению общеопасных действий, каждый день осуществляются кибератаки на важнейшие информационные ресурсы стран и иные общественно опасные деяния. Большинство данных преступлений способствуют причинению вреда отношениям, связанным с собственностью и осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности, но не стоит забывать, что еще существуют террористические преступления, которые также могут причинить вред не определенному человеку, а всему обществу. Тенденции развития информационных технологий опережают трансформацию законодательства, поэтому некоторые преступления сложно определить и приходится использовать аналогию закона или права. Тем не менее российское законодательство в настоящий момент находится не на самом низком уровне развития, поэтому большинство преступлений, совершенные в сфере информационно-цифрового пространства, находят применение в уголовном кодексе.

Для того чтобы снизить уровень преступности в информационно-цифровой сфере, необходимо разработать комплекс мер, который будет оказывать влияние на граждан и работать «регулятором» предупреждения преступности.

Предупреждение преступности может быть эффективным только в случае, если оно базируется на адекватном представлении государства о специфике ее криминогенных детерминант, состоящих из комплекса причин и условий преступности, темпы роста которой превратились в одну из главных угроз национальной безопасности страны [4, с. 216].

Система мер предупреждения преступности в кибернетическом пространстве имеет свои особенности:

1) объектом всегда является конкретный киберперступник или конкретная киберпреступная группа, в отношении которых осуществляется профилактическое воздействие;

2) субъекты представляют собой органы государственной власти, должностных лиц, организации, граждан, которые непосредственно осуществляют меры воздействие на объекты;

3) содержание предупредительной деятельности включает в себя специализированные меры, способы и формы;

4) обеспечение предупредительной деятельности определяется конкретной базой, включающей в себя нормативно-правовые и организационные средства.

Меры предупреждения преступности в информационно-цифровом пространстве являются главным звеном в профилактике преступлений. Именно правовые методы борьбы с преступностью занимают в этой системе главенствующее место. Такие меры исходят не только из разработки новых нормативно-правовых актов и действующего законодательства, но и содержат профилактические меры, направленные на информирование населения каким-либо способом.

К правовым мерам предупреждения преступности, в первую очередь, следует отнести совершенствование законодательства. Необходимо увеличить уголовную ответственность за имеющиеся в уголовном законодательстве составы преступлений, связанные с информационной средой и компьютерными технологиями. Так, у преступников будет возникать сомнение в отношении совершения общественно опасных деяний, так как вероятность применения более длительного наказания или более дорогостоящего штрафа будет отталкивать преступников. Также с

16 июня. URL: https://kursk--izvestia-ru.turbopages.org/kursk-izvestia.ru/s/news/186091/ (дата обращения: 25.06.2023).

развитием коммуникационных цифровых технологий требуется внедрение в законодательство новых составов преступления.

Проведя анализ совершенных преступлений за 2019–2022 гг., можно сделать вывод, что критический рост преступности в информационно-цифровом пространстве наблюдался в 2019 и 2020 гг., так как в 2019 г. совершено более 294000 преступлений, что составило динамику прироста на 70 % по сравнению с 2018 г. Причем 50 % таких преступлений были совершены в сети Интернет[5]. В 2020 г. количество киберпреступности увеличилось на 73,4 %, из которых 91,3 % заняли интернет-преступления[6]. За 12 месяцев 2021 г. преступность, связанная с компьютерными технологиями, увеличилась всего лишь на 1,4 %[7]. В 2022 г. киберпреступность осталась на том же уровне, стабильность таких преступлений характеризует следующим соотношением: каждое четвертое преступление совершено с применением высоких технологий. Несмотря на стабильность киберпреступлений, прогрессивных показателей достигла их раскрываемость – увеличилась на 4,4 %[8].

Деятельность по раскрытию преступлений, которая к 2022 г. смогла привести к минимализации киберпреступности, характеризуется именно внедрением правовых мер. Правоприменительная практика сформировалась, поэтому привлечь к уголовной ответственности преступника стало намного проще, чем было раньше. У преступников появилось опасение быть наказанным, поэтому количество преступлений перестало в огромном масштабе набирать обороты. Но, несмотря на данное снижение роста преступности, к 2023 г. преступность в информационно-цифровом пространстве может увеличиться до 30 %, так как преступления стали обладать низкой раскрываемостью и слабой возможностью определения интернет-преступников[9].

Рассмотрим меры предупреждения кибернетической преступности по основным сферам.

1. Преступления, связанные с виртуальной валютой.

Совершенствование банковской сферы привело к тому, что в мире создали особенную виртуальную валюту – криптовалюту. Цифровая валюта используется пользователями для злоупотребления в различных сферах. Такую валюту принимают на «черных рынках», для покупки наркотических средств, для совершения киберпреступлений и иных действий, которые запрещает законодательство Российской Федерации. В РФ данная валюта не распространяется как повсеместное средство платежа, но регулируется в некоторой степени ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[10].

Для предупреждения и снижения таких преступлений требуется применить следующие меры:

– ввести за незаконные оборот криптовалюты административную и уголовную ответственность в зависимости от количества совершенных преступлений и их тяжести, в том числе включить использование криптовалюты как отягчающую меру для разных видов преступлений;

[5] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/19412450/ (дата обращения: 18.06.2023).

[6] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/ (дата обращения: 18.06.2023).

[7] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552/ (дата обращения: 18.06.2023).

[8] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 18.06.2023).

[9] По цифровым следам: в РФ раскрывается лишь четверть киберпреступлений // Известия. 2020.13 янв. URL: https://iz.ru/962966/elena-sidorenko/po-tcifrovym-sledam-v-rf-raskryvaetsia-lish-chetvert-kiberprestuplenii (дата обращения: 20.06.2023).

[10] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5153.

– ограничить доступ к «черным рынкам» для снижения преступности, используемой средствами криптовалюту;

– обеспечить персональный характер криптовалюты для раскрытия преступлений такого характера.

2. Экономическая преступность в киберпространстве чаще всего проявляется в виде мошенничества или взлома. Зафиксировать преступника крайне сложно, так как в большинстве случаев устанавливается анонимность пользователей.

С переходом банков в формат интернет-банкинга появилась угроза информационной безопасности по отношению не только к персональным данным клиентов, но и к информации служебного пользования [5, с. 47]. Из-за санкционных мер большинство программных обеспечений не подлежат обновлению (например, приложения банков и программы, используемые банковскими сотрудниками), а это, в свою очередь, повышает вероятность кибератак и кражу денежных средств [6, с. 75].

Меры предупреждения данного вида преступности могут быть различны: как правовые, так и социальные:

– требуется обеспечить защиту от мошенничества в онлайн-банках и электронных кошельках. Например, Сбербанк предлагает своим клиентам страхование карты от мошенников[11]. Но почему банк навязывает такую услугу, если основная задача банка – сохранение доверенных денег. Банк изначально отвечает за сохранность денежных средств на счетах клиентов, но при этом предлагает услугу – защиту от мошенников. Полагаем, что все банки в РФ должны обеспечивать сохранность денежных средств от мошенников без дополнительных услуг;

– просвещение граждан в сфере экономической безопасности. Проведение ежемесячных лекций по сохранности денежных средств в школах обеспечит с ранних лет граждан знаниями и защитит их в будущем от преступников;

– совершенствование технических функций цифрового пространства – это поможет снизить преступность в большом количестве, так как технические ограничения для хакеров не дадут им совершить определенные действия.

3. Сфера интеллектуальной собственности занимает особое место среди преступности в сети Интернет, так как предотвратить ее считается почти невозможным. Интеллектуальная собственность включает себя достаточно обширный перечень, поэтому преступления могут быть разного характера.

Предлагаются следующие меры предупреждения:

– усиление контроля со стороны специализированных должностных лиц правоохранительных органов по интеллектуальной собственности в сети Интернет;

– создание единой всемирной базы товарных знаков, так как Интернет является глобальной сферой, поэтому могут быть нарушены права, если под несколькими одинаковыми товарными знаками будет осуществляться какая-либо деятельность;

– создание мини-методички для граждан «Как публиковать информацию в цифровом пространстве, если используешь сведения других лиц»;

– введение водяных знаков, которые располагаются на электронных копиях изображений и фотографий. Данные знаки наносятся с помощью специального программного обеспечения. Водяные знаки включают в себя сведения об авторе и дате изготовления продукта интеллектуального труда [7, с. 120].

4. Терроризм и экстремизм являются глобальной проблемой всей планеты, так как уровень опасности таких деяний самый высокий. Поэтому такие проблемы, как террористические преступления и преступления, включающиеся в себя признаки экстремизма, можно решить только путем международного сотрудничества. Обычно совершение таких преступлений достигается путем использования кибернетического пространства.

Меры предупреждения, прежде всего, должны быть направлены на людей, чтобы избежать опасности от данных преступлений:

– во всех государствах должна быть пропаганда мира на Земле, то есть идеология государств должна быть направлена именно на мирное существование, которое предполагает отсутствие террористических актов, разрушения государственных основ, войн и т. д.;

[11] Защита карт «Сбереги финансы» (Активация Антивируса) // СберСтрахование. URL: https://sberbankins.ru/products/zkantivirus/ (дата обращения: 20.06.2023).

– в дошкольных и школьных учреждениях должна быть предусмотрена культурная и образовательная программа, которая поспособствует пропаганде антитеррора и антиэкстремизма (конкурсы, квесты, интеллектуальные игры);

– в государствах должны быть целевые программы в сфере профилактики экстремизма и терроризма, включающие весь комплекс мер по устранению причин и условий, способствующих распространению этих явлений [8, с. 108];

– правоохранительные органы государств должны быть обеспечены необходимыми средствами для предотвращения терактов и действий экстремистского характера, а также необходимыми технологиями, которые обеспечат полный подконтроль за террористическими группировками;

– необходимо обеспечить суверенное, от зарубежных партнеров, развитие и использование информационного пространства сети Интернет, его инфраструктуры в культурных и образовательных целях по противодействию фактов экстремизма и терроризма [9, с. 104].

5. Незаконный оборот наркотических средств для всех поколений был неудивительным событием в государстве. Такие преступники всегда существовали и будут существовать. В информационно-цифровом пространстве осуществлять преступления такого характера стало еще проще с помощью использования мессенджеров. Особенно популярным среди всех стал Telegram, который обеспечивает защищенность передаваемой информации.

В России с помощью Интернета совершается более 41 % наркопреступлений. Об этом в интервью сообщил А. Некрасов, начальник Главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры РФ[12]. М.М. Долгиева, ссылаясь на ГАС «Правосудие», утверждает, что «с 2015 по 2017 г. судами РФ было вынесено 86 приговоров за незаконный сбыт наркотических средств, осуществляемый за криптовалюту, и за последующую ее реализацию» [10, с. 178]. На сегодняшний день криптовалюта распространена еще в большей степени, поэтому покупка наркотических средств с помощью нее продолжается.

Меры предупреждения такой преступности выглядят следующим образом:

– пропаганда здорового образа жизни в обществе. К счастью, в XXI веке здоровый образ жизни становится модой как для детей, так и для взрослых, поэтому количество любителей-спортсменов с каждым годом увеличивается;

– усиленный контроль пограничных органов при перевозке груза из других стран. Путем ужесточенного контроля выявление у перевозчиков наркотических средств на границе обеспечит минимализацию таких веществ в стране, а соответственно сократится рост такой преступности внутри страны;

– усиление государственной поддержки некоммерческих общественных организаций, ставящих своей целью проведение антинаркотических мероприятий и оказание помощи наркозависимым лицам [11, с. 106];

– обучение правоохранительных органов специализированных подразделений в области цифровых преступлений, связанных с наркотическими веществами, а также обеспечение данных органов всеми техническими коммуникациями для более эффективной борьбы с такой преступностью;

– осуществление надзора за банковскими переводами населения для выявления предикатных преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота наркотиков [4, с. 220].

Заключение

Преступность в XXI веке набирает популярность именно в сфере информационно-цифрового пространства. Доступность ко всем технологическим возможностям и развитие у граждан знаний в области IT переросло в кибернетическую парадигму. Теперь ни один человек в мире не может признать существование мира без компьютерных технологий. Технические достижения на данном этапе развития общества внедряются во все сферы жизнедеятельности: образование, экономика, политика, производство и т. д.

[12] В Генпрокуратуре заявили, что Интернет все чаще используется для сбыта наркотиков // Новости в России и мире – ТАСС: интернет-сайт. 2021. 24 мая. URL: https://tass.ru/obschestvo/11451751 (дата обращения: 02.06.2023).

Но, к сожалению, изобилие возможностей в кибернетическом пространстве привело к злоупотреблению гражданами. Такое злоупотребление проявляется в самых различных сферах: от продажи и покупки товаров на «черном рынке» до пропаганды и распространения террористических и экстремистских движений. Соответственно, уровень преступности с развитием кибертехнологий начал увеличиваться, так как к общей преступности граждан добавился целый комплекс преступлений особого характера.

Раскрытие преступлений в информационно-цифровой сфере с каждым годом становится сложнее, так как анонимность пользователей в сети Интернет и скрытая их геолокация позволяет исключить прямые факты о совершенном преступлении. Статистические данные показывают, что количество нераскрытых преступлений в сфере IT увеличивается, потому что в обществе возрастает доля профессиональных преступников, которые способны скрыть свои следы.

Для того чтобы снизить уровень преступности, необходимо внедрять меры предупреждения, которые будут выступать способом предотвращения преступности в информационно-цифровом пространстве. В первую очередь, необходимо проводить агитацию среди населения, которая сформирует антипреступную позицию у граждан, а также информировать граждан о способах совершения преступлений в кибернетическом пространстве, чтобы они не стали жертвами преступников.

Во-вторых, требуется постоянная переподготовка правоохранительных органов для повышения уровня знаний о преступности в информационно-цифровом пространстве. Тенденции совершения интернет-преступлений постоянно меняются: раскрыли преступление, совершенное одним способом, – злоумышленник для следующего преступления придумает следующий способ. Именно поэтому правоохранительным органам требуется постоянное повышение знаний в сфере IT.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит сделать вывод, что снизить цифровую преступность возможно лишь при применении всех предложенных мер предупреждения в совокупности. Только при антипреступном сознании граждан, их бдительности и эффективной деятельности правоохранительных органов уровень кибернетической преступности будет значительно уменьшен.

Список источников

1. *Хасанова А.Р., Иремадзе Э.О.* История развития современных информационных технологий // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 3 (55). С. 35-40. https://elibrary.ru/znytro
2. *Тропина Т.Л.* Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 235 с. https://elibrary.ru/nnkikf
3. *Зверянская Л.П.* Исторический анализ этапов развития киберпреступности и особенности современных киберпреступлений // Концепт. 2016. № Т15. С. 881-885. https://elibrary.ru/vvehbp
4. *Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С.* Цифровая криминология. М.: Академия управления МВД России, 2021. 244 с. https://elibrary.ru/vckoef
5. *Сверчкова А.Д., Гуляева А.Д.* Анализ динамики экономических преступлений с использованием ИКТ в России // Научные записки молодых исследователей. 2023. Т. 11. № 1. С. 45-55. https://elibrary.ru/yryvuy
6. *Гончар В.В.* Отдельные вопросы совершенствования подготовки кадров, специализирующихся на расследовании преступлений, совершаемым с использованием информационных технологий // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е Ежегодные криминалистические чтения): сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. М.: Академия управления МВД России, 2018. С. 73-77. https://elibrary.ru/eexhec
7. *Ламбринаки Л.А.* Использование объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 1 (77). С. 118-122. https://elibrary.ru/kusbyn
8. *Пинкевич Т.В.* Экстремизм и терроризм: тенденции и проблемы противодействия в СКФО (региональный аспект) // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Москва; Ставрополь: Рос. криминол. ассоц.; Изд-во СКФУ, 2015. С. 105-108.
9. *Тарасов В.Ю.* Предупреждение распространения идей экстремизма и терроризма в сети Интернет // Виктимология. 2023. Т. 10. № 1. С. 101-106. https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10110, https://elibrary.ru/kobfff

10. *Долгиева М.М.* Криптовалютная наркоторговля в России и за рубежом // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4. С. 177-182. https://elibrary.ru/yqxmjv
11. *Бочарова И.В.* Меры предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств // Молодой ученый. 2020. № 39 (329). С. 104-106. https://elibrary.ru/eebfiw

References

1. Khasanova A.R., Iremadze E.O. (2021). The history of the development of modern information technologies. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki = Sciff. Questions of Students Science*, no. 3 (55), pp. 35-40. (In Russ.) https://elibrary.ru/znytro
2. Tropina T.L. (2005). *Kiberprestupnost': ponyatie, sostoyanie, ugolovno-pravovye mery bor'by: dis. ... kand. yurid. nauk* [Cybercrime: Concept, Status, Criminal Legal Measures to Combat It: PhD (Law): diss.]. Vladivostok, 235 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/nnkikf
3. Zveryanskaya L.P. (2016). Istoricheskii analiz etapov razvitiya kiberprestupnosti i osobennosti sovremennykh kiberprestuplenii [Historical analysis of the stages of development of cybercrime and features of modern cybercrimes]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept» = Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"*, no. T15, pp. 881-885. (In Russ.) https://elibrary.ru/vvehbp
4. Ishchuk Ya.G., Pinkevich T.V., Smol'yaninov E.S. (2021). *Tsifrovaya kriminologiya* [Digital Criminology]. Moscow, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia Publ., 244 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/vckoef
5. Sverchkova A.D., Gulyaeva A.D. (2023). Analysis of the dynamics of economic crimes in IT-sphere in Russia. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei = Scientific Notes of Young Scientists*, vol. 11, no. 1, pp. 45-55. (In Russ.) https://elibrary.ru/yryvuy
6. Gonchar V.V. (2018). Otde'nye voprosy sovershenstvovaniya podgotovki kadrov, spetsializiruyushchikhsya na rassledovanii prestuplenii, sovershaemym s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologii [Selected issues of improving the training of personnel specializing in the investigation of crimes committed using information technology]. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kriminalistika v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva (59-e ezhegodnye kriminalisticheskie chteniya)»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Forensics in the Context of the Development of the Information Society (59th Annual Forensic Readings)"]. Moscow, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia Publ., pp. 73-77. (In Russ.) https://elibrary.ru/eexhec
7. Lambrinaki L.A. (2023). Use of intellectual property objects on the Internet. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki = Sciff. Questions of Students Science*, no. 1 (77), pp. 118-122. (In Russ.) https://elibrary.ru/kusbyn
8. Pinkevich T.V. (2015). Ekstremizm i terrorizm: tendentsii i problemy protivodeistviya v SKFO (regional'nyi aspekt) [Extremism and terrorism: trends and problems of counteraction in the North Caucasian Federal District (regional aspect)]. *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Problemy teorii i praktiki bor'by s ekstremizmom i terrorizmom»* [All-Russian Scientific and Practical Conference "Problems of Theory and Practice in the Fight against Extremism and Terrorism"]. Moscow, Stavropol, Russian Criminological Association, North-Caucasus Federal University Publ., pp. 105-108. (In Russ.) https://elibrary.ru/tlbqlv
9. Tarasov V.Yu. (2023). Preventing the spread of ideas of extremism and terrorism on the Internet. *Viktimologiya = Victimology*, vol. 10, no. 1, pp. 101-106. (In Russ.) https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10110, https://elibrary.ru/kobfff
10. Dolgieva M.M. (2018). Cryptocurrency drug trafficking in Russia and abroad. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, no. 4, pp. 177-182. (In Russ.) https://elibrary.ru/yqxmjv
11. Bocharova I.V. (2020). Measures to prevent crimes in the sphere of illicit drug trafficking. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], no. 39 (329), pp. 104-106. (In Russ.) https://elibrary.ru/eebfiw

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 12.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 15.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 343.9 (470)
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-620-628
Шифр научной специальности 5.1.4

Основание уголовно-правовой охраны (или к вопросу о криминализации деяния в уголовном праве)

© ХИЛЮТА Вадим Владимирович,
доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», Республика Беларусь, 230029, г. Гродно, ул. Ожешко, 22, https://orcid.org/0000-0001-7872-949X, tajna@tut.by

Аннотация

Рассмотрен вопрос о сущности криминализации в уголовном праве. Определены векторы развития криминализации общественных отношений. Цель исследования: определить критерии криминализации общественных отношений в современных условиях и охарактеризовать систему мер уголовно-правового воздействия в структуре уголовного права. При проведении исследования использовались традиционные методы социально-правового и формально-догматического анализа: документальный, историко-правовой, аналитический, системный, логический. По результатам исследования констатируется, что уголовное право классического типа вытесняется уголовным правом утилитарного типа, где понятие преступления связано с причинением вреда, а общественная опасность играет вспомогательную функцию. В системе мер безопасности общественная опасность деяния не формирует уголовно-правовой запрет. В основе криминализации лежит элемент целесообразности, где главное значение придается праву безопасности. Уголовное право безопасности имеет своей целью воздействие на лицо, которое еще не совершило общественно опасного деяния, и это не является преступлением в классическом понимании. В такой модели не характер и степень причиненного вреда наполняют преступление, а общественная опасность личности, поскольку именно субъект является источником конкретного общественно опасного поведения. Предлагается в уголовном законе закрепить идею новой социальной защиты и безопасности.

Ключевые слова

общественная опасность, криминализация, уголовно-правовое воздействие, преступление, уголовное право, уголовная ответственность, безопасность

Для цитирования

Хилюта В.В. Основание уголовно-правовой охраны (или к вопросу о криминализации деяния в уголовном праве) // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 620-628. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-620-628

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-620-628

Basis of criminal legal protection (or to the issue of criminalization of a deed in criminal law)

© Vadim V. KHILYUTA,
Dr. habil. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko St., Grodno, 230029, Republic of Belarus, https://orcid.org/0000-0001-7872-949X, tajna@tut.by

Abstract

The issue of the essence of criminalization in criminal law is considered. The vectors of criminalization of social relations development are defined. The aim of the research: to determine the criteria of criminalization of social relations in modern conditions and characterize the system of criminal law measures in the structure of criminal law. When conducting the research, traditional methods of socio-legal and formal-dogmatic analyses are used: documentary, historical and legal, analytical, systemic, logical. According to the study results, we state that criminal law of the classical type is replaced by criminal law of the utilitarian type, where the concept of crime is associated with the infliction of harm, and public danger plays an auxiliary function. In the system of security measures, the public danger of a deed does not form a criminal-legal prohibition. Criminalization is based on the element of expediency, where the main importance is given to security law. Criminal security law aims to affect a person who has not yet committed a socially dangerous act, and this is not a crime in the classical sense. In such a model, it is not the nature and extent of the harm caused that fills the crime, but the social danger of the person, since it is the subject that is the source of a particular socially dangerous behavior. It is proposed to fix the idea of new social protection and security in the criminal law.

Keywords

public danger, criminalization, criminal-legal impact, crime, criminal law, criminal responsibility, security

For citation

Khiluta, V.V. (2023). Basis of criminal legal protection (or to the issue of criminalization of a deed in criminal law). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 620-628 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-620-628

Введение

Жизнь уголовного права начинается с криминализации, однако для того чтобы криминализировать определенный тип поведения, должны быть веские основания. В настоящий момент в постсоветской системе права сама постановка вопроса о криминализации определенного поведения и объявлении его преступным непременно завязана на понимании того, что есть общественная опасность и какое значение она играет при установлении уголовной ответственности за то или иное поведение. Однако на самом деле простая аксиома относительно того, что то или иное поведение должно быть общественно опасным для того, чтобы оно превратилось в преступление, не снимает и не решает проблемы по поводу того, какое это все-таки должно быть поведение (деяние) [1, с. 45].

Итак, основной вопрос, который разрешает уголовное право, находится в плоскости оснований и пределов уголовной ответственности. С этой целью уголовное право вынуждено изучать само деяние человека (его поведение) с тем, чтобы установить основания и критерии для того, чтобы подобное поведение объявлять преступным, характеризовать его вредоносные последствия и ту предполагаемую меру ответственности, которая могла бы быть справедливой.

Результаты исследования

В самом общем представлении криминализация представляет собой «процесс, посредством которого поведение и люди превращаются в преступления и преступников» [2, p. 8], то есть речь идет об установлении уголовной ответственности за конкретное

поведение человека[1]. Здесь общий посыл рациональности действий государства может быть сведен к тому, что в обществе существует социально опасная форма поведения, которая может привести к нежелательным изменениям в жизни общества и причинить вред неограниченному кругу лиц, поэтому такое поведение должно быть запрещено под страхом наказания.

Криминализация или установление уголовно-правовой охраны предполагает превращение отношений в отрицательные, то есть определенные общественные отношения, которым причиняется вред в результате преступного посягательства, а это требует соответствующей защиты. Однако принятие решения о необходимости установления уголовно-правового запрета всегда связано с трудностями определения границ уголовного права и основаниями криминализации. Общий посыл состоит в том, что «если явление социальной жизни не имеет правовой формы, оно не может быть использовано в рамках правового поля. Наполнение правовым содержанием явлений общественной жизни происходит в рамках регулятивных отраслей права, где граждане используют свои возможности для удовлетворения необходимых потребностей в рамках закона. И только в случае возникновения ситуаций, когда необходимо воздействие на поведение граждан более репрессивными методами, стоит вести речь об уголовно-правовой охране» [3, с. 19].

Таким образом, утверждается, что элементом основания уголовно-правовой охраны выступает урегулированность общественных отношений позитивными отраслями права. Однако это не всегда так. И яркий примеру тому ситуация, которая имела место с криптовалютой, когда в позитивном плане не был определен статус криптовалюты и не было законодательства, которое бы предусматривало его гражданско-правовой оборот. Между тем преступные посягательства на криптовалюту происходили, и зачастую криптовалюта использовалась в качестве средства или способа совершения иного преступления. Это, вместе с тем, не означало, что ввиду неурегулированности общественных отношений с данным объектом гражданского права уголовное право не могло задействовать свой собственный механизм реагирования, и посредством правоприменительного толкования криптовалюта стала рассматриваться как предмет, способ и средство совершения преступления задолго до того, как появились соответствующие нормы позитивного права, регулирующие процесс оборота данного объекта гражданских прав.

Следовательно, когда государство обсуждает вопрос о том, следует ли реагировать на источник вреда, криминализируя определенное поведение, которое его вызывает, не существует заранее установленных критериев, которые можно было бы применять при формулировании уголовно-правовой политики в данной области. У преступления нет онтологической реальности. Система уголовного правосудия реагирует на значительное число событий. Процесс криминализации определяет и классифицирует поведение человека. Он транслирует законы, чтобы ни у кого не было оправдания невежества, и избавляет от тех ситуаций, когда человек не хочет подчиняться нормам права. Однако сегодняшние тенденции и закономерности уголовного права свидетельствуют о том, что само уголовное право глубже проникает в социальные структуры современных обществ и устанавливает новые запреты [2]. Фактически можно констатировать, что борьба с преступностью превратилась в индустрию, но она остается неэффективной в обеспечении защиты всех своих граждан от возможного причинения им вреда.

На наш взгляд, все сентенции относительно того, что процесс криминализации должен соответствовать неким стандартным

[1] Тем не менее, в основе теории криминализации могут лежать несколько фундаментальных идей, которые будут предопределять процесс уголовно-правовой охраны. Это: психологическое принуждение, где за основу берется угроза уголовного наказания; правовое воспитание, имеющее своей целью формирование и поддержание определенного морального облика личности; юридический морализм, когда уголовное право является нравственным средством предотвращения социальных конфликтов; превентивная защита, где уголовный закон выступает в качестве первичного средства обеспечения безопасности государства и общества; социальный конструктивизм, рассматривающий уголовное право как модель социального управления и контроля над обществом, и др.

правилам, принципам, идеям и т. д., тщетны, поскольку это нельзя проверить каким-либо образом. Криминализацию определенной области общественных отношений всегда можно с легкостью подтвердить или опровергнуть, и чисто арифметические принципы здесь никогда не срабатывают, а весь процесс построен на целесообразности принятия решения и конъюнктурности ситуации. В данном случае не может быть универсальных правил и стандартов, так как в конкретно-исторические периоды представление о должном и сущем всегда меняется, как и общее понимание того, что является преступным, а что – нет.

Вообще, если посмотреть на указанную проблему реалистично, то мы в данном вопросе увидим, что общественная опасность не имеет под собой прочного юридического основания, она больше носит политический характер, поскольку оценка деяния дается в первую очередь исходя из того, какую уголовно-правовую политику проводит государство[2]. И в таком ракурсе понятие общественной опасности всегда уязвимо, поскольку вся концепция общественной опасности при криминализации строится на предположении о возможном причинении вреда государству, обществу или личности. На деле же все обстоит гораздо проще. Наличие нетипичной формы социально опасного поведения заставляет государство проявлять свою волю и в целях минимизации причинения вреда объявлять определенную форму поведения человека преступлением.

Если выводить общественную опасность за рамки преступления и ставить ее особняком, то получается, что мы судим о преступлении в рамках ценностного аспекта социальной действительности. Однако объективность существования общественной опасности ничем нельзя подтвердить. И если мы выделяем общественную опасность деяний из ряда других, то возникает закономерный вопрос: каким образом и на основании каких признаков это происходит? А ведь этот процесс имеет существенно значение при криминализации. В итоге, круг замыкается. Общественная опасность упирается во вред, фактически дублируя его. Но и вред тоже не объективен, зависит от многих обстоятельств, но в большей степени от правосознания законодателя. Поэтому любые ценности, которые призван охранять уголовный закон, символичны, живут убеждением в их действительности. Но если мы утверждаем о том, что преступление существует, значит и присутствуют ценности, которые подвергаются этому воздействию. Но эта модель условна. Она не доказывает объективной реальности общественной опасности, потому как именно человек наделяет категории «преступление», вред», «ценности» и т. д. социальным смыслом.

С другой стороны, государство, формулируя процесс криминализации, всегда может взять на вооружение простой тезис: права и свободы человека должны быть защищены не только от возможного произвола со стороны государства, но и также от произвола со стороны конкретной личности. Поэтому идея прав и свобод человека может быть использована в качестве легитимного средства для оправдания ограничительных мер, необходимых для того, чтобы оградить само общество от опасных индивидов. Более того, сегодня нет ответа на вопрос о том, что лежит в основании прав и свобод человека, и почему именно эти ценности были отобраны из ряда других и вознесены в ранг «священной коровы». Следовательно, права и свободы человека – это не панацея, они могут использоваться и как средство криминализации, и как такое же средство ограничения этой самой криминализации.

Вообще мир питает большие иллюзии относительно защиты прав и свобод человека, ценностей общества и их отражения в уголовном праве. Все это есть, по большому

[2] Немаловажным обстоятельством является и то, как криминализация определенного деяния выглядит в глазах общества. Признание обществом необходимости осуществить криминализацию определенных отношений является психологическим основанием для государства и поводом к принятию соответствующих решений. Однако «определение пределов вмешательства уголовного закона в жизнь людей базируется на том, что охраняемые им ценности значимы не только для общества в целом, но и для конкретных индивидов, которые заинтересованы в охране признаваемых ими ценностей с применением правовых средств. Следовательно, криминализируемое деяние должно представлять угрозу как для общества в целом, так и для конкретных людей и восприниматься в общественном сознании как нуждающееся в уголовно-правовом запрете» [4, с. 155-156].

счету, лишь одна сторона медали – внешняя, указывающая на то, как должно быть в идеале, к чему мы должны стремиться. Но зачастую в итоге получается так, что права человека служат лишь прикрытием, а истинные цели совсем иные, и все это не отражает реальной картины происходящего. Государство всегда посредством проведения уголовно-правовой политики и декларируемых целей, которые связаны с защитой прав человека, может проводить совсем иную, связанную с безопасностью существующего строя и защиты интересов определенной группы лиц. В такой ситуации криминализация как средство уголовно-правовой политики может породить любой состав преступления, и он (новый состав преступления) всегда будет обоснован общественной опасностью. И если пренебрегать подобными мерами, то государство бросает вызов, и здесь всегда под лозунгами защиты прав и свобод человека могут проводиться самые разнообразные идеи, вплоть до смены конституционного строя и замены одних порядков другими. Однако и в этом случае уголовное право будет выступать в авангарде социально-политических событий, и одни уголовно-правовые запреты будут заменены на иные, то есть произойдет переформатирование уголовного права под нужды иной политической системы. Конечно, речь не идет в данном случае о хищениях, убийствах, насильственных преступлениях и т. д., природа которых не подвергается сомнению, хотя бы из принципа *malum in se*, речь идет о других преступлениях – *malum prohibitum,* граница противоправности которых всегда условна, и лишь проводимая уголовно-правовая политика в этом отношении определяет контуры уголовной ответственности и сферу действия самого уголовного права, включая пресловутый механизм уголовно-правового регулирования. Но такое уголовное право всегда будет перманентно, потому что идея целесообразности здесь не может быть статичной.

Вообще, вопрос о роли морально-нравственных запретов в процессе криминализации и установления границ уголовного права является ключевым. Никто не станет отрицать того, что существует некая важная связь между моральной неправомерностью и соответствующим содержанием уголовного закона. Многие уголовные преступления, в том числе наиболее известные в общественном восприятии (такие как изнасилование, разбой, убийство, терроризм и т. д.), также являются моральными нарушениями. И трудно поверить в то, что их неправомерные черты также иногда не дают оснований для их криминализации. Эта идея обязывает нас лишь к очень слабому взгляду на соотношение между моральной неправомерностью и содержанием уголовного права. Например, это согласуется с мнением о том, что вред имеет центральное значение для решения вопроса криминализации определенного типа поведения. Однако некоторые виды поведения могут быть неправильными в силу того, что они вредны. И эта характеристика поведения дает основание для его криминализации [5, p. 16], потому что противоправное деяние всегда находится в области морали, но в большей степени в объективной реальности[3]. Тем не менее, эта точка зрения оставляет открытым вопрос на предмет того, что допустимо криминализировать поведение, которое не является противоправным, если это поведение является вредным, а также презюмирует возможность ситуаций, где имеет место какое-то противоправное поведение, а именно невредное противоправное поведение, которое нет оснований криминализировать.

Говоря о морали и нравственности в деле установления уголовно-правовых запретов, следует непременно указать на то, что обоснование криминализации должно начинаться с указания некоторых ценностей, которые могут быть идентифицированы как публичные, как часть самоопределения государства. Поэтому криминализируемое поведение должно нарушать эту ценность или угрожать причинением вреда тем благам, которые оно защищает, и утверждать, что это нарушение или угроза таковы, что тре-

[3] Противоположной точки зрения придерживается Д.В. Мирошниченко, который считает, что «моральное содержание права носит априорный характер» [6, с. 333]. Однако это не всегда так, поскольку, иногда криминализируя определенную область отношений, государство навязывает обществу определенные стандарты поведения, тем самым формируя морально-нравственное поведение в некой области человеческого общежития.

буют общественного осуждения. Однако основная проблема здесь состоит в том, что ценности, которые разделяются обществом и государством, могут быть не идентичны. Вопрос состоит в том, что ценности, которые должно поддерживать государство, в некоторой степени зависят от его конкретных особенностей, и это в конечном итоге определяет контуры уголовно-правового регулирования. Это оставляет открытой возможность того, что существуют ценности, которые некоторые люди справедливо поддерживают, и поведение человека может быть неправильным в свете этих ценностей. Однако поскольку у государства нет оснований для одобрения этих ценностей, то насколько у него есть основания для криминализации этого противоправного поведения? Зависит ли здесь все от субъективных критериев определенных лиц, которые и формируют уголовно-правовую политику? И здесь следует особо подчеркнуть, что решения, оформленные в уголовном законе, являются решениями, принятыми людьми[4]. Люди – рациональные существа, которые могут рассуждать о моральных ценностях, или принимать во внимание эмпирические данные, или поддаваться влиянию общественного мнения, или полагаться на «здравый смысл» при принятии юридических решений. Но человеческая рациональность всегда ограничена или ограничена различными факторами, такими как несовершенная информация и когнитивные искажения. Таким образом, человеческий закон, в отличие от законов физики, отражает различные характеристики принятия решений человеком, которые также наблюдаются в других контекстах, таких как влияние эмоций и когнитивных искажений. Поэтому любая криминализация условна. Морально-нравственные предписания никогда не будут составлять основание криминализации, потому как они зачастую используются как «витрина», когда существует необходимость принятия определенного политического решения, обосновывающего появление нового уголовно-правого запрета. А на самом деле в основании такого решения лежат совсем иные критерии и теоретические постулаты, больше тяготеющие к элементу целесообразности принятия управленческого решения. Отсюда вытекает неизбежный вывод: государство не может с помощью уголовного права, как определенного средства (инструмента), поддерживать в обществе мораль, хотя на деле это зачастую происходит.

Общественная опасность имеет неопределенный характер, она не может быть величиной постоянной и никогда не сможет быть измерена формальными критериями. Сказанное свидетельствует о том, что в настоящее время криминализация не может основываться на старых догматах (в основном разработанных в советское время во второй половине XX века), поскольку новая реальность создает новые процессы криминализации, где «золотых правил» и типичных стандартов нет.

Итак, сегодня можно наблюдать тенденцию постепенного смещения контуров преступления с общественной опасности самого деяния в сторону безопасности, то есть установления превентивных мер защиты. Государство стремится решить проблемы безопасности в том числе и уголовно-правовыми средствами, посредством установления механизма социального управления обществом и криминализации любых отклонений от заданных стандартов и нормативных предписаний. В данном случае уголовный закон используется в качестве средства минимизации возможных рисков на более ранней стадии, что свидетельствует о том, что уголовное право в большей сте-

[4] Д.В. Мирошниченко пишет о том, что «правовые положения, равно как и запрет на совершение преступлений, имеют авторитетный источник, и действительность уголовно-правовой нормы указывает на наличие в обществе института, который претендует на авторитет по отношению к другим членам общества, обязывая их соблюдать определенные стандарты. Это соблюдение возможно просто потому, что эти стандарты были выработаны авторитетом вне зависимости от того, являются ли они оправданными по другим основаниям. Члены общества обязаны соблюдать публично-правовой стандарт и не могут считать его необязательным, ссылаясь на его необоснованность» [7, с. 67]. Но вопрос здесь и состоит в том, откуда же берется этот «авторитетный стандарт». Очевидно, что он не может появиться на пустом месте, и основой (уголовно-правовым фундаментом) такого стандарта могут выступать только морально-нравственные ценности. Другой вопрос, какие именно это ценности и в какую эпоху они были выработаны, так как право всегда динамично, как, впрочем, и сами ценности, подлежащие защите.

пени нацелено не на охрану существующих общественных отношений, а на утверждение требуемого общественного правопорядка. Поэтому можно сказать, что современная доктрина криминализации «оправдывает свободное, неограниченное конструирование уголовно-правовых запретов в целях обеспечения безопасности процесса социальной трансформации от любых минимально возможных и потенциальных угроз за счет формирования и поддержания посредством угрозы уголовного наказания необходимого морального статуса отдельных лиц и морального единства общества на основе тех ценностей, которые представляются смыслообразующими акторам социальной трансформации» [8, с. 163-164].

В парадигме безопасности акцент с деяния смещается в сторону субъекта – виновного и ответственного за поступки деятеля. Его ответственность формируется не в качестве индивидуальной модели преступление-ответственность, а в качестве социальной модели контроль-безопасность. Таким образом, если в пределах классической модели человек становится преступником только в момент совершения преступления, то в рамках парадигмы безопасности он становится общественно опасным, когда не подчиняется нормирующим его поведение институтам. Безопасность смещает акценты в сторону защиты не индивидуальных, а коллективных ценностей. Потребность в безопасности требует построения отдельной самостоятельной системы как в рамках уголовного права, так и за его пределами.

Заключение

Преступность – это всего лишь один из вызовов для безопасности (одна из форм девиации), но существует масса и иных маргинальных отклонений. Поэтому основная идея безопасности заключается в социальной защите, а точнее в предупреждении преступлений. И очевидно, что поскольку здесь не идет речь о совершенном противоправном деянии, то основной акцент смещается в плоскость личности, превенции его дальнейших действий. Следовательно, если сегодняшнее уголовное право имеет дело с констатацией преступления, и весь его арсенал направлен на возмездие за содеянное, то уголовное право безопасности направлено на противодействие преступности на более раннем этапе. Особое значение в данном случае придается социальным смыслам, которые наполняют будущее противоправное деяние.

В этой парадигме [9, p. 11-12; 10, p. 21-25] не вред является центральным элементом системы, а потенциальная угроза его причинения[5]. Именно под эгидой угрозы причинения вреда осуществляются меры социальной защиты и безопасности. Поэтому государство вынуждено устанавливать систему ограничений и запретов на ранней стадии. И все это делается в рамках идеологии защиты общества и государства от потенциальных криминальных угроз. Но все же основная опасность здесь кроется в неопределенности и широкой степени оценочности номинальных рисков и лиц, которые могут быть к этому причастны. Это фикционный аспект проблемы, содержащий в себе момент, который основан на тотальном контроле над обществом.

Вместе с тем рассматриваемая ситуация, характерная для *предпреступлений*[6], указывает прямым образом на то, что фактически осуществляется социальный контроль за поведением лица, и это не свойственно уголовному праву и не может породить отношения криминализации, поскольку речь здесь идет уже о другом объекте исследования. *Уголовное право безопасности* имеет своей целью воздействие на личность, которое еще не совершило общественно опасного деяния, и это не является

[5] В зарубежном уголовном праве нет места общественной опасности в рамках структуры преступления. Исследования сферы действия уголовного закона часто фокусируются на принципе причинения вреда, принципе, согласно которому поведение может быть обоснованно криминализировано только в том случае, если оно причиняет вред или есть вероятность его причинения, что в итоге и определяет надлежащую сферу действия уголовного закона.

[6] Предпреступление – это особое основание для оценки личности и избрания особой меры воздействия (безопасности) для такого лица. Опасность лица определяется характером его социального поведения. В такой конструкции мы расширяем усмотрение правоприменителя, субъективизм оценки конкретного лица, которое будет решать вопрос об избрании мер социальной защиты. Следовательно, понятие общественной опасности может быть увязано не с деянием лица, а с самой личностью.

преступлением в классическом понимании. Следовательно, в такой модели не характер и степень причиненного вреда наполняют преступление, а общественная опасность личности, поскольку именно субъект является источником конкретного общественно опасного поведения. Но в этой парадигме уголовного права социальной защиты нет места преступлению, поскольку мы имеем дело с предпреступлениями. По этой причине в уголовном законе должна быть следующая норма: «*К лицу, обладающему общественной опасностью, в целях предупреждения совершения преступлений могут применяться меры социальной защиты (безопасности). Порядок применения таких мер устанавливается специальными нормативными правовыми актами*».

Список источников

1. *Хилюта В.В.* Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 4. С. 44-50. https://doi.org/10.18822/byusu20220444-50, https://elibrary.ru/lkbxeo
2. *Amster R.* Lost in Space: The Criminalization, Globalization, and Urban Ecology of Homelessness. N. Y.: LFB Scholarly, 2008. 269 p.
3. *Бондаренко В.Е.* Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 28 с. https://elibrary.ru/zpfxlp
4. *Кашепов В.П., Голованова Н.А., Гравина А.А. и др.* Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2018. 280 с. https://elibrary.ru/xqsaux
5. *Todros V.* Wrongs and Crimes (Criminalization). Oxford: Oxford University Press, 2016. 352 p.
6. *Мирошниченко Д.В.* О моральной природе общественной опасности // Современный ученый. 2023. № 3. С. 329-334. https://elibrary.ru/kyabio
7. *Мирошниченко Д.В.* Критика уголовно-правовой онтологии. М.: Юрлитинформ, 2023. 400 с. https://elibrary.ru/tfqpfy
8. *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Уголовная политика и преступность: трансформация в эпоху социальных перемен. М.: Юрлитинформ, 2023. 320 с. https://elibrary.ru/riavqy
9. *Ormerod D., Laird K.* Criminal Law. Oxford: Oxford University Press, 2021. 1158 p.
10. Philosophical Foundations of Criminal Law / ed. by R.A. Duff, S. Green. Oxford: Oxford University Press, 2011. 525 p. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199559152.001.0001

References

1. Khilyuta V.V. (2022). Public danger and criminalization in the system of security measures. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Yugra State University Bulletin*, no. 4, pp. 44-50. (In Russ.) https://doi.org/10.18822/byusu20220444-50, https://elibrary.ru/lkbxeo
2. Amster R. (2008). *Lost in Space: The Criminalization, Globalization, and Urban Ecology of Homelessness*. New York, LFB Scholarly Publ., 269 p.
3. Bondarenko V.E. (2014). *Osnovanie ugolovno-pravovoi okhrany i ee prekrashchenie: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk* [The Basis of Criminal Legal Protection and Its Termination. PhD (Law) diss. abstr.]. Saratov, 28 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/zpfxlp
4. Kashepov V.P., Golovanova N.A., Gravina A.A. et al. (2018). *Criminalization and Decriminalization as a Forms of Transformation of Criminal Legislation*. Moscow, Law Firm “Contract” Publ., 280 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/xqsaux
5. Todros V. (2016). *Wrongs and Crimes (Criminalization)*. Oxford, Oxford University Press, 352 p.
6. Miroshnichenko D.V. (2023). About the moral nature of the public danger of the act. *Sovremennyi uchenyi = Modern Scientist*, no. 3, pp. 329-334. (In Russ.) https://elibrary.ru/kyabio
7. Miroshnichenko D.V. (2023). *Kritika ugolovno-pravovoi ontologii* [Criticism of Criminal Legal Ontology]. Moscow, Urlitinform Publ., 400 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/tfqpfy
8. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. (2023). *Ugolovnaya politika i prestupnost’: transformatsiya v epokhu sotsial’nykh peremen* [Criminal Policy and Crime: Transformation in an Era of Social Change]. Moscow, Urlitinform Publ., 320 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/riavqy
9. Ormerod D., Laird K. (2021). *Criminal Law*. Oxford, Oxford University Press, 1158 p.

10. Duff R.A., Green S. (eds.). (2011). *Philosophical Foundations of Criminal Law*. Oxford, Oxford University Press, 525 p. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199559152.001.0001

Поступила в редакцию / Received 28.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 08.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО
PROCEDURAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 347.91
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-629-636
Шифр научной специальности 5.1.3

Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Литовской Республики

© ГАВРИЛЕНКО Владимир Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149; доцент кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Российская Федерация, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, https://orcid.org/0000-0002-7357-3526, gv22@mail.ru

Аннотация

Проанализированы вопросы подведомственности гражданско-правовых споров субъектов предпринимательской деятельности арбитражному разбирательству. Институт коммерческого арбитража понимается как негосударственная экономическая юстиция. Особое внимание уделено вопросам подведомственности арбитражных учреждений на разрешение определенных видов споров. Исследовано законодательство Литовской Республики и деятельность литовских арбитражных институтов. Утверждается, что в данном государстве сформировалась достаточно развитая рыночная экономика с определенным торговым оборотом. Соответственно, коммерческий арбитраж востребован как негосударственный способ урегулирования экономических споров как национального, так и международного характера между субъектами предпринимательской деятельности. Обращено внимание на генезис правовой системы Литовской Республики, на которую оказали влияние как правовая система бывшего СССР и современной Российской Федерации, так и правовые системы государств Западной и Восточной Европы. Детально рассмотрена отрасль коммерческого арбитража Литовской Республики и правовое регулирование вопросов подведомственности споров и компетенции арбитражных учреждений. Сформулированы выводы о законодательном регулировании вопросов подведомственности споров арбитражному разбирательству.

Ключевые слова

коммерческий арбитраж, арбитражное разбирательство споров, третейский суд, подведомственность, арбитрабельность споров, компетенция, Литовская Республика

Для цитирования
Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Литовской Республики // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 629-636. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-629-636

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-629-636

Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Lithuanian Republic's legislation analysis

© Vladimir A. GAVRILENKO,
PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation; Associate Professor of Civil Law and Process Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-7357-3526, gv22@mail.ru

Abstract
The issues of jurisdiction of civil legal disputes of business entities to arbitration proceedings are analyzed. The institution of commercial arbitration is understood as non-state economic justice. Particular attention is paid to the issues of jurisdiction of arbitration institutions to resolve certain types of disputes. Lithuanian Republic's legislation and the activities of Lithuanian arbitration institutions are studied. It is argued that this state has formed a fairly developed market economy with a certain trade turnover. Accordingly, commercial arbitration is in demand as a non-state method of resolving economic disputes, both national and international, between business entities. Attention is drawn to the genesis of the legal system of Lithuanian Republic, which was influenced by both the legal system of the former USSR and the modern Russian Federation, as well as the legal systems of Western and Eastern European countries. The industry of commercial arbitration of Lithuanian Republic and the legal regulation of issues of jurisdiction of disputes and the competence of arbitration institutions are examined in detail. Conclusions are formulated on the legislative regulation of issues of jurisdiction of disputes in arbitration proceedings.

Keywords
commercial arbitration, arbitration of disputes, arbitral court, jurisdiction, arbitrability of disputes, competence, Lithuanian Republic

For citation
Gavrilenko, V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes for arbitration proceedings. Lithuanian Republic's legislation analysis. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 629-636 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-629-636

Введение

Очевидно, что вопросы арбитражной подведомственности, или другими словами арбитрабельности споров, и компетенции арбитражных учреждений на рассмотрение конкретного спора являются предметом дискуссий и обсуждений в современной юридической науке. Представляет несомненный научный интерес опыт зарубежных государств по регулированию данных вопросов как в правотворческой практике, так и в правоприменении.

Для начала определимся с основными понятиями исследуемого вопроса, для чего приведем высказывания ученых-юристов.

Обратим внимание на терминологию. По аналогии с нашими предыдущими статьями «будут применяться понятия «арбитраж» и «третейское разбирательство споров» как идентичные. Это соотносится с мировой практикой и отечественными законами» [1, с. 11].

Верно также, что «под подведомственностью понимается круг дел, отнесенных законодательством к рассмотрению и разреше-

нию определенных органов судебной системы» [2, с. 38].

Дадим также определение арбитрабельности споров, которую следует понимать как юридическую возможность разбирательства определенных дел компетентными третейскими судами.

Арбитрабельность можно разделить на субъективную и объективную. «Субъективная арбитрабельность означает возможность сторон передать дело в арбитраж, а объективная арбитрабельность подразумевает возможность арбитражного разбирательства спора, не являющегося прерогативой государственных судов» [3, p. 43].

Повторим, что «предметом третейского разбирательства споров, как правило, являются споры в области гражданских правоотношений, другими словами, в частноправовой сфере» [4, с. 129]. «Некоторые виды споров не могут быть рассмотрены арбитражами, поскольку они содержат существенный публично-правовой элемент. Например, правоотношения в области административного и уголовного права» [5, с. 304].

Автор выбрал исследование вопросов арбитрабельности споров в правовой системе Литовской Республики, которая в настоящее время входит в Европейский союз. Повторим положение аннотации, что в данном государстве сформировалась достаточно развитая рыночная экономика с определенным торговым оборотом. Следовательно, институт коммерческого арбитража занимает свою нишу как негосударственный способ урегулирования экономических споров.

Кроме того, обратим внимание, что Литва является республикой бывшего СССР, и современное литовское арбитражное право развивается только последние тридцать лет. Примечателен факт, что литовское право формировалось под влиянием как европейской юриспруденции, так и юридических традиций российской и советской системы права. Соответственно, анализ литовского правотворческого и правоприменительного опыта будет полезен для анализа вопросов арбитража.

Отметим, что право Литовской Республики принадлежат к континентальной системе права.

В рамках настоящего исследования рассмотрим правовое регулирование следующих вопросов:

1) определение арбитража в правовых актах;

2) юридические свойства арбитражного соглашения;

3) арбитрабельность споров, компетенция третейских судов, исключительная юрисдикция государственной судебной системы;

4) оспаривание и отмена арбитражного решения в связи с нарушением правил арбитражной подведомственности или компетенции определенного третейского учреждения.

Результаты исследования

1. Законодательство Литовской Республики

В Литовской Республике арбитражная отрасль регулируется Законом «О коммерческом арбитраже» № I-1274 от 2 апреля 1996 года[1] (далее – Закон ЛР). В настоящий правовой акт были внесены существенные изменения Законом № XI-2089 2012 г.[2] и Законом № XII-2752 от 8 ноября 2016 г.[3] Отметим, что изменения в данный закон были внесены существенные, и первоначальный его текст очень изменился. В литовской юриспруденции позитивно оцениваются вышеуказанные изменения [6, p. 19].

Настоящим Законом арбитражное разбирательство характеризуется как процесс коммерческого арбитража с начала рассмотрения спора в арбитраже до дня вступления в силу решения или определения состава арбитража, которым производство по делу заканчивается без вынесения решения по существу (параграф 4, статья 3 Закона ЛР). А институт коммерческого арбитража понимается как способ разрешения коммерческого спора, при котором стороны, руководствуясь своим соглашением, для разрешения спора между ними обращаются или обязуются обратиться не в государственный суд, а в ар-

[1] Lietuvos Respublikos Komercinio arbitražo įstatymas.1996 m. balandžio 2 d. Nr. I-1274. Valstybėsžinios, 1996, Nr. 39-961. Vilnius. URL: https://e-seimas.lrs.lt/portal/ (prieiga: 02.08.2023).

[2] Naujos redakcijos įstatymas patvirtintas įstatymu Nr. XI-2089. Valstybėsžinios, 2012, Nr. 76-3932. URL: https://e-seimas.lrs.lt/portal/ (prieiga: 02.08.2023).

[3] Naujos redakcijos įstatymas patvirtintas įstatymu Nr. XII-2752. TAR, 2016-11-17, Nr. 26957. URL: https://e-seimas.lrs.lt/portal/ (prieiga: 02.08.2023).

битраж, институционный или *adhoc*, который выносит арбитражное решение, обязательное для сторон спора (параграф 10, статья 3 Закона ЛР).

Также прописаны принципы арбитражного процесса, такие как независимости арбитража, равенства сторон спора, конфиденциальности, диспозитивности, автономности, состязательности, экономичности, кооперации и оперативности (статья 8 Закона ЛР).

Отметим также, что принцип содействия институту арбитража со стороны органов государственной судебной системы тоже предусматривается. Например, прописано право сторон спора обратиться в Вильнюсский Окружной суд с ходатайством об опросе свидетелей по арбитражному спору (параграф 2, статья 36 Закона ЛР). Кроме того, подробно прописаны полномочия и обязанности Вильнюсского Окружного суда и Апелляционного суда Литвы в отношении арбитражных споров и арбитражей (статья 9 Закона ЛР).

Рассматриваемый Закон во многом имплементирует положения Типового закона «О международном коммерческом арбитраже», разработанного Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в 1985 г. и одобренного Резолюцией № 40/72 Генеральной Ассамблеи ООН[4]. Но, вместе с тем, Закон ЛР содержит некоторые собственные оригинальные положения, которые будут рассмотрены ниже.

2. Арбитражное соглашение

Арбитражное соглашение понимается как соглашение двух или более сторон о передаче на разрешение составом арбитража всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с какими-либо конкретными договорными или иными правоотношениями, которые могут быть предметом арбитражного разбирательства (параграф 5, статья 3 Закона ЛР).

Предусматриваются виды соглашений, такие как самостоятельное соглашение и арбитражная оговорка (параграф 1, статья 10 Закона ЛР), а также обязательная письменная форма (параграф 2, статья 10 Закона ЛР).

Подразумевается, что государственный суд обязан отказать без дополнительных условий в принятии к производству иска по вопросу, являющемуся предметом арбитражного соглашения, за исключением ситуации признания его недействительным (статья 11 Закона ЛР).

Приведем в качестве примера стандартную арбитражную оговорку, рекомендованную Вильнюсским коммерческим арбитражным судом (далее ВКАС), который расположен в столице Литвы – городе Вильнюс[5].

Любой спор, возникающий из настоящего контракта или связанный с ним, подлежит окончательному разрешению в арбитраже Вильнюсского коммерческого арбитражного суда в соответствии с его Арбитражным регламентом.

Все процессуальные документы передаются сторонам по электронной почте (укажите электронную почту каждой стороны договора).

Число арбитров должно быть …

Местом арбитража является …

Язык арбитража должен быть …

Закон … применим к спору.

На мой взгляд, достаточно лаконичная арбитражная оговорка, тем не менее, включающая в себя необходимую информацию и понятная для толкования.

Также отметим прогрессивный опыт ВКАС по разбирательству арбитражных споров онлайн, для чего была разработана специальная программная система. Рассмотрение спора на всех стадиях может проводиться онлайн, и 24 часа в сутки стороны дистанционно могут участвовать в разбирательстве своего дела[6].

Также коротко упомянем вопрос выбора применимого права для разбирательства спора. Закон ЛР «О коммерческом арбитраже» базируется в данном вопросе на Типовом Законе ЮНСИТРАЛ 1985 года [7, p. 134]. Установлено стандартное право сторон на выбор применимого права, включая торговые обычаи (lex mercatoria). В отсутствие согла-

[4] UNCITRAL “Model Law on International Commercial Arbitration” of June 21, 1985 (with changes of July 7, 2006) adopted by United Nations General Assembly resolutions of December 11, 1985 No 40/72 and December 4, 2006 No 61/33. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration (accessed: 02.08.2023)

[5] Vilnius Court of Commercial Arbitration. URL: https://www.arbitrazas.lt/?lid=6 (accessed: 02.08.2023).

[6] About ARBIS // Vilnius Court of Commercial Arbitration. URL: https://arbis.lt (accessed: 02.08.2023).

шения о выборе применимого права между сторонами, арбитры вправе выбрать применимое право самостоятельно. Также арбитры с разрешения сторон могут использовать «принцип справедливости» (ex aequoet bono) (статья 39 Закона ЛР).

Арбитражный Регламент ВКАС (статья 25) регулирует вопрос применимого права аналогично с Законом ЛР. Обычно в литовской арбитражной практике в качестве применимого права выступает национальное – литовское, поскольку большинство спорящих сторон принадлежат к литовской правовой системе.

3. Арбитрабельность споров

Автор считает очень положительными и целесообразными положения Закона ЛР, где литовские законодатели четко прописали виды споров, не подлежащих разбирательству в арбитраже (параграфы 1–3, статья 12 Закона ЛР).

Перечислим данные споры.

Споры, подлежащие рассмотрению в порядке административного судопроизводства.

Споры, рассмотрение которых отнесено к компетенции Конституционного Суда.

Споры, возникающие из семейных правоотношений.

Споры, связанные с патентами, регистрацией товарных знаков и дизайна.

Споры, возникающие из трудовых и потребительских договоров, за исключением случаев, когда арбитражное соглашение было заключено после возникновения спора.

Споры, если одна из сторон является государственным (или принадлежащим местному самоуправлению) предприятием, организацией или учреждением, если для арбитражного соглашения не было получено предварительное согласие учредителя (параграфы 1-3, статья 12 Закона ЛР).

Стоит подчеркнуть, что литовское законодательство регулирует вопросы арбитрабельности более эффективно, чем право многих других стран, поскольку Закон ЛР содержит статью, прямо и ясно указывающую виды неарбитрабельных споров.

Обратим внимание на вопросы, касающиеся компетенции третейского суда на разбирательство конкретного спора. Признается общий принцип «компетенции – компетенции» исходит из полномочий арбитража принимать решения о существовании или отсутствии арбитражной оговорки и о своей компетенции для разбирательства по конкретному делу [8].

Литовские законодатели использовали стандартные положения о том, что состав арбитража вправе сам вынести решение по вопросу о своей компетенции в рассмотрении спора, включая и случаи возникновения сомнений относительно наличия или действительности арбитражного соглашения. Решение состава арбитража о признании договора недействительным не означает само собой признания недействительности арбитражной оговорки (параграф 1, статья 19 Закона ЛР). Возражение стороны о компетенции арбитража на разрешение спора должно быть сделано не позднее, чем заявляется возражение по иску (параграф 2, статья 19 Закона ЛР). Отмечается влияние Типового Закона ЮНСИТРАЛ 1985 года на литовское законотворчество в сфере регулирования вопросов компетенции арбитража [9, p. 77].

Итак, законодательство Литовской Республики, как и законы многих других государств, наделяют третейский суд полномочиями решать вопросы, касающиеся как существования, так и объема его собственной юрисдикции.

Представляются верными следующие высказывания. «Третейский суд по собственной инициативе решает вопрос о правомочности рассмотрения переданного на его разрешение спорного правоотношения» [10, с. 64]. «Все законы об арбитраже сходятся во мнении, что арбитры могут выносить решения относительно своей юрисдикции и что положительное решение в любом случае подлежит судебному контролю» [11, p. 185].

В ситуациях, когда арбитры по каким-либо причинам не смогли принять решения о своей компетенции, «окончательное решение по данному вопросу принимает руководитель постоянно действующего арбитражного учреждения» [12, p. 8].

4. Оспаривание и отмена арбитражного решения по основаниям нарушения правил подведомственности и компетенции

Можно утверждать, что возможность обращения в государственный суд с заявлением об отмене решения третейского суда как средстве его оспаривания происходит

фактически в такой же процедуре, что и признание и приведение в исполнение решения третейского суда, когда государственный суд не выступает в качестве второй инстанции по отношению к третейскому суду, а лишь проверяет решение третейского суда в ограниченных законом пределах. Тем не менее, можно рассматривать вопросы оспаривания арбитражного решения, «которые связаны с возможной апелляцией на арбитражное или судебное решение, постановившее о действительности арбитражной оговорки» [13, p. 307].

Следует обратить внимание на то, что ходатайства об оспаривании арбитражного решения рассматриваются компетентными государственными судами. В Литовской Республике указанные ходатайства подаются в Апелляционный суд Литвы (параграф 1, статья 50 Закона ЛР).

Необходимо подчеркнуть, что государственные суды не являются вышестоящими судами по отношению к третейским судам и, следовательно, не вправе осуществлять апелляционный и кассационный пересмотр решений, принимаемых третейским судом. Государственные суды осуществляют лишь контрольную функцию в отношении решений, принимаемых третейскими судами, однако и выполнение этой функции строго ограничено законом.

Основания для оспаривания арбитражных решений возникают в двух ситуациях. Первое, наличие различных нарушений, связанных с арбитражным соглашением. В данных ситуациях сторона, оспаривающая решение, должна сама представить государственному арбитражному суду доказательства, на основании которых решение может быть отменено. Второе – это нарушения, связанные с арбитрабельностью споров или компетенцией состава арбитража.

Следовательно, если арбитры в процессе разбирательства споров выходят за пределы собственной компетенции, возможно аннулирование арбитражного решения при соблюдении вышеупомянутых условий.

Если арбитраж разбирает спор, который не может быть предметом арбитражного разбирательства в соответствии с действующим законодательством, решение будет юридически ничтожно.

Законодательство Литовской Республики обстоятельно прописывает основания для оспаривания и отмены арбитражного решения, такие как: недееспособность одной из сторон, недействительность арбитражного соглашения, отсутствие должного уведомления одной из сторон о назначении арбитра или арбитражном разбирательстве, непредоставление возможности для одной из сторон представить объяснения или доказательства, несоответствие спора или его части арбитражному соглашению, нарушение условий арбитражного соглашения, неарбитрабельность спора, несоответствие арбитражного решения публичному порядку Литовской Республики (статья 50 Закона ЛР).

В итоге укажем, что «если проигравшая сторона имеет должным образом обоснованную юридическую позицию, арбитражное решение может быть отменено» [14, p. 406].

Справедливо, что несоблюдение основных условий и принципов арбитражного разбирательства спора недопустимо, поскольку их соблюдение «позволит сторонам процесса более эффективно защищать свои права и законные интересы» [15, с. 47].

Но в каждой конкретной ситуации вопросы соблюдения или несоблюдения вышеуказанных условий и принципов будет решать компетентный государственный суд.

Заключение

Законодательство Литовской Республики предусматривает, что предметом арбитражного разбирательства могут быть коммерческие споры между сторонами при отсутствии законодательного запрета (параграф 1, статья 12 Закона ЛР). Соблюдается принцип, что разрешено то, что не запрещено законом.

Во многих правовых системах процессуальное законодательство указывает на неарбитрабельные виды споров, но данные сведения, как правило, не содержатся в одном месте, а имеется много отсылок к различным правовым актам. Закон ЛР выгодно отличается тем, что виды неарбирабельных споров четко прописаны в статье 12 настоящего Закона, что можно считать позитивным опытом, рекомендованным к изучению и имплементации.

Следует процитировать свою предыдущую публикацию по исследуемому вопросу:

«Автор полагает необходимым предусмотреть указание всех видов споров, не подлежащих арбитражному разбирательству и не подведомственных третейским судам в одном правовом акте, регулирующем институт коммерческого арбитража, при необходимости делая на него ссылки в иных правовых актах. С точки зрения научных положений юридической техники, реализация данного предложения существенно увеличит удобство работы с правовыми актами и в итоге качество законодательства» [5, с. 318]. Объективно, данное предложение в целом осуществили литовские законодатели. Но Закон ЛР не формулирует исключительной государственной подсудности публичных правоотношений, что является некоторой недоработкой.

Можно утверждать, что третейские суды имеют право рассматривать все виды коммерческих споров, кроме споров, напрямую запрещенных законодателем к арбитражному разбирательству.

Отметим также интересную точку зрения о выработке комплексного критерия арбитрабельности споров, который предлагается в следующей формулировке: «Спор из договорных или частных правоотношений, по которым стороны вправе осуществлять распорядительные действия» [16, с. 123]. Настоящее предложение интересно и должно стать предметом дальнейших научных дискуссий.

Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству имеют большое значение. Ведь «если трибунал вообще не обладает юрисдикцией, он не имеет полномочий продолжать арбитражное разбирательство. В этом случае любое решение, которое оно вынесет, будет недействительным, а если сторона попытается ссылаться на такое решение, оно будет отменено, а в исполнении будет отказано» [17, p. 77].

Соответственно, в современной юридической науке необходимо выработать четкие и понятные правовые стандарты арбитрабельности споров.

Список источников

1. *Гавриленко В.А.* Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах Арктического региона // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 2 (51). С. 10-14. https://elibrary.ru/bdgfuv
2. *Гавриленко В.А.* Третейское разбирательство споров. Великий Новгород, 2007. 166 с. https://elibrary.ru/qxkdgl
3. *Kaufmann-Kohler G., Rigozzi A.* International Arbitration: Law and Practice in Switzerland. Oxford: Oxford University Press, 2015. 672 p. https://www.doi.org/10.1093/law/9780199679751.001.0001
4. *Гавриленко В.А.* Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств БРИКС // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 120-131. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131, https://elibrary.ru/qvgxsj
5. *Гавриленко В.А.* Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 303-318. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318, https://elibrary.ru/mezpuy
6. *Varapnickas T.* Naujieji Komercinio arbitražo istatymo pakeitimai: kokio efekto tikėtis? // Arbitrazas. Teorija ir praktika. Vilnius, 2018. № 4. P. 19-33.
7. Lietvos Respublikos komercinio arbitrazo istatymo komentaras // ed. by W. Mikelenas, V. Necrosius, E. Zemlyte. Vilnius: VJ Registru Center, 2016. 192 p.
8. *Чирич А.* Компетенция компетенции международных коммерческих арбитражей // Международный коммерческий арбитраж – состояние и перспективы. Белград, 1997. С. 194.
9. *Zemlute E.* Valstube kaip arbitrazinio susitarimo salis. Vilnius, 2014. 280 p.
10. *Зайцев А.И.* Комментарий к модельному закону «О третейских судах и третейском разбирательстве». М.: Юрайт, 2019. 148 с. https://elibrary.ru/qcbdkd
11. *Sanders P.* Quo Vadis Arbitration? Sixty Years of Arbitration Practice. The Hague: Kluwer Law International, 1999. 472 p.
12. *Mikelėnas V.* Lietuvos Respublikos komercinio arbitražo įstatymo dvidešimtmetis: ištakos, taikymo patirtis ir perspektyvos // Arbitrazas. Teorija ir praktika. Vilnius, 2016. № 2. P. 3-16.
13. *Zucconi E., Fonseca G., Rasia C.* Arbitrator versus Judge // Czech (& Central European) Yearbook of Arbitration. Interaction of arbitration and courts / ed. by A.J. Belohlavek, N. Rozehnalova. N. Y.: Juris, 2015. Vol. 5. P. 291-310.

14. *Van Houtte H.* The law of international trade. L.: Sweet & Maxwell Ltd., 2002. 432 p.
15. *Ковалева Н.В., Кузнецов Е.Е.* Назначение экспертизы в гражданском процессе по законодательству Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 1 (58). С. 42-49. https://elibrary.ru/lzyfjg
16. *Севастьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). СПб., 2015. 450 с. https://elibrary.ru/xrxzab
17. *Capper P.* International Arbitration. L.: Informa Law from Routledge, 2004. 208 p.

References

1. Gavrilenko V.A. (2021). Issues of arbitration proceedings about indemnity damages from emergencies in Arctic region states. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii = Law. Safety. Emergency Situations*, no. 2 (51), pp. 10-14. (In Russ.) https://elibrary.ru/bdgfuv
2. Gavrilenko V.A. (2007). *Treteiskoe razbiratel'stvo sporov* [Arbitration of Disputes]. Veliky Novgorod, 166 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qxkdgl
3. Kaufmann-Kohler G., Rigozzi A. (2015). *International Arbitration: Law and Practice in Switzerland.* Oxford, Oxford University Press, 672 p. https://www.doi.org/10.1093/law/9780199679751.001.0001
4. Gavrilenko V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of BRICS states. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 120-131. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131, https://elibrary.ru/qvgxsj
5. Gavrilenko V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of the states of Arctic region. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 303-318. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318, https://elibrary.ru/mezpuy
6. Varapnickas T. (2018). Naujieji Komercinio arbitražo istatymo pakeitimai: kokio efekto tikėtis? *Arbitrazas. Teorija ir praktika*. Vilnius, no. 4, pp. 19-33. (In Lith.)
7. Mikelenas W., Necrosius V., Zemlyte E. (eds.). (2016). *Lietvos Respublikos Komercinio Arbitrazo Istatymo Komentaras*. Vilnius, VJ Registru Center Publ., 192 p. (In Lith.)
8. Chirich A. (1997). Kompetentsiya kompetentsii mezhdunarodnykh kommercheskikh arbitrazhei [Competence of competence of international commercial arbitrations]. *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh – sostoyanie i perspektivy* [International Commercial Arbitration – Status and Prospects]. Belgrade, p. 194. (In Russ.)
9. Zemlute E. (2014). *Valstube Kaip Arbitrazinio Susitarimo Salis*. Vilnius, 280 p. (In Lith.)
10. Zaitsev A.I. (2019). *Kommentarii k model'nomu zakonu «O treteiskikh sudakh i treteiskom razbiratel'stve»* [Commentary on the Model Law "On Arbitration Courts and Arbitration Proceedings"]. Moscow, Urait Publ., 148 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qcbdkd
11. Sanders P. (1999). *Quo Vadis Arbitration? Sixty Years of Arbitration Practice*. The Hague, Kluwer Law International Publ., 472 p.
12. Mikelėnas V. (2016). Lietuvos Respublikos komercinio arbitražo įstatymo dvidešimtmetis: ištakos, taikymo patirtis ir perspektyvos. *Arbitrazas. Teorija ir praktika*. Vilnius, no. 2, pp. 3-16. (In Lith.)
13. Zucconi E., Fonseca G., Rasia C. (2015). Arbitrator versus Judge. *Czech (& Central European) Yearbook of Arbitration. Interaction of arbitration and courts*. New York, Juris Publ., vol. 5. pp. 291-310.
14. Van Houtte H. (2002). *The Law of International Trade*. London, Sweet & Maxwell Ltd., 432 p.
15. Kovaleva N.V., Kuznetsov E.E. (2023). Appointment of examination in civil proceedings under the legislation of the Russian Federation. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii = Law. Safety. Emergency Situations*, no. 1 (58), pp. 42-49. (In Russ.) https://elibrary.ru/lzyfjg
16. Sevast'yanov G.V. (2015). *Pravovaya priroda treteiskogo razbiratel'stva kak instituta al'-ternativnogo razresheniya sporov (chastnogo protsessual'nogo prava)* [The Legal Nature of Arbitration as an Institution of Alternative Dispute Resolution (Private Procedural Law)]. St. Petersburg, 450 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/xrxzab
17. Capper P. (2004). *International Arbitration*. London, Informa Law from Routledge Publ., 208 p.

Поступила в редакцию / Received 04.09.2023
Поступила после рецензирования / Revised 02.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 343.982.6
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-637-644
Шифр научной специальности 5.1.4

Применение метода криминалистической одорологии при раскрытии и расследовании преступлений: проблемы и перспективы

© ЛЕВАШОВА Ольга Викторовна,
кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3, https://orcid.org/0000-0002-1723-0465, olia.levaschova@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрен порядок, особенности применения одорологического метода исследования в современной криминалистике. В следственной практике встречаются ситуации, когда на месте совершения преступления остаются лишь запаховые следы человека, и зачастую этих следов впоследствии достаточно для изобличения виновных лиц в совершении конкретного преступления, что указывает на то, что рассматриваемый метод имеет реальное значение при изучении «запаховых следов» с использованием собак-детекторов. В современной криминалистике применение рассматриваемого метода является эффективным инструментом в расследовании и раскрытии уголовных преступлений, результаты которого признаются в качестве надлежащего источника данных (доказательств) в ходе судебного разбирательства. При этом эффективность этого метода зависит от квалификации специалистов, проводящих одорологические исследования, осмотра и исследования места происшествия, местности или помещения, объема знаний эксперта и возможностей применения этого метода. Также рассмотрены процессуальные и тактические проблемы применения рассматриваемого метода, предложены возможные пути решения указанных проблем. В частности, сделаны предложения, касающиеся организации дополнительного обучения по применению метода судебной одорологии, реализации учебно-практических занятий в специализированных учебных заведениях по вопросам применения рассматриваемого метода, а также проведения исследования с целью выяснения и научного обоснования проблемных вопросов, возникающих при применения метода судебной одорологии.

Ключевые слова

криминалистическая одорология, доказательство, раскрытие преступлений, запах, собака-биодетектор, запаховая информация

Для цитирования

Левашова О.В. Применение метода криминалистической одорологии при раскрытии и расследовании преступлений: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 637-644. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-637-644

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-637-644

Application of the method of forensic odorology in the detection and investigation of crimes: problems and prospects

© Olga V. LEVASHOVA,
PhD (Law), Professor, Associate Professor of Criminal Law, Process and Criminalistics Department, Lipetsk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 3 Internatsionalnaya St., Lipetsk, 398050, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-1723-0465, olia.levaschova@yandex.ru

Abstract

The order, peculiarities of application of odorologic research method in modern forensics are considered. In the investigative practice there are situations when only odor traces of a person remain at the scene of a crime, and often these traces are subsequently enough to expose the guilty persons in the commission of a particular crime, which indicates that the method under consideration has real value in the study of "odor traces" with the use of detectors dogs. In modern forensics, the application of the method under consideration is an effective tool in the investigation and detection of criminal offenses, the results of which are recognized as an appropriate source of data (evidence) during the trial. At the same time, the effectiveness of this method depends on the qualifications of specialists conducting odorological research, inspection and research of the scene, terrain or premises, the scope of knowledge of the expert and the possibilities of application of this method. The procedural and tactical problems of considered method application are also considered, possible ways of mentioned problems solution are offered. In particular, proposals are made concerning the organization of additional training on the application of forensic odorology method, the implementation of practical training in specialized educational institutions on the considered method application, as well as research to clarify and scientifically substantiate the problematic issues arising in the application of forensic odorology method.

Keywords

forensic odorology, evidence, crime detection, odor, bio-detector dog, odor information

For citation

Levashova, O.V. (2023). Application of the method of forensic odorology in the detection and investigation of crimes: problems and prospects. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 637-644 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-637-644

Введение

Для разработки специальных методов и средств поиска и исследования криминалистических объектов сформировалась отдельная часть науки криминалистики – криминалистическая техника – и ответвления этой системы. Одним из таких направлений криминалистической техники является криминалистическая одорология – это одна из отраслей криминалистики, которая занимается методами сбора, сохранения и исследования следов запахов, а также техническими средствами установления личности первоисточника следов запахов.

В 1965 г. группа российских ученых под руководством профессора А.И. Винберга разработала так называемый запаховый метод, который основан на возможности сбора и сохранения в течение достаточно длительного периода времени следов запахов, оставленных возможным преступником. Это позволило использовать служебных собак не только сразу после раскрытия преступления, но и спустя некоторое время, когда подозреваемый задержан.

Раскрытие преступления рассматривается как цель уголовного судопроизводства в целом [1, с. 88]. Важность криминалистической одорологии в расследовании и раскрытии преступлений очевидна, поскольку преступники обычно могут уничтожить свои отпечатки пальцев или другие следы, но уничтожить запаховые следы практически невозможно. Когда люди используют и трогают различные предметы, они непроизвольно оставляют следы запаха на их поверхностях. Эти следы имеют особые характеристики: постоянное образование, лету-

честь (испаряемость), рассеивание в окружающей среде и частичность. Эти характеристики запаха позволяют запаховым следам образовываться и сохраняться на поверхностях различных объектов и в окружающей среде, а также улавливаться и идентифицироваться как первоначальный источник запаха.

Поэтому следователю необходимо знать, каким образом пахучие вещества, выделяемые с потом тела человека и оседающие на материальных объектах на месте происшествия, сохраняют индивидуализирующую информацию человека и как такие следы его запаха могут быть использованы при расследовании преступлений.

Два основных явления имеют большое практическое значение для криминалистики и составляют основу криминалистического исследования запаха, а именно:

– человек имеет индивидуальный запах, который он оставляет в окружающей среде; эти запаховые следы человека можно собирать, сохранять и анализировать;

– собака представляет собой биодетектор с обонятельным анализатором, достаточно чувствительным и избирательным, чтобы почувствовать и отличить от других запахов и смесей запахов индивидуальный запах человека.

Эти два основных явления определяются физическими, биологическими, химическими и т. д. законами природы, и при наличии достаточных знаний запаховый метод может быть успешно использован в расследовании преступлений.

Результаты исследования

Запах – это свойство материальных объектов (животного, растительного и минерального происхождения), проявляющееся в процессе постоянного выделения молекул – частиц – этого материала из материала в окружающую среду [2, с. 104].

Слово «запах» имеет два значения.

Первое значение – «запах» описывает объективные свойства предмета – когда молекулы этого материала – частицы, образующие запаховой след, – постоянно выделяются из материала в окружающую среду. В физическом смысле разделение молекул – это испарение, происходящее постоянно, но с разной интенсивностью в зависимости от строения объекта и условий внешней среды.

Второе значение – «запах» описывает субъективные свойства (отражения), возникающие у человека или животного, когда молекулы – частицы душистого вещества попадают вместе с воздухом в орган обоняния и воздействуют на него.

Запах объекта, как и цвет, звук и т. д. – относится к свойствам, непосредственно влияющим на органы чувств. «Запах улавливается носом и воспринимается мозгом. Качество обоняния не существует без живого организма», – говорит известный исследователь запахов Дж. Э. Амур, и в этой области криминалисты пока не могут использовать для исследования запахов инструментальные (приборные) средства, которые были бы достаточно избирательны для анализа запахов человека.

В криминалистике важнейшей характеристикой запаха является его индивидуальность. Мы легко различаем запах любимых духов и сотни других предметов и вещей [3, с. 107].

Запах человека иногда называют его химической подписью [4, с. 674]. Таким образом, потовые железы каждого человека издают определенный индивидуальный запах.

Очень важным моментом в одорологии является восприятие запаха. Ощущение и восприятие запаха зависит от барьерной концентрации объекта – одоранта, которая определяется числом молекул в определенной единице объема (обычно в кубическом сантиметре). Например, собака может чувствовать запах масляной кислоты с концентрацией 9000 молекул на кубический метр. см воздуха, а запах масляной кислоты человек может почувствовать только при концентрации 7000000000 молекул на кубический метр. см воздуха. Другими словами, барьерная концентрация этого запаха для человека в 800000 раз ниже, чем для собак. На основе таких исследований было установлено, что собака может учуять запахи в миллион раз сильнее, чем человек.

Различают следующие физические свойства запаха.

Летучесть – способность вещества испаряться, то есть переход из твердого или жидкого состояния в газообразное. Процесс испарения происходит при любой температуре, но скорость его зависит от природы материала и условий окружающей среды.

Например, взятие жидкости и повышение температуры также ускоряют процесс испарения. Зимой, а также в закрытом помещении запах держится дольше.

Растворимость – способность молекул запаха растворяться в эпителии органов обоняния человека и животных. Эта функция позволяет принимать и распознавать запах любых предметов.

Адсорбция – способность оставаться на удерживающих запах предметах. Благодаря адсорбции возможно восприятие запаха вещества, присутствующего в небольшом количестве в воздухе, так как его молекулы поглощаются непосредственно на чистых поверхностях твердых тел.

Диффузия – проникновение частиц одного вещества в другое. Например, изношенная обувь наполняется потом – жировыми выделениями и пахучими веществами человека, проникающими через всю подошву, отделяющимися от нее и впитывающимися в окружающие предметы, а также в почву.

Рассеянность – способность запаховых следов рассеиваться в определенном пространстве, то есть изменить его объем и, таким образом, уменьшить количество ароматических веществ.

Делимость – разделение исходного следа запаха на несколько дочерних, обладающих всеми качественными характеристиками исходного источника.

Подвижность структуры – состояние следового вещества, когда молекулы движутся хаотично, постоянно перемешиваются друг с другом и с молекулами среды, в которой образуется след [5, с. 128].

Подвижность пахучих веществ (летучесть, диффузионные свойства) позволяет им достигать обонятельных рецепторов биодетектора с воздушными потоками, а растворимость позволяет их воспринимать.

Летучесть, подвижность структуры и дисперсность запаховых следов приводят к короткому периоду их удержания (адсорбции), а воздействие микрофлоры приводит к необратимым изменениям запаховых веществ, поэтому понятно, что сбор и сохранение запаховых следов следует проводить как можно скорее.

Важно обратить внимание на подвижность и диффузионные свойства структуры запаховых следов, особенно при оставлении запаховых следов несколькими лицами (группами лиц) в очень маленьком помещении, в салоне автомобиля, на предметах, расположеных рядом друг с другом. Велика вероятность того, что через определенное время после образования запахового следа запахи разных людей смешаются, то есть след запаха каждого человека также будет содержать молекулы запаха другого человека. Такие случаи часто встречаются в практике проведения одорологических проб.

Запахи можно проверить двумя способами:

1) с использованием искусственно созданного оборудования – технических детекторов;

2) с использованием биологических детекторов – живых организмов.

Принцип работы технических детекторов, используемых для изучения пахучей информации (их еще называют газоанализаторами и газовыми хроматографами).

Детекторами запаховой информации у человека, как и у собак, являются органы обоняния, строение которых сложное и определяется степенью развития организма. Собаки-биодетекторы – используются в одорологических тестах. Площадь органов обоняния собаки составляет 250–400 квадратных миллиметров и состоит из 125–224 миллионов обонятельных клеток. Каждая клетка имеет большое количество выростов (волосков), многократно увеличивающих сенсорную способность. Собака способна учуять одну молекулу душистого вещества в одном литре воздуха и аналогично в одном миллилитре воды. Собака может различать до 2 миллионов запахов, включая смешанные запахи. Эта способность объясняется тем, что собака чувствует смешанные запахи не вообще, а по отдельности, что можно сравнить с видимой человеком гаммой цветов. Обонятельный анализатор помогает собаке различать концентрацию, силу, возраст или свежесть запахов. Установлено, что обонятельные анализаторы способны различать запахи 3–5-минутной давности, а запаховая память позволяет идентифицировать идентичные по своему составу запахи. Это подтверждают не только исследования академика И.П. Павлова, но и практические ки-

нологические и одорологические исследования запахов. Их основой является запах человеческого тела, являющийся источником личной информации.

Лабораторное использование биодетекторов для идентификации индивидуальных запахов людей и сохранившихся образцов их обонятельных следов с целью определения лиц, участвовавших в событии, основано на узкой специализации собачьих следов – способности различать по запаху «предмет от предмета».

Несмотря на то, что наука и техника постоянно совершенствуются, создаются новые технические анализаторы запахов и детекторы, пока ни один из созданных приборов не может сравниться с возможностями собаки – биодетектора по идентификации человека по его запаховому следу. Но хотя целый ряд ученых и изобретателей работает в этой области на протяжении многих лет, современная наука до сих пор не может ответить на некоторые вопросы, связанные с природой запахов, закономерностями образования и т. д. Понятно, что если удастся ответить на все еще не отвеченные вопросы, то можно будет и с помощью технических средств на основе запаховых следов выявить первоисточник запахов, а пока необходимо в полной мере использовать более дешевый, более экономичный, один из самых эффективных, надежных и универсальных анализаторов запаха – биодетекторов собак.

Для судебно-медицинской практики важно, чтобы пахучие вещества, выделяемые при потоотделении тела человека и оседающие на материальных объектах на месте происшествия, сохраняли информацию, характеризующую человека, и чтобы такие запаховые следы могли быть использованы при расследовании уголовных дел после того, как человека уже нет.

Идентификация человека по запаховым следам, оставленным на месте происшествия, сопряжена с большим дефицитом информации, который подходит только для визуального анализа. Тем не менее, орудия преступления, такие как огнестрельное и стрелковое оружие, а также так называемые «кепки» (используемые для маскировки лица), спортивные шапочки, носки, перчатки, веревки и т. д. часто оставляются на месте преступления и рядом с ним (например, в засадах, тайниках) [6, с. 107]. Все эти предметы могут содержать источники индивидуального запаха человека, такие как пот, кровь, волосы, и использование криминалистической одорологии может дать очень важную информацию при расследовании преступления и стать важным фактором в раскрытии всех обстоятельств преступления [7, с. 184]. Важность анализа запаха проявляется в возможности индивидуальной идентификации по запаху лиц, причастных к преступлениям, как планируемым, так и уже совершенным. Поэтому метод запаха, позволяющий определить личность преступника, незаменим в таких ситуациях, помогая раскрывать такие сложные преступления, как убийства, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Анализ запаха расширяет возможности следствия по выявлению лиц, причастных к преступлению, и, кроме того, имеет некоторые преимущества перед биологическим методом. В частности, микроскопические следы крови (например, пятна крови на рукоятке ножа или под ней), пота на обуви или на одежде, которую носили несколько человек, обычно не позволяют экспертам решить вопрос о принадлежности к группе крови и разделении следов, оставленных разными лицами, или о смешении пятен крови разных лиц, или о связи с выделениями пота (например, на одежде и других предметах). Использование запахового метода в криминалистических задачах помогает повысить качество расследования преступлений.

Для успешного использования запахового метода в расследовании преступлений необходимо, чтобы следователи, специалисты, криминалисты и оперативные работники, осуществляющие досудебное расследование, обладали необходимыми знаниями. Эффективность использования лабораторного метода судебной одорологии напрямую зависит от методически правильного выполнения трех взаимосвязанных задач, а именно:

– сбор и сохранение запаховых следов с пахучих предметов человека;

– сбор сравнительных образцов запаха у испытуемых;

– подготовка необходимых инструментов и условий для идентификации запаха.

Неправильное выполнение любой из вышеперечисленных задач не позволит получить правильные результаты при использовании метода запаха.

Следует отметить, что в настоящее время не все распространенные одорологические проблемы решены. Механизм обоняния (ощущения, восприятия) собак-биодетекторов до конца еще не изучен. Существует также множество теорий об использовании ароматических объектов в раскрытии и расследовании преступлений, но ни одна из них не является общепризнанной. Несмотря на то, что судебная экспертиза запахов достигла конкретных результатов, повсеместное применение запахового метода на практике будет длительным процессом. Как правило, новые экспертизы используются следователями с осторожностью, так как это влияет не только на сам вид экспертизы или расследования, но и на судьбы людей.

Поскольку объектом криминалистической одорологии является обоняние человека, специалисты или должностные лица, изымающие объекты запаха в ходе следственного действия или осмотра места происшествия, участка местности, помещения, не могут непосредственно воспринимать их, и качество изъятых объектов запаха может быть нарушено.

Многие следователи, не имея специальных знаний в области изъятия запаховых следов, не могут сделать это качественно. При этом качество материала, представленного для испытания на запах, имеет решающее значение для результатов испытания, а при непосредственном проведении экспертизы эксперты-иссследователи, получившие некачественный материал или сравнительные образцы, обычно отказываются проводить соответствующие исследования и отвечать на поставленные следователем вопросы либо возвращают весь материал инициатору расследования с просьбой о дополнении и т. д., в то время как специалисты отдела судебной экспертизы запаха обычно не могут визуально заметить несоответствие представленного на исследование материала предъявляемым требованиям и проводят исследования на основании полученных материалов, что напрямую отражается на результатах в случае некачественного материала.

Иногда возникают ситуации, когда тест на запах должен быть положительным, но он дает лишь вероятное или даже отрицательное заключение. Таким образом, возникает вопрос, почему так происходит, а при непосредственном контакте с лицами, которые брали следы запаха или сравнительные образцы запаха на объекте, становится очевидным, что записи в протоколе осмотра или обследования участка, территории, помещения или в протоколе взятия сравнительных образцов не соответствуют действительности. На практике оказывается, что следователи или специалисты, по незнанию или из-за отсутствия времени, не соблюдают методику сбора и сохранения объектов запаха, что делает проверку запаха и полученные результаты бессмысленными, а иногда и вредными, так как они могут ввести в заблуждение следователей, опровергнуть выдвинутые теории или дать еще один козырь для защиты освидетельствуемого лица [8, с. 90].

Одорологический метод часто используется при расследовании преступлений против собственности, имущественных прав и имущественных интересов, в частности при расследовании хищений транспортных средств и краж, и в меньшей степени при расследовании преступлений против здоровья и жизни человека. На месте происшествия всегда присутствует специалист из отдела криминалистики для изъятия следов запахов или предметов со следами. Запаховые следы чаще всего изымаются с предметов, с которыми мог контактировать преступник, то есть с автомобильных сидений, окурков, одежды и обуви. Следы запаха гораздо менее вероятны при изъятии следов ног или обуви. Следует отметить, что при осмотре места происшествия и изъятии запаховых следов не всегда берутся фоновые запахи или не соблюдаются иные методические требования, например, недостаточное время контакта поглотителя запаха с объектом, сохраняющим след.

Таким образом, проблемными вопросами применения судебной одорологии является отсутствие информации, знаний и практических навыков об этом методе. Нередки случаи отсутствия у должностных лиц, осуществляющих досудебное расследование, знаний об одорологическом методе, в ре-

зультате чего одорологический метод не применяется вовсе или применяется с нарушением методических требований, в результате чего это влияет на результаты одорологических тестов, и исследователи не получают ожидаемых результатов от одорологических тестов [9, с. 116]. Также проблемным моментом является отсутствие технических средств, играющих не самую важную, но весьма существенную роль, поэтому одорологический метод сравнительно редко применяется при раскрытии и расследовании преступных деяний.

Можно отметить, что одорологический метод является достаточно эффективным инструментом расследования и раскрытия преступных деяний. Следует подчеркнуть, что одорологическая экспертиза ценна, если она проводится компетентными, квалифицированными специалистами, обладающими знаниями и практическими навыками на протяжении всего процесса (то есть от взятия запаховых следов на месте происшествия до составления заключения одорологической экспертизы).

Чтобы метод судебной одорологии был максимально эффективным и признан незаменимым инструментом при раскрытии и расследовании преступных деяний, предлагается:

1) организовать дополнительное обучение по применению метода судебной одорологии при раскрытии и расследовании преступных деяний для субъектов досудебного расследования страны;

2) в специализированных учебных заведениях, готовящих будущих специалистов и следователей, уделить больше внимания учебно-практическим занятиям по вопросам применения метода судебной одорологии при раскрытии и расследовании преступлений;

3) по возможности и при достаточном финансировании дать возможность специалистам отдела судебной одорологии провести исследования с целью выяснения и научного обоснования некоторых проблемных вопросов применения метода судебной одорологии (в ходе экспериментов и испытаний определить оптимальные время взятия фоновых запахов следов запаха, сравнительные пробы запаха, как долго сохраняются следы запаха в различных условиях и т. д.).

Заключение

Хотя использование запахового метода на практике началось сравнительно недавно, очевидно, что он вызывает интерес не только в России, но и в других странах. В некоторых из этих стран к результатам запаховых тестов относятся так же, как и ко всем другим фактическим данным, полученным в ходе расследования уголовных преступлений.

Криминалистическая одорология является перспективным направлением. Полноценное использования запаховых следов в уголовном судопроизводстве возможно лишь в условиях, если судебная одорология получит официальное закрепление в практике, будет создана детальная регламентация методик одорологического исследования, и результаты одорологических экспертиз будут использоваться как полноценное доказательство в уголовных производствах. Преимущество одорологического метода в том, что можно исследовать такие следы, которые образуются независимо от воли или воли преступников, следы запаха невидимы, поэтому их трудно уничтожить. Правильно собранные и законсервированные следы человеческого запаха на месте происшествия хранятся 5 лет, а при необходимости и дольше.

Большую роль в развитии запахового метода сыграли специалисты Центра судебных экспертиз при МВД РФ, которые на основе проведенных испытаний и мировой практики подтвердили утверждение, что запах каждого человека индивидуален, даже в случае близнецов с практически идентичной генетической формулой (монозиготные близнецы). Они также разработали методику проведения экспертизы запаха с использованием биологического детектора запаха в виде специально обученных служебных собак.

Список источников

1. *Потапов С.А.* Основные аспекты, характеризующие понятие раскрытия преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 1 (21). С. 86-92. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-1-86-92, https://elibrary.ru/rmipia

2. *Булатецкий С.В., Куфтерин А.Н., Рудавин А.А.* Некоторые аспекты криминалистической одорологии запаховых следов человека // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 10 (51). С. 104-106. https://elibrary.ru/xoserf
3. *Моисеева Т.Ф.* Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека. М.: РГУП, 2018. 248 с. https://elibrary.ru/tubgop
4. *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика. М.: Норма, 2014. 928 с. https://elibrary.ru/uoigqf
5. *Палеева А.А., Томашевич Н.К.* Сущность и значение одорологии в криминалистике // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. 26 Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение», 2020. С. 127-129. https://elibrary.ru/dusjme
6. *Кусмарцева А.А., Рывкин С.Ю.* Особенности исследования запаховых следов человека // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 2. №. 10. С. 104-111. https://elibrary.ru/crpchq
7. *Лукаш Ю.А.* Тактика поведения подозреваемого и обвиняемого. М.: Флинта, 2022. 431 с.
8. *Шорина Д.А., Галимова Р.Р.* Некоторые проблемы, связанные с применением одорологической экспертизы // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 2. № 7. С. 89-95. https://elibrary.ru/lpgmuc
9. *Дерун Е., Волянюк Е.* Отдельные правовые проблемы регламентации одорологического исследования // Legea şi Viaţa. 2021. № 1. С. 115-117.

References

1. Potapov S.A. (2022). Some aspects of forensic odorology of human odor traces. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 1 (21), pp. 86-92. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-1-86-92, https://elibrary.ru/rmipia
2. Bulatetskii S.V., Kufterin A.N., Rudavin A.A. (2018). Some aspects of forensic odorology of human odor traces. *Tsentral'nyi nauchnyi vestnik = Central Science Bulletin*, vol. 3, no. 10 (51), pp. 104-106. (In Russ.) https://elibrary.ru/xoserf
3. Moiseeva T.F. (2018). *Kompleksnoe kriminalisticheskoe issledovanie potozhirovykh sledov cheloveka* [Complex Forensic Investigation of Human Sweat Traces]. Moscow, The Russian State University of Justice Publ., 248 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/tubgop
4. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. (2014). *Kriminalistika* [Forensics], Moscow, Norma Publ., 928 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/uoigqf
5. Paleeva A.A., Tomashevich N.K. (2020). Sushchnost' i znachenie odorologii v kriminalistike [Essence and significance of odorology in forensics]. *Sbornik statei 26 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennaya yurisprudentsiya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii»* [Proceedings of the 26 International Scientific and Practical Conference "Modern Jurisprudence: Topical Issues, Achievements and Innovations"]. Penza, Science and Enlightenment Publ., pp. 127-129. (In Russ.) https://elibrary.ru/dusjme
6. Kusmartseva A.A., Ryvkin S.Yu. (2020). Osobennosti issledovaniya zapakhovykh sledov cheloveka [Peculiarities of Human Odor Traces Research]. *Moya professional'naya kar'era* [My Professional Career], vol. 2, no. 10, pp. 104-111. (In Russ.) https://elibrary.ru/crpchq
7. Lukash Yu.A. (2022). *Taktika povedeniya podozrevaemogo i obvinyaemogo* [Tactics of the Suspect and the Accused Behavior]. Moscow, Flinta Publ., 431 p. (In Russ.)
8. Shorina D.A., Galimova R.R. (2019). Nekotorye problemy, svyazannye s primeneniem odorologicheskoi ekspertizy [Some problems associated with the application of odorologic expertise]. *Moya professional'naya kar'era* [My Professional Career], vol. 2, no. 7, pp. 89-95. (In Russ.) https://elibrary.ru/lpgmuc
9. Derun E., Volyanyuk E. (2021). Otdel'nye pravovye problemy reglamentatsii odorologicheskogo issledovaniya [Certain legal problems of odorologic research regulation]. *Legea şi Viaţa*, no. 1, pp. 115-117. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 27.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 12.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
2023. Т. 7. № 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/

AKTUAL'NYE PROBLEMY GOSUDARSTVA I PRAVA =
= CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW
2023, vol. 7, no. 4
http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/
ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ REVIEW OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 332.025.28+ 330.526.34
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-645-652
Шифр научной специальности 5.1.3

Актуальные проблемы отсутствия реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества как санкция за недобросовестное поведение участников торгов

© КОРОЛЁВ Евгений Валериевич,
аспирант, кафедра гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики», Российская Федерация, 190020, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский просп., 44; начальник управления правового, документационного и кадрового обеспечения, ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», Российская Федерация, Московская обл., 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24, https://orcid.org/0009-0001-8926-1287, svetazukovskya23101992@gmail.com

Аннотация

Рассмотрены актуальные проблемы, связанные с отсутствием единого реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества как санкция за недобросовестное поведение участников торгов. Торги в данной области производятся на определенных электронных площадках и в соответствии с установленным законодателем порядке. Несоблюдение правил торгов приводит к затягиванию процедуры приватизации государственного и муниципального имущества, что причиняет определенные убытки организаторам торгов. Объектом исследования выступают общественные отношения, которые складываются в результате недобросовестного поведения участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества. Цель исследования состоит в проведении комплексного анализа недобросовестного поведения участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества и определении формирования реестра в виде санкции за такое поведение. Решены определенные задачи: выявлены особенности недобросовестного поведения участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества и определена эффективность формирования единого реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества как санкции за недобросовестное поведение. Применена совокупность общенаучных и частно-научных методов познания, а именно: анализ, синтез, индукция, дедукция, логический, аналогия и др. Доказана целесообразность формирования реестра недобросовест-

ных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества, обусловлена необходимость применения данного реестра в качестве санкции за такое поведение при проведении торгов в рассматриваемой области, а также обоснована возможность проведения аналогии с реестром недобросовестных участников земельного аукциона.

Ключевые слова

электронные торги, приватизация, государственное и муниципальное имущество, реестр, недобросовестное поведение, участники торгов

Для цитирования

Королёв Е.В. Актуальные проблемы отсутствия реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества как санкция за недобросовестное поведение участников торгов // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 645-652. https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-645-652

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-645-652

Current issues of the lack of a register of dishonest bidders for the privatization of state and municipal property as a sanction for dishonest behavior of bidders

© Evgenii V. KOROLEV,
Post-Graduate Student, Civil Law and Procedure Department, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44 Lermontovskii Ave., St. Petersburg, 190020, Russian Federation; Head of Legal, Documentation and Personnel Support Department, Moscow Region State Pedagogical University, 24 Very Voloshinoy St., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation, https://orcid.org/0009-0001-8926-1287, svetazukovskya23101992@gmail.com

Abstract

The current issues associated with the lack of a unified register of dishonest bidders for the privatization of state and municipal property as a sanction for the dishonest behavior of bidders are considered. Trading in this area is carried out on certain electronic platforms and in accordance with the procedure established by the legislator. Failure to comply with the auction rules leads to delays in the privatization procedure of state and municipal property, which causes certain losses to the auction organizers. The object of the study is social relations that develop as a result of dishonest behavior of bidders for the privatization of state and municipal property. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the dishonest behavior of bidders for the privatization of state and municipal property and determine the formation of a register in the form of a sanction for such behavior. Certain tasks are solved: the features of dishonest behavior of bidders for the privatization of state and municipal property are identified and the effectiveness of the formation of a unified register of dishonest bidders for the privatization of state and municipal property as sanctions for dishonest behavior are determined. A set of general scientific and private scientific methods of cognition is applied, namely: analysis, synthesis, induction, deduction, logical, analogy, etc. The feasibility of forming a register of unscrupulous bidders for the privatization of state and municipal property is proven, the need to use this register as a sanction for such behavior during bidding in the area under consideration, and also the possibility of drawing an analogy with the register of unscrupulous participants in a land auction is justified.

Keywords

electronic bidding, privatization, state and municipal property, registry, unfair behavior, bidders

For citation

Korolev, E.V. (2023). Current issues of the lack of a register of dishonest bidders for the privatization of state and municipal property as a sanction for dishonest behavior of bidders. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 645-652 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-645-652

Введение. Постановка проблемы

Вопросы проведения торгов по приватизации государственного и муниципального имущества являются весьма актуальными, а проблемы, которые возникают в данной области, требуют особого внимания со стороны законодателя.

Одной из таких проблем выступает участие в торгах недобросовестных участников, которые своими действиями нарушают процедуру проведения таких торгов, тем самым причиняя ущерб организатору. В законодательстве определено, что санкцией за такое поведение выступает невозврат задатка, который уплачивает лицо, изъявляющее желание достичь цели торгов – заключения договора купли-продажи. Тем не менее, на практике невозврат задатка не является достаточно эффективной санкцией, соответственно требуются существенные проработки законодательства в области мер ответственности, применяемых к таким участника торгов.

В рамках данного исследования применяется совокупность методов научного познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, логический, аналогия и др.

Исследованием проблем в области проведения торгов, а равно недобросовестного поведения участников занимались М.В. Белобородов, В.Е. Бандур, А.М. Бронников, А.В. Воробьева, В.А. Тищенко, Е.Н. Матвеева, А.А. Шарапова, А.А. Сергеева, Д.А. Созаева, И.А. Коневец и др.

Новизна данного исследования состоит в том, что нами предложено введение реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества как санкции за недобросовестное поведение участников.

Формируется положение о том, что применение данной санкции к участникам торгов по приватизации государственного и муниципального имущества должно быть регламентировано законодателем, а ее применение должно осуществляться не только по отношению к победителям торгов, но и к тем участникам, которые подают многочисленные заявки.

Результаты исследования

Правовое обоснование недобросовестного поведения участников торгов. Если обратиться к законодательной регламентации процедуры проведения торгов, то следует отметить, что в настоящее время не разработан единый нормативно-правовой акт, который регулировал бы особенности такого приобретения имущества. Регламентация отношений по поводу приобретения имущества на торгах осуществляется различными нормативно-правовыми актами для определенных видов торгов. Тем не менее, следует констатировать факт единых элементов, которые обобщают процедуры проведения торгов для различного вида имущества. Таким элементом выступает задаток [1, с. 156].

В соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ[1] задаток, который вносит каждый участник торгов по приватизации государственного и муниципального имущества, обеспечивает предварительный договор, который заключается посредством торгов и гарантирует, в случае победы в торгах, заключение договора купли-продажи такого имущества.

Таким образом, между победителем торгов и их организатором возникают определенные обязательства, которые заключаются в заключении и исполнении договора купли-продажи государственного и муниципального имущества [2, с. 27].

В том случае, если победитель таких торгов отказывается от подписания договора купли-продажи, то его поведение целесообразно расценивать как недобросовестное [3, с. 205].

Как утверждает А.М. Бронников: «Задаток призван защищать организатора торгов только в случае, если лицо, признанное победителем, уклоняется от заключения контракта» [4, с. 38].

Таким образом, лицо, которое обеспечило свое участие в торгах задатком, в случае победы, отказавшееся от исполнения обязательств, которые предусматривает внесенный задаток, является нарушителем порядка проведения торгов по приватизации государственного и муниципального имущества, а его действия расцениваются как недобросовестные.

[1] О приватизации государственного и муниципального имущества: Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 28 янв. № 4. Ст. 251.

В указанной ситуации задаток, который вносится участником торгов, не возвращается, что подтверждает обеспечительную и штрафную функцию задатка.

Обратимся к пункту 6 статьи 448 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), в которой определено, что: «если в соответствии с законом заключение договора возможно только путем проведения торгов, при уклонении организатора торгов от подписания протокола победитель торгов вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор, а также о возмещении убытков, вызванных уклонением от его заключения»[2].

Данное положение применимо только в том случае, если требование о заключении договора купли-продажи не исполняет организатор долгов [5, с. 209]. Обратимся к статье 217 ГК РФ, где указано на то, что нормы ГК РФ применяются в данных правоотношениях тогда, когда в приватизационном законодательстве не указано иное.

Соответственно, применяя нормы приватизационного законодательства, формируем вывод о том, что победитель, который отказался заключить договор купли-продажи, лишается внесенного задатка и утрачивает право на заключение такого договора.

Обобщая сказанное, отметим, что каждый участник торгов в обязательном порядке вносит задаток, который гарантирует его участие в таких отношениях. Помимо того, что задаток позволяет лицу, внесшему определенную денежную сумму, участвовать в торгах, он также является обеспечением порядка проведения торгов. Иными словами, если участник торгов ведет себя недобросовестно, то в такой ситуации задаток возврату не подлежит и покрывает определенные убытки, которые несет организатор таких торгов [6].

Таким образом, одним из вариантов недобросовестного поведения участника торгов по приватизации государственного и муниципального имущества является отказ победителя торгов от заключения договора купли-продажи [7, с. 25].

Помимо отказа в заключении договора купли-продажи государственного и муниципального имущества еще одним вариантом недобросовестного поведения участников торгов выступает содействие в приобретении государственного и муниципального имущества другому участнику торгов.

Данное содействие представляется в том, что недобросовестный участник вносит задаток не с целью заключения договора купли-продажи, а для того, чтобы обеспечить возможность заключить данный договор другому участнику.

Таким образом, в торгах на постоянной основе могут принимать участие «притворные» участники, которые систематически осуществляют нарушение процедуры проведения торгов, тем самым причиняя вред организатору.

Как правило, такие участники осуществляют содействие на возмездной основе. Иными словами, лицо, которое желает приобрести то или иное государственное или муниципальное имущество, договаривается с «притворным» участником торгов о необходимости оказания содействия в таком приобретении, за что последний получает соответствующее вознаграждение. Соответственно, задаток, который теряет недобросовестный участник торгов, не имеет существенного значения.

Рассмотрев особенности признания участника торгов по приватизации государственного и муниципального имущества недобросовестным, целесообразно утверждать, что не всегда лишение возможности вернуть задаток выступает эффективной санкцией за нарушение порядка проведения торгов. Таким образом, необходимо введение дополнительных мер ответственности для недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества.

Формирование единого реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества, как санкции за недобросовестное поведение. Исходя из анализа недобросовестного поведения участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества следует, что единственной санкцией за такое

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30.11.1994 № 51-ФЗ в ред. от 24.07.2023 № 351-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 5 дек. № 32. Ст. 3301.

поведение выступает невозврат задатка. Тем не менее, имеют место ситуации, когда потеря определенной денежной суммы не имеет существенного значения для участника, соответственно, последний может также продолжать недобросовестно участвовать в торгах, тем самым нарушая порядок их проведения и предотвращая достижение цели данной процедуры [8, с. 307].

Таким образом, полагаем, что одной санкции в данной ситуации не достаточно, и требуется введение дополнительной меры ответственности, которая будет способствовать предотвращению совершения недобросовестных действий в рамках торгов по приватизации государственного и муниципального имущества.

Итак, если участник систематически нарушает процедуру проведения торгов, своими действиями мешает достижению их цели и при этом не боится потерять денежные средства, которые были уплачены в качестве задатка, необходимо применение санкции, которая не будет связана с денежным эквивалентом. В данной ситуации целесообразной будет являться санкция в виде включения такого лица в реестр недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества. Иными словами, недобросовестный участник в результате совершения действий, мешающих или нарушающих процедуру проведения торгов по приватизации государственного и муниципального имущества, будет лишаться права участия в таких торгах на определенное время.

В настоящее время данная санкция за нарушение процедуры торгов по приватизации государственного и муниципального имущества не предусмотрена, что, на наш взгляд, является существенным законодательным пробелом, который требует незамедлительного реагирования законодателя.

Ведение реестра недобросовестных участников осуществляется в рамках проведения аукционов, например, на право пользования участками недр[3], по продаже земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, либо аукциона на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности[4] (далее – земельный аукцион) и др.

Обратим внимание, если лицо являлось участником одного из аукционов и проявило себя как недобросовестное, то в таком случае внесение последнего в один из таких реестров не влечет за собой исключение права на участие в иных аукционах [9, с. 204].

Анализ правил ведения реестров недобросовестных лиц позволяет определить общие положения. К таковым относится срок включения недобросовестного участника в реестр и составляет два года. Помимо того, что такой участник лишается права на участие в торгах, включение в такой реестр приводит к резкому падению деловой репутации последнего, тем самым негативно влияя на его дальнейшую предпринимательскую деятельность [10].

Итак, включение недобросовестного участника торгов является эффективной санкцией, которая в сочетании с невозвратом задатка будет оказывать существенное воздействие на поведение участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества.

Таким образом, предлагается создать реестр недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества, при этом применив аналогию с ведением реестра недобросовестных участников земельного аукциона.

Предлагаем раскрыть особенности данной санкции более детально, опираясь на особенности ведения реестра недобросовестных участников земельного аукциона.

[3] О недрах: Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 10.07.2023) // Российская газета. 1992. 5 мая. № 102.

[4] О порядке ведения реестра недобросовестных участников аукциона по продаже земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, либо аукциона на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в том числе требованиях к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения ведения данного реестра: приказ Федеральной антимонопольной службы от 14.04.2015 № 247/15 (с изм. и доп. от 7.12.2022 // Российская газета. 2015. 20 июля. № 157.

Обратимся к части 27 статьи 39.12 Земельного кодекса РФ[5] (далее – ЗК РФ), положения данной статьи регламентируют особенности ведения такого реестра. Участник вносится в реестр в том случае, если он является победителем аукциона и отказывается от заключения договора аренды или купли-продажи земельного участка.

По аналогии, в реестр недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества должны будут вноситься участники, которые являются победителями торгов, но отказываются заключить договор купли-продажи с продавцом такого имущества.

Таким образом, участник, который не подписал договор купли-продажи, будет внесен в реестр недобросовестных участников. Тем не менее, для того чтобы избежать определенных противоречий в области оснований включения такого участника в реестр, необходимо обратиться к практике, которая позволит определить ситуации, когда возможно избежать внесения участника в реестр ввиду отсутствия недобросовестности в его действиях, даже несмотря на то, что договор купли-продажи не был заключен.

Применим также по аналогии практики исключения недобросовестности участника земельного аукциона, которая предотвращает включение в реестр недобросовестных участников земельного аукциона.

Таким образом, ситуациями, которые исключают внесение участника в реестр недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества, будут являться:

1) не заключение договора купли-продажи в результате недобросовестных действий организатора торгов. Обратимся к судебной практике. Так, участник, который не подписал договор, не будет считаться недобросовестным, если организатором торгов нарушены сроки направления проекта такого договора[6];

2) подписание договора с нарушением сроков и при отсутствии недобросовестных действий организатора таких торгов. Включения участника торгов в реестр недобросовестных возможно избежать в данной ситуации лишь в том случае, если такой участник сможет доказать, что нарушение сроков подписания договора произошло по причинам, которые от него не зависят и предотвратить которые он не мог[7]. Например, задержки в работе почтовых отделений.

Итак, участник торгов по приватизации государственного и муниципального имущества сможет избежать включения в реестр недобросовестных участников в том случае, если договор купли-продажи не будет подписан в результате недобросовестных действий самого организатора торгов или же будет подписан с нарушением сроков, но по независящим от такого участника обстоятельствам.

Если обратить внимание на часть 27 статьи 39.12 ЗК РФ, то из прямого толкования следует, что санкция в виде включения в реестр недобросовестных участников применима лишь к одному субъекту, а именно победителю торгов, так как договор заключается именно с таким участником. Тем не менее, на практике осуществляется расширительное толкование данной нормы, что способствует расширению области ее применения.

Исходя из сказанного, применение данной санкции возможно и к тем участникам торгов, которые не являются победителями. Полагаем, что применение данной санкции возможно в ситуациях, когда лицо подает множество заявок на участие в торгах, но не для достижения цели торгов. Включение таких участников в реестр недобросовестных участников позволит решить проблему участия в торгах «притворных» участников.

[5] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. 29 окт. № 44. Ст. 4147.

[6] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.04.2019 № Ф08-2201/2019 по делу № А32-29659/2018 // Электронное правосудие. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 17.06.2023); Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.04.2019 № Ф08-2201/2019 по делу № А32-29659/2018 // Электронное правосудие. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 17.06.2023).

[7] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.05.2018 № Ф08-2955/2018 по делу № А63-8220/2017 // Электронное правосудие. URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 17.06.2023).

Заключение

Завершая данное исследование, приходим к выводу о том, что формирование реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества является необходимым шагом к повышению эффективности и добросовестности проведения таких торгов. В настоящее время применить санкцию в виде включения в реестр недобросовестных участников возможно лишь по отношению к победителям торгов, однако, расширение субъектов, в отношении которых данная мера может быть применена, приведет к исключению «притворных» участников из торгов по приватизации государственного и муниципального имущества.

Представленные выводы могут определить вектор дальнейшего исследования по данной тематике, а также послужить основанием для внесения изменений в приватизационное законодательство.

Список источников

1. *Воробьева А.В.* К вопросу о понятии приватизации государственного и муниципального имущества // Молодой ученый. 2017. № 17 (151). С. 155-158. https://elibrary.ru/ymfafx
2. *Созаева Д.А.* Торги по приватизации государственного и муниципального имущества в электронной форме: проблемы методологии и практики // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 11 (242). С. 26-34. https://doi.org/10.24412/2072-4098-2021-11-26-34, https://elibrary.ru/cgymnu
3. *Зенин И.А.* Гражданское право. Особенная часть. 19-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2022. 295 с.
4. *Бронников А.М.* Обеспечение, применяемое при организации и проведении имущественных торгов // Юридические исследования. 2019. № 1. С. 34-43. https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.1.27495, https://elibrary.ru/iancnn
5. *Коневец И.А.* Приватизация государственного и муниципального имущества: гражданско-правовой аспект // Экономика и социум. 2020. № 2 (69). С. 209-215. https://elibrary.ru/vlsuov
6. *Белобородов М.В., Бандур В.Е.* Правовые аспекты применения законодательства о недобросовестности участника торгов в гражданском праве // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 100-102. https://elibrary.ru/rroetn
7. *Сергеева А.А.* Научно-практические аспекты применения законодательства о недобросовестности участника торгов в гражданском праве // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сб. ст. 21 Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 24-27. https://elibrary.ru/xvsduk
8. *Матвеева Е.Н., Шарапова А.А.* Реестр недобросовестных участников как универсальная санкция за недобросовестное поведение участника торгов // Образование и право. 2021. № 5. С. 306-311. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-5-306-311, https://elibrary.ru/tcxjte
9. *Астапова Е.В., Смоленский М.Б.* Гражданское право. М.: КноРус, 2022. 335 с.
10. *Тищенко В.А.* Сравнительно-правовое исследование реестров недобросовестных участников конкурентных процедур, урегулированных федеральными законами «о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», «о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», а также Земельным, Жилищным и Лесным кодексами Российской Федерации // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9. № 2. Ст. 20. https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.9(2).20, https://elibrary.ru/ylvxyt

References

1. Vorob’eva A.V. (2017). K voprosu o ponyatii privatizatsii gosudarstvennogo i munitsipal’nogo imushchestva [On the issue of the concept of privatization of state and municipal property]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], no. 17 (151), pp. 155-158. (In Russ.) https://elibrary.ru/ymfafx
2. Sozaeva D.A. (2021). Bidding on the privatization of state and municipal property in electronic form: problems of methodology and practice. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*, no. 11 (242), pp. 26-34. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2072-4098-2021-11-26-34, https://elibrary.ru/cgymnu
3. Zenin I.A. (2022). *Grazhdanskoe pravo. Osobennaya chast’* [Civil Law. Special Part]. Moscow, Urait Publ., 295 p. (In Russ.)

4. Bronnikov A.M. (2019). Security of obligations applicable during organisation and conduction of property. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, no. 1, pp. 34-43. (In Russ.) https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.1.27495, https://elibrary.ru/iancnn
5. Konevets I.A. (2020). Privatization of state and municipal property: civil and legal aspects. *Ekonomika i sotsium = Economy and Society*, no. 2 (69), pp. 209-215. (In Russ.) https://elibrary.ru/vlsuov
6. Beloborodov M.V., Bandur V.E. (2021). Legal aspects of the application of the legislation on the failure of a trader in civil law. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, no. 4, pp. 100-102. (In Russ.) https://elibrary.ru/rroetn
7. Sergeeva A.A. (2023).Scientific and practical aspects of application of legislation on breakfairness of trade participants in civil law. *Sbornik statei 21 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatel'stvo»* [Collection of Works of the 21st International Scientific and Practical Conference "Legal Sciences, Rule of Law and Modern Legislation"]. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., pp. 24-27. (In Russ.) https://elibrary.ru/xvsduk
8. Matveeva E.N., Sharapova A.A. (2021). The register of unfair bidders as a universal sanction for unfair behavior of a bidder. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, no. 5, pp. 306-311. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-5-306-311, https://elibrary.ru/tcxjte
9. Astapova E.V., Smolenskii M.B (2022). *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Moscow, KnoRus Publ., 335 p. (In Russ.)
10. Tishchenko V.A. (2018). Comparative and legal study of registries of unscrupulous participants of competitive procedures regulated by federal laws "On the contract system in the sphere of purchase of goods, jobs and services for providing the state and municipal needs", "On purchase of goods, jobs, services by certain types of legal entities", as well as by the land, housing and forest codes of the Russian Federation. *Baikal Research Journal*, vol. 9, no. 2, art. 20. (In Russ.) https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.9(2).20, https://elibrary.ru/ylvxyt

Поступила в редакцию / Received 07.08.2023
Поступила после рецензирования / Revised 14.11.2023
Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная